
ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Обновленный Минск

3 июля — десятилетие со дня освобождения Минска от гитлеровских захватчиков.

Люди, видевшие Минск до войны или побывавшие в нем в первые годы после освобождения, не узнают теперь былых улиц и площадей, от которых сохранились только названия. А то и названия им будут незнакомы.

Улица Ватутина... Улица Гастелло... Улица Доватора... Улица Заслонова...

Возрождающийся Минск уже давно перерос те границы, в которые он вмещался в довоенные годы. Свыше 200 новых улиц появилось в нынешней белорусской столице.

Трамвай везет нас из центра к городской окраине. Несколько лет назад здесь был тихий сосновый бор. Теперь тут высятся шумные громады цехов тракторного завода. Рядом раскинулся обширный рабочий поселок с веселыми и светлыми домами. На высоком здании табличка: «Улица Олега Кошевого». Дом № 16. Его жильцы — молодые специалисты. Многие из них ровесники Олега Кошевого. Не случайно улица названа этим именем: она создана руками молодых строителей.

Все больше архитектурных ансамблей освобождается от строительных лесов. Краше других проспект имени Сталина — центральная магистраль Минска. Прямая, как стрела, обрамленная деревьями, она застроена красивыми домами.

В этом году на строительные работы ежедневно расходуется свыше 2,5 млн. рублей.

В. ПОНОМАРЕВ

На снимке: Минск. Проспект имени Сталина.

Фото В. Лупейко.

На первой и последней страницах обложки запечатлены эпизоды свадьбы в болгарском селе Сухозем, близ Пловдива. На первой странице: Почетные гости Ненко Иванов и его супруга Стойна Ненкова с внуком следят за хоро — свадебной пляской. На последней странице: Самодеятельный кукольный театр кооператива в селе Сухозем (см. в номере репортаж «Болгарская свадьба»).

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 27 (1412)

4 ИЮЛЯ 1954

32-й год издания.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Есть у московских школьников замечательная традиция — заканчивать торжества в честь получения аттестата зрелости на Красной площади.

Ночь. Яркими огнями сияют окна школ. Гремит музыка, один танец сменяется другим. Вот кто-то запел «Школьный вальс», и все подхватили знакомую мелодию...

В одном из классов 45-й школы рабочей молодежи Куйбышевского района юноши и девушки окружили старейшую учительницу Е. Е. Орлову. Они поделились с ней своими планами на будущее, а потом все вместе пошли на Красную площадь.

Было еще темно, но здесь уже собрались сотни выпускников. Они кладут букеты живых цветов к подножию Мавзолея В. И. Ленина и И. В. Сталина. Несколько секунд торжественного молчания: как бы приносится клятва верности великому делу Коммунистической партии. А потом веселой гурьбой молодежь идет вдоль кремлевских стен, гуляет по Красной площади.

...Скоро пять часов утра. Лучи солнца осветили площадь. Хороша Москва ранним июньским утром! Для сотен тысяч выпускников это утро — начало новой поры, самостоятельной жизни в рядах строителей коммунизма. В добрый путь!

Фото А. Гостева.

ХЛЕБ ПОШЕЛ!

Все советские люди с радостью и воодушевлением встретили постановление Пленума ЦК КПСС «Об итогах весеннего сева, уходе за посевами, о подготовке к уборке урожая и обеспечении выполнения плана заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1954 году».

Проведенная партией и правительством большая работа по дальнейшему укреплению сельского хозяйства позволила колхозам, МТС и совхозам в нынешнем году более организованно провести весенний сев. Повысилось и качество сельскохозяйственных работ. Государственный план сева яровых культур перевыполнен: посеяно на 9,5 миллиона гектаров больше, чем в 1953 году. Перевыполнено задание по посеву зерновых культур на целинных и залежных землях.

Но весенний сев — это только начало борьбы за высокий урожай. Победный исход ее решают тщательный уход за посевами и наконец проведенная во-время и без потерь уборка урожая.

Пленум ЦК КПСС выразил твердую уверенность в том, что все колхозники и колхозницы, рабочие и работницы МТС и совхозов, специалисты сельского хозяйства образцово проведут уборку урожая и заготовки сельскохозяйственных продуктов и тем самым сделают крупный шаг вперед по пути выполнения важнейшей всенародной задачи — крутого подъема сельского хозяйства,— поставленной Коммунистической партией и Советским правительством.

Публикуемые фотографии рассказывают о том, как в Узбекистане, где уже началась страдная пора, убирают урожай зерновых.

←
Совхоз «Ударник», Зааминского района, Самаркандской области, Узбекской ССР. Более чем 18 тысяч гектаров засеяно зерновыми. Сейчас круглые сутки гудят здесь мощные комбайны «Сталинец-6».

У штурвала — лучший комбайнер совхоза тов. Н. П. Одарченко. В день он убирает хлеб с площади в 50 га, а норма — 16.

Мусфере Асанова трудится на току. Как не улыбаться, когда работа спорится!

Новая техника пришла в узбекский совхоз. Идет очистка зерна зернопультом.

В бригаде А. Бекчураева час обеденного перерыва. Парторг 1-й Зааминской МТС Н. Арипов читает рабочим газету.

Горячие дни уборки наступили и в колхозе имени Сталина, Зааминского района. Водонос М. Ишамотов принес воду комбайнеру И. Юльякшиневу.

Первая колонна автомашин с хлебом нового урожая, выращенного на полях совхоза «Ударник», направляется на заготпункт.

Фото специального корреспондента «Огонька» **Я. РЮМКИНА.**

РОЖДЕНИЕ ЗЕРНОГРАДА

Вл. СОЛОУХИН

Фото автора.

...Недалеко от того места, где выпирают из-под земли камни, где они перегораживают русло реки, образуя подобие горного уголка с бурлящей и падающей водой, появился лагерь. Двумя строгими рядами выстроились островерхие темнозеленые палатки.

На палатках сделаны надписи мелом: «Амбулатория», «Бригада № 4», «Почта» (перед этой палаткой красовался голубой почтовый ящик, прибитый к шесту). Кто-то шутливо вывел на парусине своей палатки: «Без стука не входить». А большая, с окнами, палатка, в которую упирались оба ряда лагеря, украсилась надписью: «Больница совхоза Кайракты».

В середине лагеря воткнули кол и повесили на нем диск от культиватора: хотите — гонг, хотите — вечевой колокол, одним словом, сигнал. Вскоре приехал голубой фургон. «ГУМ»,— сразу окрестили его москвичи. В сторонке на траве забелели щепки— там плотники начали строить столовую. А пока дымок походных кухонь бойко струился кверху. Уже где-то зашипел примус, кто-то заиграл на гармони, и мальчик лет трех вывел на площадку свой велосипед. Обжитой вид приняла степь.

В одной из палаток расположился парторг совхоза Галим Ахмедьяров со своим небольшим хозяйством. Рослый, несколько полный, с крупным бритым лицом, он смотрит на людей добрыми, понимающими глазами. Галим — прирожденный животновод. Большую часть жизни провел он в горах Ала-Тау, на высокогорных пастбищах, среди альпийских лугов, юрт, отар. Партия послала его в северные степи, в совхоз «Кайракты». Он попрощался с женой Раузой, сыновьями Булатом, Маратом, Жомартом и с дочкой Сеуле, приехал в степь и стал делать свое дело. Уточнил списки коммунистов (их оказалось четырнадцать человек), побеседовал с каждым отдельно, потом собрал партийное собрание. В лагере появились лозунги, боевые листки, «молнии».

Теперь он сидел в палатке и просматривал списки трактористов. Ветер, гулявший по степи, не проникал в палатку. Солнце же нагревало ее. Поэтому было жарко, как в парнике. Нужно было рекомендовать тракториста для прокладывания первой борозды. Даже в колхозах, которые существуют и пашут землю десятки лет, первая борозда — событие, и вести ее — почетное дело. А здесь первая борозда в истории совхоза на целине! Пусть через десять, двадцать лет, когда на этом месте раскинется настоящий город, будут знать люди: первую борозду на целинных землях совхоза «Кайракты» провел тракторист такой-то.

«Яковлев, Киценко, Бушило, Зворыч, Рябовалов»,— читал парторг знакомые фамилии водителей тракторов и ни на одной не мог остановиться. Не потому, что трактористы эти были плохи, а потому, что они, как и все остальные, еще не успели проявить себя. Где же, как не в работе, раскрывается человек? А работа — впереди.

Громкие, возбужденные голоса оторвали Галима от раздумья. Он прислушался.

— Вон там, за этой сопкой,— сообщал звонкий девичий голос,— пашут вовсю, а вы здесь спите!

Парторг вышел из палатки.

— Кто пашет? Где? — спросил он в тревоге.

— Да Приходько за сопкой пашет. Слышите, трактор работает?

Через несколько минут Галим Ахмедьяров был там. Среди пепельной ковыльной степи жирно чернел, убегая вдаль, дымящийся прямоугольник поднятой целины. Вдалеке по его краю шел трактор. Поровнявшись с парторгом, он остановился.

— Здравствуйте, товарищ парторг,— сказал Приходько, высунувшись из кабины.— А мы вот решили попробовать.

— С кем вы решили? Как же это вы так, не спросясь ни у кого?

— Так как-то. Гнал я вот с товарищем Шмалько, с прицепщиком моим, трактор к центральной усадьбе, а вокруг все степь да степь, и так мне захотелось плуги опустить! Ну, посоветовался с прицепщиком, со Шмалько то есть, он комсорг бригады, лицо, так сказать, официальное. Взяли, да и опустили. А как опустили, не можем поднять, да и все тут. Теперь гектара полтора разворотили,— закончил он, оглянувшись на пахоту.

— Ну что ж, поздравляю вас, товарищ Приходько, с первой бороздой! — И парторг крепко пожал руку тракториста.— И вас, товарищ Шмалько, поздравляю!

— Значит, продолжать можно?

— Продолжайте.

Трактор тронулся, тяжело преодолевая сопротивление опутанной корнями земли. Подъем целины начался.

В поисках глубинных вод

Инженер - гидрогеолог Феликс Соснин, прикомандированный к Тургайской экспедиции, инженер-буровик Афанасий Почапский и техник-геолог Майя Егорова получили задание: выехать на территорию совхоза «Кайракты» и произвести разведку глубинных вод, чтобы обеспечить совхоз пресной водой.

И вот уже несколько часов бур вгрызается в землю. Сначала он шел в нее мягко, как в масло, потом стал попадаться песчаник. Круглые комочки глины выкатывались наружу. Геологи брали их, рассматривали, мяли в пальцах. Керновый ящик, куда складываются пробы пород, стал наполняться. Глина меняла цвет: то она совсем красная, то вдруг становится сиреневой, то голубой. Она была то крутой и вязкой, то мягкой, как бы разжиженной. Иногда вместе с ней выходили наружу обломки камней. Николай Максимович Мамонтов часто подходил к геологам. Феликс Соснин рассказывал, что в глубоких слоях земли хранятся огромные запасы воды. Они не просто хранятся, но и пополняются. Иногда эти воды имеют естественные выходы, которые зовутся родниками, или ключами. Многие думают, что вода под землей хранится в виде подземных рек, озер и т. д. Это не так. Просто имеются так называемые водоносные породы: крупнозернистый песок, галечник, глина — породы, напитанные водой, как губки. Если пробурить скважину, то она будет постоянно наполняться водой. Лучший водонос — известняк.

— Феликс,— позвала инженера Майя Егорова,— должно быть, наткнулись на коренные породы. Снаряд дальше не идет.

— Глубина?

— Двадцать четыре метра.

Под землей на глубине двадцати четырех метров, должно быть, стоял невыносимый скрежет железа о камень. Здесь, наверху, не было никакого шума, и только напряженная вибрация станка говорила о том, как тяжело ему работать. Думали уже кончать бурение, но снаряд вдруг пошел в глубину мягко и быстро. На глубине двадцати пяти метров сорока сантиметров появилась вода.

Решили узнать, что за вода и много ли ее. В скважину опустили хлопушку, взяли пробу. Время от времени со стенок скважины, видимо, обрывались камушки или куски глины. От этого где-то в чреве земли урчало и хлюпало.

Воду налили в кружку, накрыли чистым листом бумаги и поставили отстаиваться. Она пойдет в лабораторию на анализы. Там будут определять наличие в ней солей и ее питьевые качества. Геологи были молодые, они несколько священнодействовали с этой первой водой. У них и мысли не по-

Обжитой вид принимает степь.

явилось попробовать ее на вкус. Только химия, только анализы!

Между тем бур все глубже и глубже уходил в землю в поисках новых водоносных горизонтов. «Известнячку бы!» — мечтали геологи. Вдруг Майя Егорова заметила, что из палатки вышел рабочий Анатолий Смирнов. На ходу он рукавом вытирал губы. Майя бросилась туда.

— Ты что пил в палатке?

— Вода какая-то в кружке стояла, ну и выпил...

Делать было нечего. Все анализы на этом кончились.

— Какая она хоть на вкус-то?— спрашивали у Смирнова.

— Ничего, добрая вода, не хуже, чем в других колодцах.

На другой день приехала большая партия для эксплуатационного бурения. Над степью появилась установка «ЗИВ-150», и мощные буры начали грызть землю.

В совхозе с нетерпением ждали результата этих работ. От того, где расположатся скважины, будет зависеть окончательный план разбивки центральной усадьбы.

Будни

Палаточный городок, раскинувшийся среди необозримых ковыльных просторов и представлявший центральную усадьбу совхоза «Кайракты», оказался как бы на острове. Появился правильной формы большой зеленый прямоугольник (на котором и стояли палатки), а вокруг все сделалось черным-черно: зачернела впервые распаханная степь. Редкие балочки зеленели в черном массиве, как прожилки. Уже столько распахано земли, что трем бригадам пришлось уехать от центральной усадьбы и стать полевыми станами далеко в степи.

У полевого вагончика директора совхоза Николая Максимовича Мамонтова оживление. Было время (два — три месяца назад), когда Мамонтов не имел ни главного агронома, ни главного механика, ни главного бухгалтера. Он был один за всех, и поэтому рабочие обращались по разным мелочам прямо к нему. Теперь появился штат, но привычка осталась.

— Николай Максимович, когда машина в Атбасар пойдет?—спрашивает один.

— У нас в совхозе есть заведующий гаражом, обращайтесь к нему,—терпеливо разъясняет директор.

— Николай Максимович, пружина лопнула.

— Я, что ли, буду чинить вам пружину? — спрашивает Мамонтов.— Есть механик, это его обязанность.

А тут еще завхоз:

— Николай Максимович, сколько полотенец выдать для кухни?

Николай Максимович плотно закрывает дверь, чтобы не было слышно на улице:

— Вы же мой заместитель по хозяйственной части. Вы хозяин всего совхозного добра. Так неужели вы сами без директора не можете решить «проблему»: сколько полотенец выдать на кухню!

Завхоз стыдливо молчит, а Мамонтов тем временем отходит и в силу той же привычки начинает вместе с завхозом высчитывать количество нужных полотенец: посудные — раз, руки вытирать — два, помощнику повара свое полотенце — три...

Потом у вагончика появляется живописная фигура—молодой парень в сапогах, в гимнастерке, заправленной в брюки и порванной на плече, в широкополой соломенной шляпе.

— Ну, сколько совхозов ославил? — спрашивают у парня.

— Да побывал кое-где.

— А ты работать шел бы,— советует ему кто-то.

— Я ехал трактористом работать, так, будьте любезны, дайте мне трактор! — пренебрежительно бросает тот.

Он прекрасно знает, что совхоз получает технику не всю сразу, а поквартально. Пока не получены все машины, часть трактористов вынуждена работать не по специальности. Это — явление временное, и нужно просто подождать. Другие комсомольцы-трактористы пошли в прицепщики, сажать картошку, рыть землю под фундаменты будущих домов. Этот же заупрямился с первого дня.

А вокруг кипит жизнь. Гидрогеологи днем и ночью, в три смены, бурят землю. Агроном Женя Садко сколотил огородную бригаду из восьми девушек-комсомолок. Дали им в бригадиры бывшего прессовщика Гену Карнаухова, и вот уже появились парники, рассада, разговоры о капусте, о дынях, о столовой свекле.

В совхоз пришла посылка, состоящая из двенадцати ящиков. Все они оказались с книгами. Это Днепропетровский паровозоремонтный завод прислал совхозу библиотеку. Библиотекарем назначили комсомольца Бутузова.

Но самое главное — распахивалась и засевалась земля. И эти первые посевы особенно волновали людей. Земля в степи очень быстро сохнет. Вывернут черный пласт влажной земли, а через десять минут он становится серым, начинает пылить. Неуютно, душно и жарко зернам пшеницы в сухой, прогретой земле. Для того, чтобы зерна набухли, дали росток, нужен дождь. Нужен он и для того, чтобы ростки окрепли, разворошили комочки почвы и вылезли к солнцу. И тогда наступает особенная нужда во влаге. Она не прекращается до тех пор, пока нежные мешочки в колосе не нальются белой мучнистой жидкостью. Рядом с жестким, колючимковы-

— Что сегодня на обед? — спрашивает тракторист Владимир Яковлев повара Галю Иванову.

Больница открыта, а больных нет и нет.

Совхозу нужна вода, и гидрогеологи неустанно бурят землю. На снимке: инженер-буровик А. Почапский (у станка), инженер-геолог Ф. Соснин и техник-геолог Майя Егорова.

Горячие дни.

лем, которому не страшны ни солнце, ни ветер, молодые росточки пшеницы, появившиеся здесь впервые, кажутся совсем беспомощными. Они ждут дождя. Люди тоже ждут дождя. Мало кто, выходя в эти дни из палатки, не смотрел на небо: «А не покажется ли облачко?»

Полина Лукьяновна Гришко.

Лукьяновна

Полина Лукьяновна Гришко, женщина лет шестидесяти, была одной из лучших доярок в совхозе «Криворожское». Судя по всему, в августе предстояло ей поехать в Москву, на сельскохозяйственную выставку. Но вышло иначе. Сын ее Николай подал заявление и вскоре уехал на освоение целинных земель. Из писем сына Полина Лукьяновна узнала, что зачислили Николая в совхоз «Кайракты» и теперь он живет в селе Беловодском. Будет жить в нем, пока не растает снег, а когда растает, поедет в степь пахать землю и строить дома. Потом Николай сообщил, что живет в палатке вместе с бригадой, кругом голая степь, а около палатки прудик, который, наверно, летом пересохнет. От усадьбы их бригада в шести километрах. Так все хорошо, но пока некому постирать и зашить белье, и никак не найдут хорошего повара.

После этого письма на Полину Лукьяновну частенько находило раздумье. Однажды она остановила старшего зоотехника Емельяна Афанасьевича Бричко.

— Посоветоваться хочу,—сказала она зоотехнику.

— Надумала удои повысить?

— О другом я. Как вы считаете, если на целину мне поехать?

— На целину? — зоотехник даже отступил на шаг, чтобы лучше посмотреть на Полину Лукьяновну.— На целину? Да ведь туда молодежь, комсомольцы едут! И коров там вроде не было пока.

— А ты погоди смеяться,— спокойно заговорила Полина Лукьяновна.— Я тебе серьезно, по-деловому говорю. Сын у меня там, на целине-то, Коля. Могу я как мать к нему поехать или не могу?

В середине мая Полина Лукьяновна попрощалась с совхозом, с родственниками и уехала в Казахстан.

Так и представляла себе Полина Лукьяновна полевой стан второй бригады. Только думала, что прудик побольше, а палатка поменьше. В палатке же в три ряда стояли койки, штук по десять в каждом ряду. Некоторые из них были свободны, на других спали люди после ночной работы. Спал и ее Коля. Она сразу узнала его.

— Ты бы разделся, сынок, лег бы хорошенько, под одеяло,— сказала мать, тронув сына рукой.

Ему, наверное, снился дом, потому что он не проснулся, не вскочил, удивленный, а начал зарываться лицом в подушку. Тогда Полина Лукьяновна села возле и стала смотреть на спящего сына. Оглядевшись, она заметила, что не один он спит одетый, что многие постели от такого спанья стали черными. Большинство свободных коек было заправлено кое-как. «Видно, старшего над ними нет,—подумала Полина Лукьяновна.— А ведь бригадир должен быть».

...Полина Лукьяновна стала жить в палатке во второй бригаде, рядом с сыном. Уже на другой день все звали ее просто Лукьяновной. Не торопко, но споро, без лишнего шума принялась Лукьяновна за дело. С утра до вечера ее можно было видеть возле прудика с большим оцинкованным тазом и кучей белья. Сначала обстирала сына, потом его соседей по койке, потом всю палатку. У кого оторвется пуговица, у кого появится какая прореха — все к Лукьяновне. Взяла она шефство и над кухней.

Директор совхоза Мамонтов часто навещал бригады. Однажды он заговорил с Лукьяновной.

— Слышал, слышал о вашей помощи. Только ведь не вам этим заниматься. Завтра прачки прибудут. А для вас дело по специальности найдем. Коров думаю штук шестьдесят купить. Травы вдоволь, пусть кормятся. Вы долго будете у нас?

— Совсем я приехала,— тихо ответила Лукьяновна.— На все время.

Дождь пошел

Дождь, которого ждали с таким нетерпением, шел уже пятый час. Первые капли упали еще при солнце, во второй половине дня. Директор выбежал из вагончика. Люди высыпали из палаток. Тракторист выставил руку из кабины и, когда о ладонь ударила крупная капля, крикнул прицепщику:

— Дождь!

Парторг Галим Ахмедьяров остановил машину, откинул дверцу и, выйдя, подставил лицо под холодные капли. Дождь!

Все были рады ему, и все боялись, что он скоро кончится, не промочив землю хотя бы на несколько сантиметров. Спустился вечер, а дождь все шел и шел.

В вагончике директора собрались активисты совхоза. Собрание вел парторг Галим Ахмедьяров. Сначала обсуждали проект договора на соревнование. Все пункты не вызывали возражений. Да, нужно обеспечить подъем целины на площади в двадцать две тысячи гектаров! Нужно закончить вспашку паров к пятнадцатому августа, а зяби — к первому сентября. Но когда дошли до пункта «получить зерна с гектара...», Николай Максимович сделал поправку:

— Тут у нас написано по сто пудов, но вот пошел дождь, и мы смело можем увеличить эту цифру до ста десяти. Кроме того, благодаря этому дождю мы успеем посеять просо.

Потом речь шла о садово-ягодном питомнике. Бригадир второй бригады Кизима возразил, не мала ли намечаемая площадь. Но решили, что на первый раз одного гектара хватит. Кизима вообще вел себя на этом собрании активнее обычного.

Активность всегда молчаливого Кизимы объяснялась вторым вопросом повестки дня. Может быть, он почувствовал, чем кончится для него это собрание, и торопился хоть еще немного побыть в коллективе.

— Итак, переходим ко второму вопросу повестки дня,— объявил Галим Ахмедьяров.— Сегодня мы будем обсуждать поведение бригадира второй бригады Кизимы. Пусть Кизима расскажет, как было дело.

Кизима, худощавый человек, с очень смуглым лицом и очень черными, несколько всклокоченными волосами, поднялся. В руках он теребил замасленную кепку.

— Сломалась ось,—начал Кизима свое объяснение.— Поехал я ее менять. Ну, а там буфет. Встретились знакомые ребята, угостили.

Вдруг он переменился в голосе:

— Обещаю никогда больше не допускать подобных нарушений. Честной работой я искуплю свою вину и прошу поверить, что это было в последний раз.

После речи Кизимы наступило молчание. Чувствовалось, что людям стыдно за бригадира, что они хотели бы не произносить тех горьких для него слов, которые им придется произнести.

— Товарищи, в бригаде Кизимы самое лучшее качество пахотных работ. На всем его участке нет ни одной мелкой борозды. Кизима хорошо знает свое дело, — неуверенно заступился один из коммунистов.

— Да будь он хоть раззолотой бригадир, это не дает ему права пьянствовать.

Приняли решение:

«...Просить директора совхоза Мамонтова М. Н. освободить Кизиму Феодосия Павловича от должности бригадира».

А дождь шел теперь уже восьмой час беспрерывно. Хороший, благодатный дождь. Косяк света, бьющий из окна вагончика, был плотно заполнен крупными каплями. По всей степи, закрытой ночным мраком, стоял ровный, устойчивый шум. Люди, выходившие из вагончика, не втягивали голов в плечи, как обычно при дожде, а поднимали лица кверху: дождь! Потом они исчезли во тьме. Исчез и Кизима. Но голова его была опущена: его не радовал даже дождь.

На другой день ровным зеленым пламенем вспыхнула земля. Всходы пошли в бурный рост.

К 30-летию Северо-Осетинской АССР

За окном еще степь, и не скоро покажутся синие от глубокой дали очертания хребта, а навстречу уже бежит, разбрасывая похищенные в ущелье валуны, стремительная, совсем не степная река Терек. Близость Кавказа ощущается и в вагоне — по новым пассажирам в высоких барашковых папахах, что не снимаются в самое пекло, по быстрой, гортанной речи.

Кавказ называют «горой языков». Говорят, трудно где-либо в другом месте встретить такое разнообразие наречий, климатов, даров земли. К северным склонам Главного Кавказского хребта примыкают плодородные поля Кубани и Ставропольщины, грозненские степи. Горы населяют черкесы, кабардинцы, дагестанцы и много других народностей. В центральной части обосновались осетины, и под самыми горами стоит их столица.

В конце XVIII столетия по пути от Моздока к Дарьяльскому ущелью царское правительство построило четыре укрепления — форпоста. Самое южное из них было воздвигнуто у осетинского селения Дзауджикау и получило название Владикавказ. Вокруг селились местные крестьяне, отставные солдаты, казачество. И оттого, что поселение стало на большой дороге к Закавказью, в самом центре предгорий, люди к нему тянулись отовсюду, с гор и с равнин, к заработкам, к бойкой торговле, к культуре, к теплу.

Так возник город.

В годы гражданской войны стал он ареной жесточайшей борьбы с горскими феодалами, с контрреволюцией. Здесь, в здании городского театра, народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин огласил декларацию Советского правительства об образовании Горской Автономной Социалистической Советской Республики. А 30 лет тому назад была создана Северо-Осетинская автономная область, преобразованная в 1936 году в АССР, со столицей, ныне носящей имя Орджоникидзе.

Утром, когда город только проснулся, хорошо пройтись по его улицам, наполненным людским говором, звоном трамваев, рокотом автомобильных моторов. Свежестью и прохладой веет с гор. Но вот начинает припекать, витрины магазинов и кафе прячутся под полосатыми навесами. Балконы с солнечной стороны увиты ползучими растениями. Густую тень бросают старые деревья на бульваре вдоль проспекта имени Сталина. Да, здесь любят солнце, но и защищаются от него. Весь город в парках, скверах, садах. Центральные его улицы застроены малоэтажными домами старинной кладки, и это на первых порах создает впечатление о городе, как о несколько застывшем.

Но это только на первых порах. Город растет к северу, к той его стороне, где дымятся высокие трубы заводов, где перерабатываются богатства окрестных гор.

В прошлом развитие здешней промышленности основывалось на использовании такого сырья, как лес, крупными массивами подходивший к городу, кукуруза, из которой гнали спирт, ячмень для пивоварения, глина для кирпичных заводов. Только одно предприятие выделялось — цинко-серебро-свинцовый завод «Алагир», да и то им владел иностранный промышленный капитал. Все эти крахмальные, пивоваренные, кирпичные заводы существуют и сейчас, но они выросли в соответствии с ростом города и современной техникой. Среди новых предприятий, порожденных расцветом плодоводства в республике, можно отметить появление завода «Стеклотара», крупнейшего в Союзе предприятия, выпускающего стеклянную посуду для консервной промышленности. Следов же маленького бельгийского заводика ныне вовсе не отыщешь в крупных гигантах цветной металлургии, которые выросли на его месте в городе Орджоникидзе.

Мы побывали на заводе «Электроцинк». Это скорее не завод, а комбинат: так обширно его хозяйство и разнообразна продукция, выпускаемая заводами-цехами.

Рядом с территорией, где расположились металлургические предприятия Орджоникидзе, растут новые жилые кварталы. И тут же по родству, по праву разместились корпуса и общежития Северо-Кавказского горно-металлургического института.

Организация этого института тесно связана с именем Серго Орджоникидзе, с его заботами о развитии металлургии в стране, о будущем горного края. Институт был создан приказом ВСНХ, подписанным Орджоникидзе, в 1931 году. Тогда его помогали создавать томичи, днепропетровцы, ростовчане. Он был рассчитан поначалу на 400—500 студентов. Сейчас их полторы тысячи, и многие выпускники давно уже работают специалистами в нашей стране и странах народной демократии, да и у себя в республике на рудниках и обогатительных фабриках в горах.

Представители 26 национальностей и народностей СССР заполняют аудитории этого института.

Такой же многонациональный состав учащихся в других высших учебных заведениях города — в медицинском, сельскохозяйственном, педагогическом институтах и в техникумах.

Подсчитано, что сейчас каждый четвертый человек в республике учится.

В Северной Осетии 46 больниц, 922 врача, около 2 тысяч других квалифицированных медицинских работников.

В республике есть свой талантливый ансамбль народного танца и песни и оперный ансамбль. В национальном театре ставят пьесы современных осетинских и русских драматургов. На великих творениях классиков — русских, английских, французских — учились первые осетинские актеры, воспитанники Государственного театрального института.

В здании осетинского театра помещается и русский. Он значительно старше. В нем некогда играла знаменитая М. Савина. Здесь начинал Е. Вахтангов, уроженец этого города.

Здесь бывали А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Грибоедов, Л. Толстой; это сыграло значительную роль в обогащении национальной осетинской культуры. И не случайно поэтому из среды передовой интеллигенции того времени поднялся яркий, многогранный талант Косты Хетагурова, классика осетинской литературы.

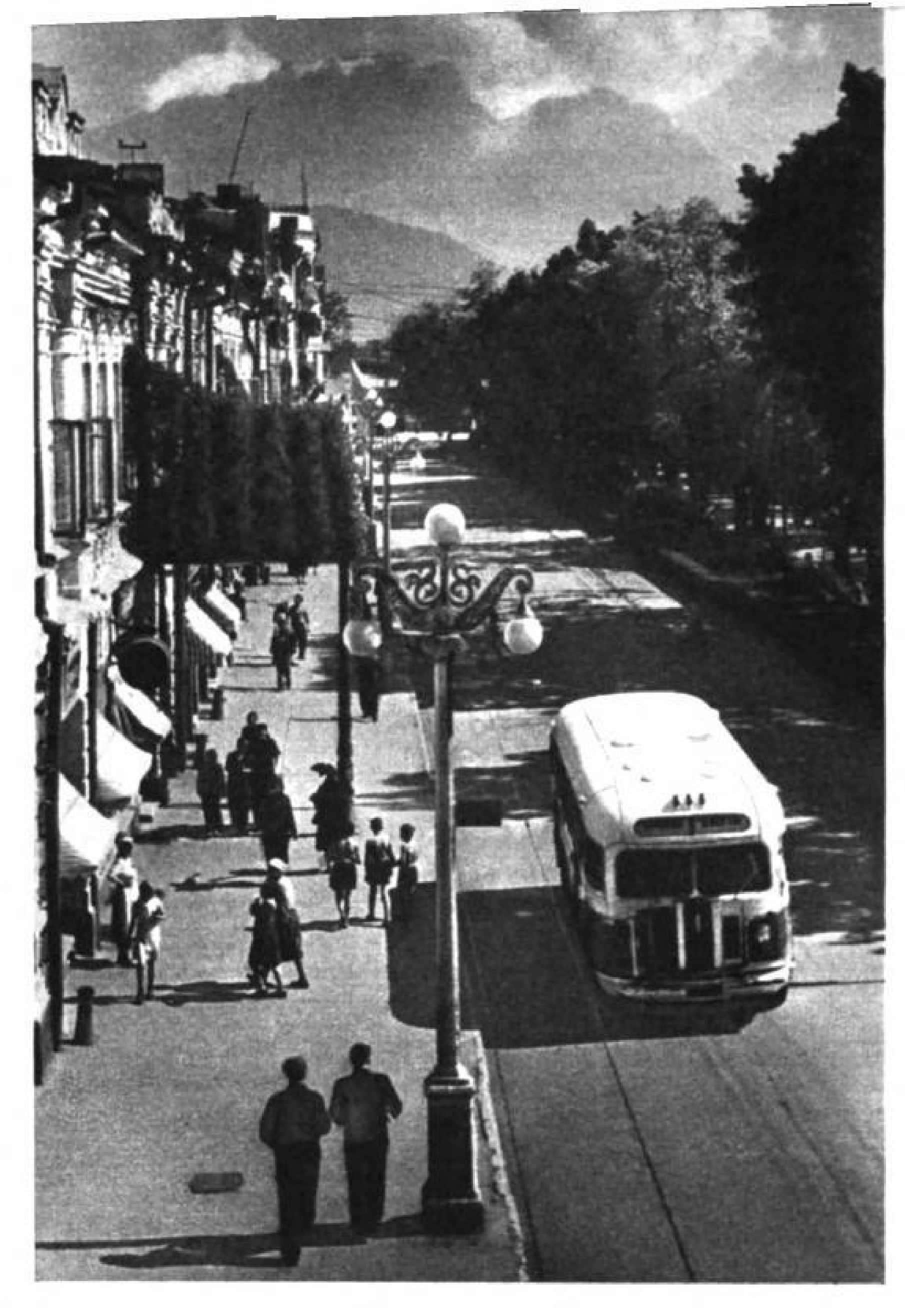
В городе закладывается ему ныне памятник. Фигура писателя из бронзы, исполненная скульптором Сосланбеком Тавасиевым и установленная на постаменте из красного гранита, будет украшать одну из новых площадей.

Хорошеет и благоустраивается столица Северной Осетии. Вскоре здесь будут выстроены новые здания осетинского театра, центральной библиотеки, педагогического института. В центре воздвигается автовокзал. Это нужно для города, через который ежегодно проходят и проезжают десятки тысяч туристов, любителей горных восхождений.

Боевая слава города, его богатое революционное прошлое связаны с именами двух замечательных большевиков: Сергея Кирова и Серго Орджоникидзе. С. М. Киров работал здесь в редакции газеты «Терек» с 1909 по 1917 год и руководил подпольной деятельностью владикавказских большевиков. В его музее-квартире по переулку Вахтангова, в музее Кирова — Орджоникидзе, что на улице Кирова, в здании бывшей редакции «Терека», собрано много волнующих документов, рассказывающих об этом периоде деятельности нашей партии. Много экспонатов раскрывает роль Чрезвычайного комиссара юга России С. Орджоникидзе в утверждении власти Советов на Кавказе.

Свой 30-летний юбилей республика встречает в расцвете сил. И такая же напряженная жизнь бьет ключом в ее столице — славном городе Орджоникидзе.

И. МЕСХИ

Проспект имени Сталина.
Фото В. Харькевича.

Простор

Александр Прокофьев

* * *

Ох, и голосист мой край родной,
Ой, да и лесист — стена стеной!

Великаны-сосны в ясный день
Заломили шапки набекрень!

И глядятся вольно в синеву
И вступают в песню и молву.

За стеной — садов весенний снег,
За стеною — синь озер и рек.

И любой речной, озерный плес
В соловьином свисте на сто верст!

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ

Над вечернею водой
Наклонились ивоньки.
Шел мальчишка слободой
Да играл на ливенке.
А за ним девчушек тьма,
Первым делом я сама!

Шел мальчишка слободою,
Уводил нас всех в поля,
Первым делом — молодое
Свое сердце веселя.

Стежка, стежка, словно строчка,
От цветов белым-бела.
Первым делом «Три садочка»
Высоко я завела.

И налево и направо,
Разливаясь, песня шла...
Первым делом, наша слава
Широко в полях легла!

ШУРА

Изъезжена, исхожена
Родная сторона,
Лесами загорожена,
Частушками полна.

Соловые, каурые
Летят во весь опор.
Трехрядки только с Шурою
Заводят разговор.

Каурые, соловые...
А кем она целована!
А кто она, а кто она!
Кем навек облюбована!

Летит стремглав заречная
Родная сторона,
Просторы бесконечные,
Высокая волна.

А над рекою хмурою
Отряды туч плывут...
У нас в частушках Шурою
Любимую зовут!

КАК ЗА РЕЧКОЮ, ЗА МСТОЙ

Как за речкою, за Мстой
На семи цветах настой.

На семи цветах багровых
Для девчушек чернобровых:

Чтобы щеки не завяли,
Чтобы брови не линяли;
Чтобы губы были алы,
Чтоб краса не пропадала!

Вот какой за речкой Мстой
На семи цветах настой!

На семи цветах багровых
Для девчушек чернобровых:

Чтобы парни их любили,
Холостыми не ходили!..

МЕТЕЛЬ

Не стихая несколько недель,
Ходит, ходит по земле метель.

Золотая — лютики горят —
Налетает пять недель подряд!

Голубая с белою вдвоем
Ходят вместе на лугу моем.

Там, где крылья вольно распростер
Иван-чая розовый костер,

Там, где ты стоишь среди травы,
Вся в метели с ног до головы!

ПО ЗАРЕЧНОЙ СТОРОНЕ

Маменька, маменька,
На дороге пыльно.
Из песни.

По заречной стороне
Кто-то мчится на коне.

Только вижу, над конем
Красный шарф горит огнем.

Путь конем не позабыт,
Пыль летит из-под копыт.

Кто стремглав дорогой мчится,
Будто ветер, ясным днем!
Словно крылья красной птицы,
Красный шарф горит на нем.

Летним полднем небывалым
Больше нет других примет:
Только алый, только алый,
Совершенно алый цвет!

На буланом на коне
Едет милый мой ко мне.

РУЧЕЙ

Село солнце вешнее на вербу,
Село, словно птица.
И тогда,
Полагаю я, что самой первой
Под снегами дрогнула вода.

Да, конечно, так оно и было!
Вяло снег удары отражал,
Золотые копья солнце вбило,
И ручей, довольный, побежал.

Он летел, сверкая снежной пеной,
И не смог метафорой связать
То, о чем стихами непременно
Он хотел знакомым рассказать!

БОЛГАРСКАЯ СВАДЬБА

К. НЕПОМНЯЩИЙ Фото Д. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Илин Ненов не был робким парнем, поэтому после работы он прямо подошел к Марии, и все члены бригады слышали, как он попросил у нее белый платок, чтобы вытереть пот со лба. Смолкла вечерняя песня девушек, и тому, кто посмотрел бы в эту минуту на солнце, могло показаться, что и оно остановилось,— ему тоже интересно было узнать, как поступит Мария. Девушка молча подошла к Илину и сама вытерла ему лоб... Это было осенью, а теперь дело подошло к свадьбе.

На рассвете субботнего дня, свернув с шоссе Пловдив — София, мы торопились к невысоким горам, у подножия которых раскинулось село Сухозем. Прибыли в самый разгар приготовлений. Во дворе Илина Ненова уже свежевали двух баранов. Девушки привязывали к длинному древку красные, белые и розовые платки и полотенца — готовили знамя жениха.

Сам Илин в белом шерстяном свитере и в выутюженных брюках ходил по двору, с нетерпением ожидая оркестра. Музыка нужна была не только для того, чтобы открыть свадебные празднества первым хороводом, но и для того, чтобы жених мог... побриться. По обычаю, его должен был брить один из ближайших приятелей, и обязательно под звуки марша.

— Баба Рада, готовь горячую воду!

Это тетя Мина, тетка жениха, отдает приказания, как командир перед сражением... Мать Илина, Анна Ненова, выносит из дома новую рубашку для сына, стелет перед крыльцом ковер из листьев кукурузы, которую здесь называют царевицей. На этот ковер ставится детский стул — Илин сидел на нем еще ребенком.

Большими шагами жених продолжает ходить по двору. Заглядывает в сарай, где стоит бочка с вином, окруженная мешками зерна и фасоли. Ходит от курятника к яблоне и назад. Но незачем волноваться: за воротами уже слышатся переливы флейты и удары барабана.

Приехал на велосипеде и тезка жениха — Илин Петров. Он усаживает друга на маленький стул, намыливает ему щеки. Родственники высоко подкидывают зерна пшеницы, и тетя Мина старается побольше поймать их в новую голубую рубашку: сколько зерен поймает она, столько будет у Илина детей!

Оркестр, стоящий позади, исполняет мелодию «Хоро» — любимого народного танца. С последним взмахом безопасной бритвы народ пускается в пляс.

Но главные события будут происходить сегодня не здесь, в доме жениха, а в доме невесты. Тетя Мина наливает в широкую миску суп: сейчас все родственники Илина под звуки оркестра понесут Марии ужин. Только жених не может еще появиться в ее доме. Об Илине нынче вечером будет напоминать ей лишь его знамя.

Во дворе невесты полно народу. Уже темнеет, в доме щелкает выключатель. Обычно, с тех пор как два года назад была пущена околийская электростанция, в доме горят три лампочки, но сегодня по случаю празднества сверкают все пять.

С разных концов села собираются гости. Идут парами. Старики и молодые несут подарки, завернутые в вышитые полотенца.

Неутомимый оркестр последний раз исполняет «Хоро» с тем, чтобы завтра зазвучать с новой и свежей силой...

Утро в обоих домах начинается с пробы на кухне. В огромных мисках варится рис, залитый жирным бараньим соусом. Риса раньше не было в Сухоземе. Он появился здесь несколько лет назад, когда по решению народного правительства Болгария стала покрываться сетью оросительных каналов. Сухозем перестал соответствовать своему невеселому названию. Земля стала рожать в два раза больше. Правление кооператива с согласия всех его членов решило просить Народное собрание присвоить селу новое наименование, отражающее его новую судьбу.

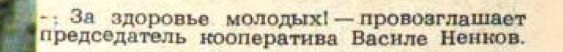
В доме жениха идут последние приготовления к свадебному пиршеству. Тетя Мина торжественно сообщает, что ожидается более ста гостей. Раньше главными персонами на свадьбах были священник да посаженный отец — из богачей. Сегодня повсюду можно увидеть высокую фигуру председателя кооператива Василя Ненкова.

— Окончил земледельческий техникум,— вполголоса, с нескрываемой гордостью сообщает нам о председателе один из стариков.

— Все ли готово? — кричит председателю тетя Мина, стремительно пробегая по двору.

Да, все готово. Оркестр на месте, и друзья и родственники жениха, танцуя «Хоро», направляются за невестой. Процессия медленно двигается по деревенской улице, окаймленной новыми красного кирпича домами. Их за последние годы построено в Сухоземе семьдесят девять.

Улица расцвела яркими красками свадебной процессии.

← За здоровье молодых! — провозглашает председатель кооператива Василе Ненков.

Дом Марии ничем не отличается от других — такой же добротный, новый. Но не так-то легко Илину и его друзьям войти в этот дом. Ворота крепко заперты. Над воротами то и дело появляются головы родственников невесты... У одного из них на высоком древке дымящаяся картуна — полый сосуд, набитый зажженной соломой. Жених или в крайнем случае кто-нибудь из его друзей должен высоко подпрыгнуть, схватить картуну и разбить ее о землю. Жениху это удается сравнительно легко, и его победа сопровождается веселыми возгласами и ликующими переливами гайды. Вот наконец ворота распахиваются. Процессия вступает во двор под звуки свадебного марша.

Илин Ненов спешит к крыльцу, у которого уже развевается его знамя, поднятое восемнадцатилетней Таней, младшей сестрой невесты,— она приехала на свадьбу сестры из Пловдива, где кончает экономический техникум. Разом смолкают музыка и шумный говор. На крыльцо в белом венце выходит Мария. Она медленно спускается со ступеньки на ступеньку и низко кланяется Илину, его матери, тете Мине, другим родственникам жениха — всем, кто пришел поздравить ее в этот светлый час.

И вот наконец Илин и Мария рядом. Удары барабана возвещают о том, что началось подношение подарков молодоженам от родственников невесты. Здесь несколько пар обуви, рубашки, фартуки, шелковые и шерстяные платья, халаты, одеяла, платки,

Среди свадебных подарков был и электрический утюг. ↓

вышитые полотенца — все, что потребуется в новом хозяйстве. Дарят книги: сочинения Христо Ботева, Ивана Вазова — великих национальных писателей, воспевавших свободу Болгарии.

— К дому младоженца! — энергично провозглашает вездесущая тетя Мина.

И снова улица расцветает яркими красками свадебной процессии: мужчины — в вышитых жилетках и шароварах, перепоясанных широкими черными поясами, женщины — в белых, красных, голубых платьях. Танцуя, все идут к дому жениха.

Здесь снова внимание гостей привлечено к подаркам; теперь их вручают родственники Илина. Мелькают в воздухе полотенца, юбки, вешалки для новой одежды, электрический утюг.

Тем временем подружки Марии входят во двор жениха с кастрюлями и мисками, стучат в ведра, настойчиво призывая невесту отведать их кушаний: может быть, она еще стесняется есть здесь, в мужнином доме? Но зря они подняли столько шуму. Во дворе по указанию тети Мины — «главного дирижера», как называют ее гости, — уже устанавливаются низенькие столы. На них быстро появляются миски с аппетитными медовыми пирогами, рисом, фасолью, жареной бараниной.

По кругу одна за другой идут бутылки со сливовой водкой — ракией, чаши с виноградным вином. За столом сидят чабаны, конюхи, птичники, рабочие кооперативной сыроварни, бригадиры. На почетном месте — родители председателя кооператива Ненко Иванов и баба Стойна, которых читатели могут видеть на обложке этого номера журнала. Кое-кто говорит, что у Ненко Иванова и его супруги уже все в прошлом: дескать, свадьба их игралась лет пятьдесят назад, дескать, скупая земля забрала все их силы. Но дед Ненко, сверкая красивыми глазами, не соглашается с этим:

— Теперь у нас впереди столько хорошего!

Бутылка с водкой идет по кругу и доходит наконец до Василя Ненкова, председателя кооператива. Он произносит речь, обращаясь к молодоженам и гостям. Василе Ненков говорит, что появление новой семьи стало праздником всего кооператива потому, что правление видит в Илине и Марии добрых работников, строителей новой жизни.

— На здраве! — провозглашает председатель. — За то, чтобы мы вскоре снова собрались в этом доме и поздравили молодых с рождением первенца!

— За то, чтобы молодые стали героями и получили звезды из Софии! — поднимает тост секретарь партийной организации Стоиле Билюков.

— Чтобы в вашем доме не переводилось студеное виноградное вино! — смеется тетя Мина.

Праздничный обед подходит к концу, когда ко двору Илина подъезжает груженная доверху куруца, запряженная лошадьми. Это привезли приданое Марии. Здесь большие и маленькие платки, и среди них тот самый белый платок, которым вытирала Мария лоб жениха, когда он впервые сказал, что любит ее больше жизни.

Первое место в Европе

Команды десяти стран приняли участие в IV женском первенстве Европы по баскетболу. Состязания проходили в Белграде и закончились убедительной победой баскетболисток СССР. Не проиграв ни одной игры ни в предварительных встречах, ни в финале, советские баскетболистки заняли первое место.

Особенно напряженную борьбу пришлось выдержать нашим спортсменкам с чехословацкими и болгарскими баскетболистками, занявшими второе и третье места.

Возвращение баскетбольной команды СССР в Москву. Л. Алексеева (слева) и Е. Зарковская с призами.

Румыния—СССР

На московском стадионе «Динамо» состоялись международные товарищеские состязания румынских и советских волейболистов. Победу одержали мужская и женская команды СССР.

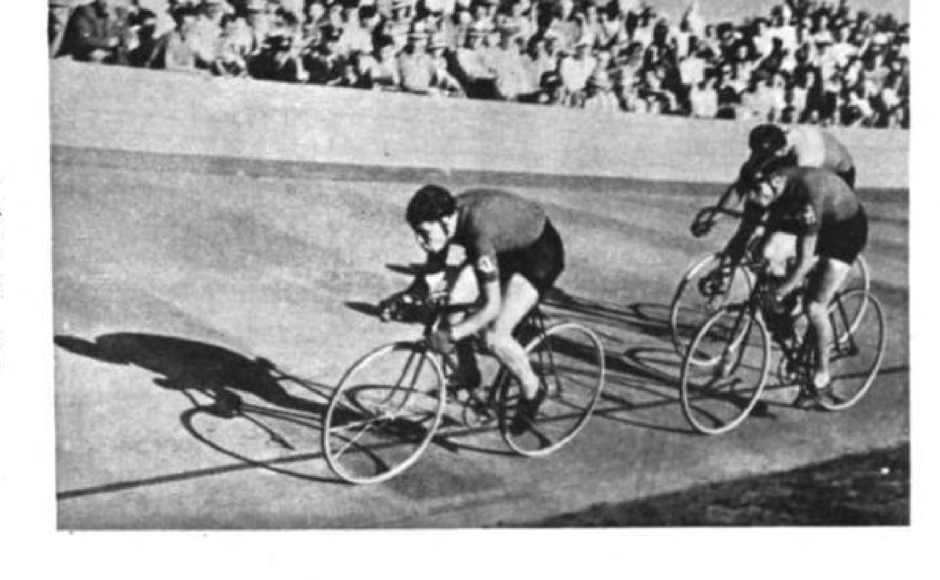
На снимке: момент игры.

Фото А. Бочинина.

На Тульском треке

На тульском треке встретились гонщики СССР, Польши и Румынии. Советские спортсмены выиграли все дистанции — спринтерскую гонку, индивидуальную гонку преследования, 1 километр с места, командную гонку на 4 километра и гонку на 60 кругов.

Гонщик СССР Ростислав Варгашкин установил на дистанции 1 километр с места новый мировой рекорд — 1 минута 10,2 секунды.

На снимке: Ростислав Варгашкин ведет гонку.

Фото Н. Волкова.

После восьми этапов

МНОГОДНЕВНАЯ ВЕЛОСИПЕДНАЯ ГОНКА МОСКВА — ХАРЬКОВ — КИЕВ — МИНСК — МОСКВА.

С радостью встретила столица Украины велосипедистов-гонщиков, которые прошли более 1 000 километров в сорокаградусную жару. Лидером многодневной гонки по-прежнему является команда Центрального спортивного клуба Министерства обороны.

Армейцы Р. Чижиков, Е. Немытов, В. Вершинин, Е. Клевцов и их молодые товарищи П. Востриков и Н. Сиротин показывают образцы спортивной дружбы и мастерства...

Это произошло за Харьковом, у подножия Холодной горы. Труден тут участок пути — резкие повороты, булыжник. Армейцы, как всегда, впереди. И вдруг у лидера гонки Е. Немытова лопнула шина. Вперед уносятся известные гонщики — зенитовцы Н. Матвеев, Р. Тамм и спартаковец В. Чернов. П. Востриков останавливается и помогает Е. Немытову сменить шину, а остальные армейцы резко замедляют скорость, терпеливо ожидая товарищей.

Армейцы в седле. Они несутся вперед, все наращивая и наращивая скорость; им удается опередить несколько групп, ушедших вперед, и приблизиться к ведущим. Но тут на армейских гонщиков обрушивается новая авария. Немытов в отчаянии бросает взгляд на свой разбитый велосипед. Но сам гонщик невредим. Стремглав садится он на новую машину и вместе с товарищами продолжает путь. Головная группа уже далеко впереди, но Немытов и его друзья не унывают. Они снова развивают большую скорость, и снова авария — на этот раз у Вершинина. И снова армейцы замедляют ход, пропускают вперед группу гонщиков, дожидаясь товарища. С каждой минутой увеличивается разрыв. Представитель армейской команды, один из старейших наших гонщиков, Федор Тарачков, поглядывает на секундомер. Кажется, никто уже не верит в удачу армейцев: разрыв достигает трех километров.

— Чудес на свете не бывает,— говорит один из гонщиков,— ведь до финиша всего сорок километров.

Но то, что произошло, — это, безусловно, чудо.

Армейцы устремляются вперед на полной скорости. Она порой доходит до 60 километров в час, и жители Полтавы, встречавшие гонщиков на улицах, первыми увидели спортсменов с номерами 55, 56, 57, 58, 59, 60.

Армейцы! Они первыми финишировали на стадионе.

Этап Полтава — Лубны также принес победу армейцам. Они же первыми финишировали в Киеве. Лидером гонки остается Евгений Немытов.

На восьмом этапе, Киев — Чернигов, армейцев снова постигла неудача. Частые проколы не раз останавливали их в пути, и в итоге впервые с начала гонки этап был выигран командой «Зенит».

А. ГАЛИЦКИЙ

ЮБИЛЕЙ ТОКАРЯ

Я. МИЛЕЦКИЙ **Фото Е. ТИХАНОВА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Во Дворец культуры привезли портрет юбиляра. Работницы судомеханического цеха Нина Белова и Галина Гуляева повесили этот портрет на видном месте в фойе и прикрепили под ним плакат:

«Токарь Григорий Ляпин проработал на «Красном Сормове» 50 лет. Слава неутомимому труженику нашего завода!»

Уже издавна так повелось, что на этом старом русском заводе работают из поколения в поколение. Немало сормовичей приближается к почетной дате — полувековому трудовому юбилею.

Все в цехе знали, что именно сегодня исполнилось пятьдесят лет с тех пор, как Гриша Ляпин, сын сормовского рабочего, впервые пришел в цех. С утра товарищи поздравили Григория Михайловича.

Неожиданно в цехе запахло цветами. Из-за станков появились бравые речники с командиром впереди. Они несли в руках букеты. Это были курсанты Горьковского речного училища во главе с заместителем начальника училища Л. А. Кожевниковым.

Курсанты направились к станку юбиляра, где уже собрался народ.

Почему речники чествуют сормовского токаря? Григорий Михайлович пятьдесят лет обтачивает на своем токарном станке гребные валы для судов речного флота. Некогда это был небольшой станок и валы были небольшие, теперь же станок растянулся на двенадцать метров и валы токарь готовит для мощных судов.

Водники сказали токарю:

— Спасибо вам, Григорий Михайлович! На половине волжских судов установлены ваши валы. И речники очень довольны ими!

Под сводами цеха долго гремели аплодисменты. Юбиляр стоял растроганный...

Дед Григория Ляпина был среди тех, кто закладывал первые камни заводского здания в 1849 году. Неподалеку находилась тогда деревня Марьино, откуда Ляпин родом. Предание гласит, что владельца этой деревни Терешку Шуменова прозвали Сором. Впоследствии и деревня стала называться Соромово, а потом Сормово. Отсюда и пошло название завода. Но разве сравнишь нынешнее «Красное Сормово» с тем, каким был завод, когда Гриша Ляпин начал свою жизнь токаря? Его цех стал неузнаваемым, как и весь завод, разросшийся, оснащенный современным оборудованием. По всем рекам страны идут теплоходы и буксиры с маркой «Красное Сормово».

И праздник токаря Григория Ляпина стал праздником всего завода, всего Сормова.

После окончания рабочего дня торжество было перенесено во Дворец культуры, где на чествование токаря собрались руководители цехов, инженеры, слесари, токари. За столом президиума: Н. Н. Смеляков — директор «Красного Сормова» имени А. А. Жданова, А. А. Смирнов — секретарь районного комитета КПСС, В. А. Тихомиров — парторг ЦК КПСС на заводе.

Юбиляра усадили на почетное место. На груди его поблескивал орден Трудового Красного Знамени.

Тепло поздравили старого токаря ученики ремесленного училища. Токарь Ляпин — живой пример для них.

— Мы учимся у вас, Григорий Михайлович, не только токарному мастерству, но и тому, как нужно любить свой труд,— сказали ребята.

Директор завода Н. Н. Смеляков вручил Григорию Михайловичу кожаную папку с приказом по заводу в связи с юбилеем Ляпина.

ПРИВЕТ юбиляру-токарю Григорию Михайловичу ЛЯПИНУ!

Имя Григория Михайловича Ляпина занесено на заводскую доску почета, юбиляр премирован.
Когда директор пожимал руку токаря, волжские воды уже бороздил буксир, на котором свежей краской было начертано: «Токарь Ляпин».

...Живет Григорий Михайлович Ляпин в собственном доме на старой сормовской улице, сохранившей еще свое древнее название — Старая канава. Дом он выстроил лет двадцать пять назад, получив ссуду от государства и немалую помощь от завода. Живет токарь с сыном, дочерью и их семьями. Две другие дочери, выйдя замуж, переехали в свои дома. Часто навещают Григория Михайловича внуки, родные, друзья.

Юбилей его отметили и внуки: посадили вишневое дерево под окнами дедовского дома.

Сам Григорий Михайлович с улыбкой наблюдал за затеей внучат. Рядом с Ляпиным сидел муж его сестры, слесарь «Красного Сормова» Иван Васильевич Макаров, один из старейших депутатов Сормовского районного Совета депутатов трудящихся, делегат XIX съезда КПСС.

Праздничный ужин состоялся в заводской столовой. Были подняты тосты за токаря Ляпина, за Коммунистическую партию.

Григорию Михайловичу сейчас 66 лет. Выражали пожелания вновь встретиться за праздничным столом, когда «цифра будет перевернута», и чтобы тогда юбиляр спокойно отдыхал в кругу семьи.

— На это не согласен,— засмеялся Григорий Михайлович.— Без работы я никак не могу. Разве из-за нужды я теперь работаю? Давно мог бы на пенсию. Да только душа не позволяет. Все в цех тянет.

Токарь Ляпин — человек скромный, застенчивый, никто никогда от него грубого слова не слышал, всем он готов помочь, посоветовать. Так говорили о юбиляре за торжественным столом. Сам он поднял лишь один тост: за родную Советскую власть.

Красиво и дружно поют песни сормовичи, лихо пляшут они под звуки баяна. Кто-то перефразировал слова популярной песни о Сормове и затянул:

Под городом Горьким,
Где ясные зорьки,
В рабочем поселке
Наш токарь живет...

На следующий день в доме Ляпина собрались родные, чтобы поздравить Григория Михайловича в тесном семейном кругу. Но вскоре виновник торжества исчез. Вместе с ним пропал и сын его Павел Григорьевич.

— На рыбалку улизнули,— сказали дочери.

Отец и сын увлекаются рыбной ловлей и готовы часами просиживать с удочкой на волжском берегу.

Вечером Ляпины всей семьей поехали на волжский откос. На любимом месте отдыха горьковчан было шумно и весело. По реке шли теплоходы, баркасы, баржи, освещенные красным закатным солнцем. С берега несло прохладой.

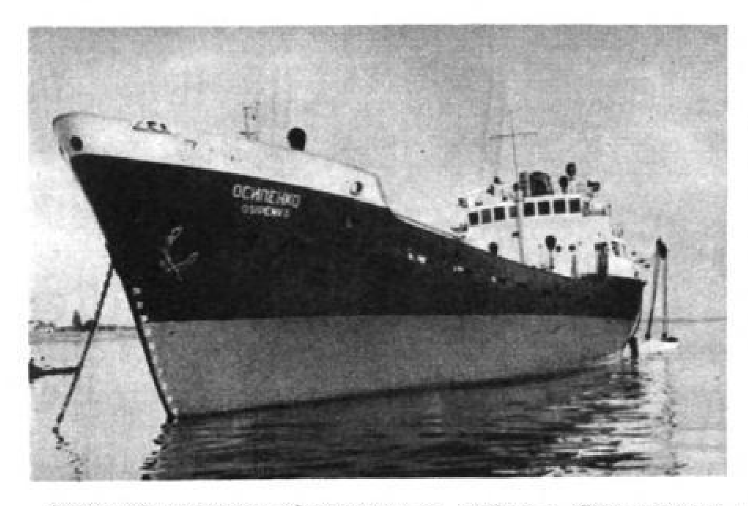
Ляпины остановились возле памятника великому летчику нашего времени Валерию Чкалову, и мы сфотографировали семью токаря в памятный для нее день.

Ляпины навсегда связали свою жизнь с сормовским заводом. У них один путь: после школы — на завод. Многие продолжают учиться в вечерних и заочных учебных заведениях. И есть теперь в семье Григория Михайловича Ляпина инженер, техник, слесарь, диспетчер, начальник цеха, конструктор.

Старый русский завод, так славно отпраздновавший юбилей токаря Ляпина, взрастил и взлелеял и всю его семью.

БОЛЬШОЕ ПЛАВАНИЕ

Морской теплоход «Осипенко» на рейде в Ярославском порту.

Фото П. Цветкова.

Судовой механик Филипп Николаевич Кладченко на вопрос, в каких портах и странах ему приходилось бывать, обычно отвечает: во всех странах земного шара, кроме Австралии. И добавляет:

— Трех анкет не хватит, если все перечислять. Ведь я сорок лет на море.

Но в подобном плавании Филипп Николаевич находится впервые.

Недавно из Риги в Азовское море вышел построенный в Польше для Советского Союза грузовой теплоход «Осипенко». Морское судно взяло несколько необычный курс: вместо того, чтобы идти к Дании и дальше вокруг Европы, теплоход направился к Ленинграду. Решили, что корабль совершит переход по внутренним водным путям: Нева, реки Мариинской системы, Рыбинское море, широкая гладь Волги, Волго-Донской канал, Дон, Азовское море — всего около пяти тысяч километров.

Много непредвиденных трудностей ожидало экипаж. В судовом журнале есть краткая запись:

«4 июня 1954 года. 3 часа 45 минут. ...Весь личный состав на палубе... Вошли в первый шлюз Мариинской системы. Прокладывая концы по берегу, выходим из шлюза и продвигаемся по каналу».

...Дружной семьей живут двадцать моряков нового советского теплохода. После трудовых дел хорошо сразиться в шахматы, домино, послушать приключения «деда», как любовно называет молодежь Филиппа Николаевича Кладченко, или даже поиграть... в волейбол. Эти соревнования проходят в одном из судовых трюмов, которые подстать любому спортивному залу.

Мы встретили теплоход в Ярославском порту. В вечерних сумерках темный силуэт большого судна четко вырисовывался среди снующих по воде речных трамвайчиков, дебаркадеров и катеров.

Теплоход «Осипенко» — не первое советское судно, которому довелось совершить плавание по внутренним водным путям. В свое время из Балтики в Каспий ходили теплоходы «Пионер» и «Богатырь», пароходы «Андога» и «Капитан Гораненко». Но морские корабли не могли попасть в порты южных морей внутренними водными путями. Экипажу судна «Осипенко» выпала честь впервые плыть по Волго-Донскому каналу имени В. И. Ленина, по Цимлянскому морю. Новое всегда дается нелегко, однако молодого капитана это не пугает.

— Фамилия у меня трудная, — говорит капитан Яков Кириллович Покиньчереда при знакомстве, — но зато уж если запомнится, то не позабыть...

Вечером мы вышли на палубу.

— На флаг смирно! — раздалась команда вахтенного помощника Павла Волошина. — Флаг спустить!

А на утро по свежему речному ветру снова гордо трепещет алое полотнище. Пароход «Осипенко» продолжает свой трудный путь.

Е. ВЕЛТИСТОВ

СЕМЬЯ САМСОНОВЫХ

О каждом из двенадцати детей Евдокия Матвеевна Самсонова может сказать свое материнское слово.

— Анатолий-старший — гордость наша. Летчик-офицер! Потому и вышел в офицеры, что всегда учился отлично. Вова — тоже молодец: двенадцатый год ему, а уже в седьмой класс переведен. А вот младшим, Толей, недовольны мы с отцом: отстает в учебе, все больше на велосипеде гоняет.

Два Анатолия: бравый лейтенант и худощавый подросток — питомцы одной семьи. Они братья, хоть и носят разные фамилии. Есть у Евдокии Матвеевны и две дочери — две Валентины. Старшая — работница обувной фабрики, младшая — портниха. У них тоже фамилии разные, но семья одна.

Родители — Евдокия Матвеевна и Василий Трофимович Самсоновы — одинаково любят всех своих детей — и приемных и родных.

Давно это было, более двадцати лет назад, когда рабочий В. Т. Самсонов вместе с молодой женой поселился под Москвой в Покровском-Стрешневе. Своих детей еще не было, и супруги взяли на воспитание двух сирот — мальчика и девочку: Толю и Валю.

Потом пошли свои, родные дочери и сыновья: появилась на свет Маруся, за ней Валя-младшая, потом Тамара, Толя-младший, Володя, Таня, Надя, Миша, Наташа, Лена.

Теперь, когда старшие выросли и, получив образование, живут самостоятельно, не так легко застать в сборе всю семью Самсоновых. Но нам повезло. В тот вечер, когда мы были в гостях у Евдокии Матвеевны и Василия Трофимовича, они провожали двух дочерей на летний отдых: школьница Тамара уезжала в пионерский лагерь, маленькая Наташа с детским садом — на дачу. На проводы пришла старшая дочь, Мария Васильевна, со своим мужем и полуторамесячным сынишкой. А накануне приехал в отпуск и старший сын, летчик Анатолий.

— Поздравляю, мамочка! — сказал он, обнимая Евдокию Матвеевну и разглядывая на ее платье недавно полученный орден «Мать-героиня».

Это шестая правительственная награда Е. М. Самсоновой.

Сорок одной тысяче советских женщин присвоено почетное звание «Мать-героиня», более четырех миллионов многодетных матерей награждены орденами и медалями.

С. МЕСЯЦЕВ

Лейпцигский хор мальчиков

В Москве и Ленинграде состоялись гастроли знаменитого лейпцигского хора мальчиков — «Томанер-хор». Это один из старейших немецких хоровых коллективов, основанный почти 750 лет тому назад.

В истории развития хора выдающуюся роль сыграли крупнейшие музыкальные деятели Германии. Первым регентом хора был композитор Георг Рау. С 1723 по 1750 год хор возглавлялся гениальным композитором Иоганном-Себастьяном Бахом. Почти все хоровые произведения Баха, созданные им в этот период, впервые были исполнены лейпцигским коллективом. И до наших дней лейпцигский хор мальчиков сохранил славные традиции исполнения произведений Баха. Сейчас хором руководит его воспитанник — известный немецкий органист и дирижер, лауреат Национальной премии, профессор и доктор философии Гюнтер Рамин.

В «Томанер-хоре» восемьдесят мальчиков в возрасте десяти — восемнадцати лет. Располагая дискантами, альтами, тенорами и басами, хор может исполнять сложнейшие партитуры.

В последние годы хор побывал в Швейцарии, Швеции, Франции, Италии, Австрии, Дании, Финляндии... В нашу страну «Томанер-хор» приехал впервые — вместе с оркестром берлинской государственной оперы. Гастроли его в СССР начались в Ленинграде. Уже первые концерты хора в Ленинграде принесли заслуженный успех.

Прощаясь с Ленинградом, профессор Гюнтер Рамин передал коллективу Ленинградской филармонии в дар чембало.

Выступление лейпцигского хора мальчиков «Томанер-хор» в Большом зале Ленинградской филармонии. Дирижирует лауреат Национальной премии профессор Гюнтер Рамин.

Фото Н. Ананьева.

С большим успехом проходили выступления гостей и в Москве. Звучание хора, солистов и оркестра, исполняющих замечательные творения Баха, покоряло слушателей слаженностью ансамбля, изумительно тонким звучанием как сольных, так и хоровых партий, чистотой интонаций, совершенством вокальной техники.

Особенно тепло встречались сольные выступления «Томанер-хора» (без сопровождения оркестра), в которых исполнялись хоровые произведения старых мастеров и Баха. Большой успех в концертах выпал на долю произведения Баха — дуэта для дискантов и альтов в сопровождении чембало (профессор Гюнтер Рамин) и виола да гамба (профессор Бернгард Гюнтер).

К. ПЕТРОВ

Перед открытием ВСХВ

Посланцы колхоза

Молочная ферма раскинулась в урочище Карта-Булак. Принадлежит она колхозу «Луч востока» — крупнейшему, многоотраслевому колхозу Казахстана. Сотни гектаров земель его занимают посевы пшеницы, сады, виноградники, бахчи и огороды. Артель имеет богатое парниковое хозяйство, винные подвалы, механизированный цех, выпускающий овощные консервы, соления, фруктовые джемы и соки. В горах на летних пастбищах, в альпийских лугах пасутся тысячные отары овец.

Колхозная ферма в урочище Карта-Булак племенная. На ней содержится молочный скот новой, алатаусской породы, недавно выведенной в Казахстане. Живой вес каждой коровы превышает 500 килограммов, а суточный удой достигает 38 литров.

Сотни телят новой, алатаусской породы вырастила телятница Марфа Шикова. Она и еще шестнадцать работников фермы утверждены участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В. ЛАВРОВА

Доярка колхоза «Луч востока» М. Каргопольцева—участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Фото А. Бахвалова.

НА РАДИОЛОКАЦИОННОЙ СТАНЦИИ

В столице изнуряющий жар летнего утра, на Урале густые дожди, в Барабинской степи полуденная духота и горячая пыль на дорогах, в Красноярске, над Енисеем, гроза, за Байкалом тишина спокойного вечера с первой ясной звездой в темном небе, во Владивостоке предночной туман с океана... Пересекая семь поясов времени, самолет, совершая путь из Москвы к Тихому океану, попадает в самые различные климатические и метеорологические условия. Такие же перемены ждут воздушный корабль, летящий в Среднюю Азию, за Кавказский хребет. Самолеты совершают теперь рейсы днем и ночью, зимой и летом, в дожди и снегопады.

На радиолокационной станции несут вахту дежурный оператор Г. Коновалова и начальник станции П. Ишков.

Фото А. Гостева.

Как бы ни были густы облака и как бы высоко ни пролетал почтовый самолет, его «увидят» радиолокационные станции и тотчас оповестят командный пункт аэропорта о местонахождении воздушного корабля.

Во время Великой Отечественной войны радиолокационные станции помогали советским зенитчикам находить во тьме и тучах вражеские самолеты и сбивать их точными залпами. Моряки обнаруживали с помощью радиолокаторов фашистские корабли, притаившиеся в тумане или во льдах. Радар помогал летчикам вести прицельное бомбометание.

В мирное время радиолокаторы помогают надежно вести пассажирские и грузовые самолеты по воздушным путям страны.

...Высокое здание радиолокационной станции с башенкой на крыше привлекает внимание необычайностью установленной на нем антенны. В нижнем этаже размещено электрическое оборудование, во втором — операционная.

Перед черным эбонитовым пультом управления сидит дежурный оператор Галя Коновалова. Над ее головой чуть светятся алые, зеленые и белые сигнальные лампочки, тускло отсвечивают никелированные рычажки, кнопки, переключатели. Девушка припала к широкой «трубке оператора», сделанной из толстой черной резины. Время от времени ее рука дотрагивается до рычажков и делает пометки на географической карте.

Радиолокационная станция, на которой мы находимся, обслуживает участок воздушной магистрали.

Что видит сейчас на экране Галя Коновалова? Начальник станции предлагает занять ее место и тоже прильнуть к «трубке». Оранжевым светом светится круглый экран. Апельсинового цвета нити делят его на серию концентрических кругов. По всему диску непрерывно бегает тонкий белый луч. Появляется, словно фосфоресцирующее, изображение местности с яркими пятнами районов города. Павел Петрович Ишков, начальник станции, поясняет: «Вот озеро и холм, на котором раскинулась часть города, вот мост, вот остров на привольно разлившейся реке».

Тонкий луч успевает много раз обежать экран, подсвечивая волшебное изображение. Невольно отхидываюсь от «трубки оператора»: «Где я?» Все здесь так же, как и было: четыре стены, приборы, рядом стоит улыбающийся Павел Петрович, Галя за столом торопливо записывает свои наблюдения. Снова приближаю глаза к «трубке» и опять вижу весь город, будто с высоты птичьего полета.

Щелкает другой рычажок, моторчик на башне придает антенне иное положение, и город исчезает. Теперь я вижу самые далекие дали. Радио сделало мои глаза настолько зоркими, дальновидящими, что я проникаю за многие километры в облака, а грани горизонта уже практически для меня не существует.

Это чудо творит узкий пучок радиоволн, излучаемых передатчиком. Он, как прожекторный луч, обшаривает небо и, когда встречает на пути препятствие, отражается от него, возвращается на станцию, но уже «картинкой».

— Для радиолокатора важно, чтобы встретившийся на пути луча объект обязательно отражал радиоволны,— поясняет Павел Петрович.— Отражают волны все предметы, все объекты: и самолеты, и планеры, и горы, и тучи, и здания. Ничто не укроется от «глаз» радара. Он не обнаружит предмет лишь в случае, если тот будет состоять из идеального изолятора, не отличающегося от окружающего воздуха, без каких-либо металлических или вообще электропроводящих частей. Практически такого объекта быть не может, поэтому-то радиолокатор и всевидящ.

Галя возвращается к своему рабочему месту, и я с сожалением уступаю ей экран.

Проходит час, другой. Тихо и спокойно в операторской. Только над башней с гулом пролетают самолеты. Вечером заступает на вахту Лена Герасимова. Девушка просматривает журнал, проверяет приборы, включает их и садится к пульту.

Лица девушки нам не видно, но по тому, как вдруг шевельнулись ее плечи, как тряхнула она косичками, можно догадаться: ее обеспокоило что-то очень важное.

— Очаг грозы...— докладывает Лена своему начальнику.

Она оставляет «трубку оператора» и включает фотоаппарат.

— Еще очаг...— сообщает девушка,— пятый, шестой...

Лена снимает трубку телефона и предупреждает командный пункт аэропорта: приближаются шесть гроз с ливнями. Тотчас дежурная снимает вторую трубку и оповещает о грозах авиационную, городскую и речную метеостанции.

— Гроза, идет гроза!..— разлетается весть по телефонам и радио.

— Азимут 262 градуса, 44 километра; азимут 210 градусов, 60 километров; азимут 305 градусов, 90 километров...— передаются со станции сведения о движении гроз.

Штормовое предупреждение получают колхозники, капитаны речных кораблей, бакенщики, садовники, строители, работники коммунального хозяйства.

Павел Петрович проявил уже широкую фотопленку. На ней можно увидеть все шесть очагов летних гремучих, палящих молниями гроз. Пепельно-беловатые пятна выглядят четко, по ним можно безошибочно определить структуру грозы, ее силу, форму и направление.

В операционной нет уже ни тишины, ни покоя. Звонят телефоны. Слышится быстрая «цифровая речь» дежурной, работает фотоаппарат, на карты и в журналы заносятся сведения о рождении и росте гроз. Но за окнами все еще спокойная зелень сада, в небе слепит летнее солнце, все так же мирно летят самолеты. Густые тени от воздушных кораблей ложатся на вишни, акации, мелькают по крышам.

Вдруг с юга веет прохладой, налетает чуть заметный ветерок, весело шумящий в ветвях. Чаще теперь идут самолеты; летчики уже оповещены о грозах, им сказано, где и как надо обходить зловещий фронт молний и по каким «коридорам» в тучах лететь в аэропорт.

И вот в небе показывается тревожное облачко, за ним второе, третье, и от горизонта до зенита встает черная с фиолетовыми краями туча. Слышится грозовой залп. Вспыхивает слепящая молния. Через мгновение свищет буря, воет, ревет и стонет все кругом. Ливень обрушивается на аэродром.

Е. РЯБЧИКОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ КНИЖНОГО КИОСКА

В селе Губине, Орехово-Зуевского района, тихо и безлюдно. Жители на полевых работах. Но вот тишину нарушает шум мотора. Из-за поворота проселочной дороги появляется большой автобус — книжный киоск Москниготорга.

Шофер выбирает для остановки лужайку в центре села, под раскидистым дубом. Лозунги и плакаты на кузове автобуса привлекают к себе внимание. На полках киоска — книги, газеты, журналы. Деревенские ребята разносят по селу:

— Книги приехали!

Вскоре на дороге, по которой прибыл автобус, показывается трактор и, поровнявшись с книжным киоском, останавливается.

— Есть у вас книга Лациса «К новому берегу»? — спрашивает у продавщицы Любы Выжал тракторист губинского колхоза «Всходы коммунизма» Василий Сорокин.

— Пожалуйста! — девушка подает трактористу книгу.

— А вы что хотели бы купить? — спрашивает Люба сидевшего рядом с Сорокиным помощника тракториста Бориса Хахалина.

— Я готовлюсь ко вступлению в комсомол, мне нужна политическая литература и желательно про молодежь.

Продавщица отбирает несколько книг на прилавке политической литературы.

У киоска появляются новые покупатели. Один требует литературу о квадратно-гнездовом способе посадки картофеля, другой — по организации труда на ферме рогатого скота, кто-то спрашивает труды И. В. Мичурина о выведении новых сортов плодовых и ягодных культур. Молодежь интересуется художественной литературой. Торговля идет бойко, весело.

— Ну, москвичи, чем вы порадуете наших ребятишек? — спрашивает Евдокия Нефедовна Дегтева. Семидесятилетняя Евдокия Нефедовна покупает книги для внучат.

К киоску спешит на своем «Гордом» старейший возчик колхоза Сидор Иванович Зайцев.

— Ну-ка, доченька, уважь хорошей книжечкой!

Книжный киоск прибыл...

Фото Г. Санько.

Надя Борисова предлагает «Очарованного странника» Лескова и тут же рассказывает содержание книги.

К прилавку подходит сельский библиотекарь Евгения Ежкова. В библиотеке насчитывается более 7 тысяч книг.

— Нет ли у вас новой сельскохозяйственной литературы? — спрашивает Ежкова у продавщицы.

— Давайте вместе подберем,— предлагает директор Орехово-Зуевского книжного районного магазина Михаил Васильевич Семенов. Он тоже «путешествует» с киоском. Михаил Васильевич около тридцати лет занимается книжной торговлей.

Вечером около книжного киоска агитбригада, приехавшая из Орехово-Зуева, организовала вечер художественной самодеятельности.

На следующее утро киоск направился к орехово-зуевскому птицесовхозу, а еще через два часа — в следующий пункт своего маршрута — орехово-зуевскую МТС...

М. ГОЛОВКО

Книга большого чертежа

Лев УСПЕНСКИЙ

Кто отчасу далее в нем (языке) углубляется... тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море. Отважась в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж всея обширности — Российскую Грамматику...

Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики.

М. В. ЛОМОНОСОВ

Творец первой научной грамматики русского языка Ломоносов хорошо знал: большинству его современников самая ее надобность представлялась спорной. Что такое грамматика, если не собрание произвольных правил, тонущих среди несчетных исключений? Кому она нужна и зачем? Знающий язык пренебрегает ею; невежде она бессильна помочь.

В бумагах Ломоносова, «первого русского университета», как звал его Пушкин, дошла до нас забавная шуточная сценка. Грамматика, «боярыня... которая завсегда... одно слово говорит десятью», приносит свои жалобы на суд Разума и Обычая.

Грамматика: Почтенные, почтеннейшие и препочтенные господа! Я вам доносила, доношу и буду доносить, что письмя письменем гнушается, письмени от письмене нет покою, письмена о письменах с письменами вражду имеют и спорят против письмен.

Разум: Мы знаем, сударыня, давно твои спряжения и склонения!

Разум, то есть средний здравомыслящий обыватель, отвечает жалобщице не без насмешливого сомнения, и мы почти готовы понять его. Покончив с грамматикой в школе, мы не склонны в дальнейшем дружить с ней. При виде труда в 700 страниц с заголовком «Грамматика русского языка. Том I» каждый сомнительно покачает головой: «Не разучились, видно, грамматисты «говорить одно слово десятью». Что содержится в столь увесистой книге и для чего нужно это «нечто»? Знаем-де мы их спряжения и склонения!»

А на деле книга эта, изданная Институтом языкознания Академии наук СССР, содержит замечательный большой «чертеж всея обширности» русского языка, не того русского языка, перед которым преклонялся Ломоносов в XVIII веке, а того, которым говорим мы с вами сейчас.

Нужен нам такой «чертеж»? Очень нужен: мало на свете вещей, менее знакомых человеку, нежели язык, которым он говорит.

«Мой брат живет тем, что работает».

Эту мысль легко выразить иначе: «Мой брат живет, РАБОТАЯ». Вместо глагола тут употреблено деепричастие. Так поступить может младенец: грамматика для этого не нужна.

Но вот вам другое предложение: «Она зарабатывает тем, что шьет платья». Произведите аналогичную замену. «Она зарабатывает...» Как? Шья? Шьючи? Шив? Шивши? Или еще как-либо?

«Девушки толпились у киоска, ПЬЯ воду и ЕДЯ мороженое»? Или ЕВ мороженое? Нет, что-то тут не так!

Ни младенец, ни взрослый не справятся легко с этой задачей, а уж тем более не объяснят, в чем тут дело и. чем глагол «курить» (КУРЯ) отличается от глагола «пить» (ПЬЯ). Зато грамматика, этот большой чертеж, на котором «всея обширность» языка видна как бы в плане, без труда укажет вам причины этого отличия.

Наши глаголы, оказывается, делятся на два важных типа: «продуктивные» и «непродуктивные», чего вы, вероятно, и не подозревали. «Курить» — глагол «продуктивного» типа, а «пить» — нет. Его способность отпочковывать от себя производные формы понижена.

«Непродуктивные» типы образования слов и их изменения встречаются и среди других частей речи. Даже части слов — суффиксы и префиксы — различны в этом смысле. Одни из них деятельны, живы, полны энергии. Они непрерывно работают, производя все новые и новые слова. Таков, скажем, суффикс «-чик» (лет-чик, пулемет-чик, зенит-чик), способный соединяться с бесчисленными корнями. Другие же давно умерли или пребывают в долгой спячке: новых слов при их помощи не произведешь. В языке живут почтенные старцы — слова с отличным суффиксом «-тай»: глашатай, ходатай, оратай (пахарь). Но попробуйте при его посредстве произвести новое слово... «Летатай»? «Управлятай»? Ничего не выходит и не выйдет: суффикс «-тай» непродуктивен. Он давно выбыл из строя.

Учетом и оценкой словообразующих средств нашего языка ведает, по словам Ломоносова, «боярыча... которая завсегда в белом платье с черными полосами ходит»,— Грамматика.

Автор спорит с корректором. «Я повсюду слышу, как все говорят «цехА», «кондукторА», «корректорА». Я и пишу так! А вы мне это запрещаете!» — негодует он.

«Да! — отвечает корректор.— Так писать нельзя. Надо писать: «наши мощные цехИ», «наши квалифицированные корректорЫ».

«Но ведь вы же не скажете: «В поликлинике работают лучшие докторЫ» или «Вдоль улицы выстроились многоэтажные домЫ»! Так выражались сто лет назад!» — не сдается автор.

«А вы не напишете,— парирует корректор,— «продают вкусные тортА», а скажете: «Продают тортЫ»!

Кто из них прав? Мы не пишем и не говорим «домЫ», хотя еще Гоголь выражался именно так; но мы сочтем ошибкой множественное «сомА» от единственного «сом». Мы спокойно говорим «токаря», «слесаря», но считаем невозможной форму «косаря». В чем же разница между этими как будто одинаковыми формами слов?

Грамматика, и только она, ответит вам на этот вопрос; ответит еще словами Ломоносова: «...Свойство нашего российского языка убегает от скучной буквы «И»... Во множественном числе многих существительных вместо «И» выговаривают и пишут «А»: облака, острова, леса... вместо облаки, островы, лесы...»

Процесс этот, наблюденный Ломоносовым 200 лет назад, продолжается и поныне, захватывая все большее и большее число существительных. Было время, когда форма «домА» звучала так же дико, как для нас теперь форма «тортА». А теперь мы считаем странным архаизмом форму «домЫ». Возможно, через 100 лет и выражение «покупайте тортЫ» заставит улыбнуться: «Почему тортЫ? Что за манерность? ТортА!»

Где граница между всеми этими формами? Которые из наших существительных уже вовлеклись в водоворот такого преобразования, которые еще нет? Короче, как надо говорить: «цехА» или «цехИ»? В «цехЕ» или в «цехУ»?

Норму нашего повседневного произношения и правописания не можем установить ни вы, ни я, ни кто-либо другой по своему произволу. Ее из многочисленных наблюдений над живым языком выводит она, Грамматика.

А нужна ли эта норма? Безусловно, нужна, и вот почему.

Язык, на котором мы говорим,— колоссальная громада, раскинувшаяся в пространстве столь же широко, как и во времени. Подобно могучей реке, он течет и течет в веках, исподволь, неторопливо меняя свое русло. Волга тех времен, когда над ней стоял хазарский Итиль,— это и та же и не та река, что в наши дни. Так и русский язык времен «Слова о полку Игореве», как ни отличается он от нашего современного,— это тот же единый русский язык.

Подобно безбрежному морю, разлился этот язык сегодня по неоглядным пространствам Европы и Азии. Черное море остается само собой и возле Батуми и у Бургаса. И там и тут оно имеет свои особенности, местные отличительные черты; тем не менее везде и всюду это — оно, Черное море.

Таков и наш язык.

Во дни Владимира Мономаха язык, кроме единственного и множественного, знал еще третье число, двойственное. Его теперь нет, хотя следы его существования живут и сейчас в нашей речи.

Доныне мы прибегаем к древним, архаическим типам склонения. Нельзя говорить: «У нас в колхозе много СЕМЯ»; надо сказать: «Много СЕМЕНИ или СЕМЯН». Это знают грамотные люди. Но многие ли ответят на простой вопрос: как выглядит именительный единственного числа от сходного слова «письмена»? А ведь он таков же по строению, как именительный от «знамена» и «семена»: «письмя»! В цитированной выше сценке Ломоносова боярыня Грамматика склоняет слово «письмя» совершенно свободно; мы сейчас совсем забыли его. Язык изменился. Изменился во времени.

Очень сложен он по своему составу и на каждый данный момент, так сказать, в пространстве. Волгари «окают», там где москвич или ленинградец произносит своеобразный звук, нечто среднее между «о» и «а». Рязанцы, напротив, «акают». Южане нередко

вводят в свою речь вместо звука «г» так называемое «звонкое х», которого не знает и не может знать литературный русский язык. Псковичи склонны сочетание звуков «дн» заменять долгим двойным «нн»: они говорят «ланно» вместо «ладно», «гонный» взамен «годный». Есть диалекты, в которых общерусское окончание «-ку» в родительном падеже некоторых слов заменяется сочетанием «-кю»: «Кликни Дуняшкю чайкю попить!» Во многих частях нашей Родины привычным окончанием творительного падежа множественного числа является в народных говорах не привычное для нас «-ами», а усеченное «-ам»: «Под трем дубам живет тур с девятью рогам...», «Ты с кем пойдешь, с нам (с нами) ай с ним (с ними)?»

Если бы бесчисленные русские люди, изо дня в день все полнее приобщающиеся к великой нашей национальной культуре, приносили в общерусский язык весь тот багаж местных произносительных, словарных, морфологических привычек, который они усвоили в местах рождения и воспитания, если бы мы допустили в Горьковской области издание газет и книг в «окающей», а в Рязани в «акающей» орфографии, от единства нашего языка скоро ничего не осталось бы.

Между тем это единство священно. Как бы сложно ни было строение великого целого «русский язык», каким бы значительным изменениям по внутренним и внешним причинам ни подвергался он на протяжении своей долгой жизни, он был, есть и останется всегда самим собою: единым, общим для всех нас языком. Это единство ощутимее всего связывает в один народ тех, кто говорит по-русски в Калининграде, с теми, кто отвечает им на том же языке с Командорских островов, за много тысяч километров.

Это единство позволяет нам гордиться победами мушкетеров Петра Первого или «воев» Святослава Киевского, живших за 10 веков до нас: они, как и мы, говорили по-русски! Непрерывная цепь языка связывает их и нас: мы — их потомки.

Книга напечатана в Ленинграде, а стоит на библиотечной полке на берегах быстрой Катуни в Алтайских горах или в Териберке над синцовым простором Баренцова моря. Необходимо, чтобы язык писавшего и читающих был одним.

В торжественный день государственный деятель обращается к советским людям по радио из Москвы. Необходимо, чтобы его понимали полно, точно, без затруднения, без перевода на свою, «местную» речь и в Сибири и у границ Финляндии так же, как на Сухоне и на Дону. А для этого нужно, чтобы сам многосложный, разносоставный язык наш, изменяясь и развиваясь, всегда равнялся на некоторую единую, общерусскую твердую НОРМУ. Следить за этим и призвана ГРАММАТИКА.

Спрашивается, однако: что это за НОРМА и откуда мы черпаем представление о ней? «...Хотя она (грамматика) от общего употребления языка происходит,— писал 200 лет назад великий Ломоносов,— однако правилами показывает путь самому употреблению».

«Грамматика,— говорится и в предисловии к первому тому «Грамматики русского языка»,— опирается на обширный материал русского литературного языка: а) на литературные произведения различных жанров от Пушкина до наших дней; б) на живую языковую практику наших дней».

«Основное назначение Грамматики — установление норм русского литературного языка и вместе с тем — показ тех богатейших выразительных возможностей, которыми он обладает».

Для того, чтобы все это оказалось возможным, коллективу ученых, авторов этого важнейшего труда, пришлось собрать и изучить громадный материал. Строго говоря, у них было на этом пути мало предшественников: в XVIII веке начало начал положил М. В. Ломоносов; через семьдесят пять лет после появления его «Российской грамматики» вышел в свет замечательный труд крупнейшего нашего лингвиста Александра Востокова, и только. Сто с лишним лет после этого русский язык шел своей живой и бурной дорогой, а трудов, призванных подвести итоги его грамматическому развитию, не появлялось.

Теперь мы такой труд имеем; и если вышедшую в 1952-м, переизданную в 1953 году «Грамматику» я назвал «большим чертежом русского языка», это никак не может быть сочтено преувеличением.

«Настоящая Грамматика... — сказано в том же предисловии к ней, — является первым опытом построения на научных основах общедоступной нормативной грамматики». «Она должна служить справочником для всех, кто стремится правильно говорить и писать по-русски».

В этом ее значение и вес.

Отношение широкой публики к грамматике и к ученым, занимающимся ею, во все времена было не свободно от некоторого оттенка иронии.

Вспомним Мольера в той его знаменитой сцене, где учитель философии раскрывает перед Журденом всю сложность произношения гласных и согласных звуков.

За простодушием забавного «мещанина во дворянстве» стоит тут, конечно, лукавое простодушие самого великого насмешника Поклена. Но мы-то прекрасно понимаем теперь, что правильно произнести тот или иной звук нашей речи не так-то уж просто, чтобы стоило посмеиваться над стремлением ученых точно описать любой из них. И если в той «Грамматике русского языка», которая нас занимает, почти весь 76-й параграф посвящен на самом деле подробному анализу произношения одного-единственного мудреного звука «Щ», это отнюдь не только забавно. В этом отражается тот важнейший факт, что как вся грамматика, так и один из ее отделов, фонетика, учение о звуках речи, стремится стать точной наукой. Так и должно быть. Ибо нельзя забывать, что сказал о ней И. В. Сталин: «...Словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немыслим никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка... Именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку».

Я не раз бывал в СССР

Заметки исландского писателя

Халлдор **ЛАКСНЕСС**

1. Насчет статистики

На Западе так уж повелось издавна: судить о той или иной стране по показателям ее национальной статистики.

Некоторые, например, недолюбливают исландцев только потому, что у нас самый высокий во всем мире процент незаконнорожденных детей (каждый третий—четвертый ребенок рожден вне брака). В этом видят признак... безнравственности. Однако, если исходить из убеждения, что величайшим благом в мире является сама жизнь, а не сопровождающие ее моральные каноны, то придется отметить хотя бы в скобках, что, например, в Ирландии, славящейся своей «высокой нравственностью»,— самый высокий в Европе процент детской смертности. В то же время Исландия дает наименьшую смертность в детском возрасте.

Принято считать, что высокие показатели по выработке стали дают тому или иному народу право на уважение, в особенности среди государственных деятелей известного типа, которые считают, что с помощью стали можно сразу разрешить все мировые проблемы. Некоторые государства считают обязательной принадлежностью своего высокого престижа то, что у них есть реактивные самолеты, летающие со скоростью, превышающей скорость звука. Правда, многие недоумевают, к чему такая скорость. Я, например, считаю, что корова — попрежнему более ценный агрегат, чем реактивный самолет. Короче говоря, официальное статистическое великолепие никогда не производило на меня большого впечатления.

Кстати сказать, мой собственный род не может похвастаться благополучной статистикой. Мои предки — мужчины по материнской линии — все, насколько я мог проследить, погибали в молодости, борясь за существование. Дед утонул, застигнутый бурей, опрокинувшей его утлый рыбачий челн. Прадед замерз, пытаясь спасти от бушевавшей бури свое жалкое стадо овец. По отцовской же линии все мои родственники были бедными крестьянами, такими бедными, что, например, дед и бабка были вынуждены сами разрушить свой семейный очаг: не имея возможности прокормить ораву детей, они отдали их в чужие семьи, и все дети выросли среди чужих людей. Моя бабка со стороны матери потеряла пятерых детей в течение одной недели: все они погибли от дифтерии. Такова моя личная семейная статистика, и я не могу не вспоминать о ней, когда пробегаю глазами статистические таблицы, печатаемые для широкого сведения.

Например, я вычитал однажды в газете, что в Соединенных Штатах, по данным статистики, 31 миллион семейств имеют автомашины. Что ж, эта цифра, возможно, и соответствует действительности. Но иметь машину в США — стране, где нет и в помине, например, такой вещи, как здравоохранение,— это само по себе еще ни о чем не говорит. Когда я жил в штате Калифорния двадцать лет назад, то даже тогда у хронических бродяг-безработных бывали свои автомашины. У человека могла быть какая-нибудь развалина, напоминающая автомобиль, но ни цента за душой.

2. История ножниц

Вскоре после возвращения из США я впервые поехал в Советский Союз. Я не знаю, сколько семейств в СССР имели в 1932 году собственные машины, но я помню, что те немногие машины, которые я видел на улицах Москвы, были главным образом американских марок. Я даже думаю, что в те времена в Москве нелегко было найти такси.

И вот человек — я имею в виду себя,— приехавший в начале тридцатых годов в Москву с индустриального Запада, где магазины были тогда переполнены всевозможными товарами, сталкивается еще с одним, на первый взгляд странным фактом. В Москве я потерял свои маленькие ножнички и очутился в незавидном положении: я не мог остричь ногти.

В Берлине, Стокгольме, даже Рейкьявике вы могли зайти в любой магазин и приобрести ножницы. В Москве мне пришлось проделать любопытный опыт — обойти множество магазинов центра в тщетной попытке купить этот пустячный предмет. Мне оставалось только предаться размышлениям о том, как советские люди стригут ногти. И что же, вы думаете, мне пришлось увидеть через несколько дней после этой смешной истории с ножницами?

Меня повезли в Донбасс. В течение целой недели мне показывали там шахты и доменные печи, строительство гигантских металлургических заводов. Много месяцев после этого мне снились потоки ярко раскаленного металла...

Прошло еще некоторое время. Я снова приехал в Москву. К своему изумлению, я увидел, что улицы кишат автомашинами и все они — советского производства! Что же касается такси, то оно готово к вашим услугам в любой час.

Мне показали огромный Автомобильный завод имени Сталина, оборудованный по последнему слову современной техники. Он вырос, казалось, за ночь на голом месте. И это в стране, которая, как мне еще недавно казалось, была далека от современной индустриальной эры!

Для меня это было незабываемое зрелище: видеть, как в огромной крестьянской стране закладывается на огромных пространствах мощная индустрия, создаются все условия, чтобы производить самые разнообразные товары — крупные и мелкие, предметы роскоши и товары первой необходимости. И все это несмотря на то, что страна вынуждена была отстаивать свое существование в четырех больших войнах на протяжении отрезка времени, равного половине человеческой жизни!

Если бы сказать какому-нибудь иностранцу, повстречавшемуся на улице сегодняшней Москвы, где все свидетельствует о наступлении эпохи изобилия, что двадцать лет тому назад, мне казалось, такси было необычным зрелищем здесь и что ни за какую цену я не мог купить ножниц, он скажет вам, что это плод вашей фантазии...

3. Зов истории

В 1932 году я приезжал в Советский Союз из Берлина, где я жил некоторое время. Там я познакомился с вдовой известного немецкого революционера, русской по происхождению. Она сказала мне: «Вид русской деревни, возможно, вызовет у вас уныние. Но вы многое поймете, если любите и понимаете деревню и крестьянство».

Я приехал в СССР в период коллективизации сельского хозяйства, то есть до того момента, когда можно было видеть огромные успехи, принесенные ею в дальнейшем. Я побывал в Америке и наблюдал относительно высокий уровень сельского хозяйства в большой части знакомых мне стран — Скандинавии и Германии. И вот я увидел русских крестьян. Это были люди, которых совершенная ими революция вывела из вековой тьмы, пробудила их общественное сознание и поставила перед ними задачу — построить почти на голом месте новое общество. Более величественного и впечатляющего зрелища мне никогда не приходилось видеть. Многие из этих людей напоминали мне старые фотографии исландских крестьян прошлого века, которых авторы иностранных путеводителей называли самыми отсталыми из крестьян Северной Европы,— явная несправедливость, ибо население Исландии на протяжении многих веков было грамотным. Мне не довелось видеть своих предков, людей старинного склада, за исключением моей бабушки, которая, следуя обычаям крестьянской бедноты, ела костяной ложкой, носила чувяки домашнего изделия, повязывала голову шерстяным платком. И вот, размышляя в 1932 году над судьбами русского крестьянства, я понял, что оно представляет собой тот социальный слой, из которого вышел я сам.

Зов истории, закон революционного развития вызвали и крестьян из векового прозябания и привели их к созданию нового мира. Я видел колхозы в последнюю мою поездку в СССР — в 1953 году. Это было совсем другое крестьянство, для которого обычными стали высокая техника земледелия, грамотность, непрерывный рост жизненного уровня.

4. Мнение старой женщины

Любой здравомыслящий человек — будь он социалистом или нет,— лично познакомившийся с Советской властью в те относительно ранние годы, должен был понять одно: нравится ему это или нет, но никакой силе в мире не повернуть в этой стране вспять стрелку часов истории. Определенные круги, господствующие в западных странах, заявляли о своей ненависти к Советскому Союзу на том основании, что советский народ строит общество в соответствии с учением социализма и под коммунистическим руководством; эти реакционные элементы сколачивали свои силы против Советского Союза, начиная с периода интервенции и вплоть до второй мировой войны; да и эту войну все они вели, по существу, как прямой или косвенный крестовый поход против народов советских социалистических республик. Гитлеровцы умертвили и замучили миллионы советских людей, единственная вина которых заключалась в том, что они строили в своей стране справедливую жизнь для всех. Но игра преступных элементов была проиграна. Они должны были убедиться, что Советский Союз стал еще сильнее, чем он был до развязанной ими военной авантюры.

Все это мог бы, в сущности говоря, предсказать любой человек, обладающий чувством реальности, еще в те годы, когда мне довелось впервые посетить Советский Союз.

Мне хочется поделиться еще одним из многих воспоминаний, оставшихся у меня после первой поездки. Это, в сущности, мелочь. Но мне лично она сказала больше, чем любое количество газетных статей.

1932 год был годом немалых трудностей для Советского Союза. Хотя самые тяжелые разрушения, причиненные гражданской войной, были уже в значительной степени преодолены, индустриализация страны была еще в первоначальной стадии, коллективизация деревни переживала пору младенчества.

Я приехал в Ленинград из Стокгольма. Этот большой современный город привлек меня своей строгой архитектурой. Утром, во время бритья, я смотрел в окно на площадь, где группа довольно плохо одетых юношей занималась военным обучением. В комнату вошла старая женщина, она следила за чистотой и порядком в общежитии. Я говорю «старая», ибо в ту пору человек старше меня лет на 30 казался мне чуть ли не развалиной. Возможно, что эта женщина выглядела старше своего возраста.

Между нами завязался разговор: она знала несколько слов по-немецки. Показав на площадь, где тренировалась молодежь, я спросил:

— Как вы думаете, победят они в новой войне?

— Да,—ответила женщина,—потому что все мы будем воевать вместе с ними.

— Вы? — удивился я.— Неужели вы пойдете сражаться вместе с ними? — спросил я.

Старая женщина выпрямилась и, глядя на меня в упор, ответила:

— А как бы вы думали? Конечно. За наш Советский Союз все пойдут воевать!

Выражение лица этой женщины сказало мне о том, что Советский Союз победить нельзя.

В те далекие дни, по каким-то туманным соображениям, я был социалистом. Первое посещение Советского Союза явилось настоящим испытанием моего мировоззрения. Сталкиваясь на тысячах фактов с жизнью Советского Союза, я смог лучше понять, в чем смысл Советской власти и что она отстаивает.

Несколько месяцев тому назад — в конце 1953 года — я вернулся из новой поездки по Советскому Союзу. Представитель одной скандинавской буржуазной газеты спросил меня, не поколебали ли мою веру в социализм впечатления, вынесенные из той поездки. Угадывая «направленность» вопроса, я ответил:

— Скажу вам откровенно, молодой человек, нет никакой надежды, что Советский Союз снова станет капиталистическим или феодальным государством, что бы вы для этого ни делали. Социализм в Советском Союзе неотделим от жизни советских людей. Гитлер прилагал все силы, чтобы восстановить систему капитализма и крупного землевладения в некоторых из западных областей СССР,—он убивал, обращал в рабство рабочих и крестьян, отдавал заводы и земли в собственность немецким монополистам, юнкерам, своим генералам и палачам. Американские идеологи войны обнаруживают подобные же намерения — вплоть до того, что собираются импортировать «американскую культуру» в Москву; помните постыдный факт с журналом «Кольерс»? Но я смею заявить вам, дорогой приятель, что это окажется такой же напрасной тратой сил для господ даллесов, маккарти и К°, как и для бесславных нюрнбергских висельников.

Стоит ли говорить о том, что эти слова в моей беседе с шведским корреспондентом были аккуратнейшим образом выпущены, когда интервью появилось в печати!

5. Если вы любите народ...

В США у меня было больше друзей, чем в какой-либо другой стране. В юности я провел там три года. До холодной войны мои книги расходились там во многих сотнях тысяч экземпляров. Простые американцы всегда вызывали во мне глубокие симпатии.

Но что я воистину ненавижу в Соединенных Штатах — это американских политиканов, которые не устают бить в барабаны войны через газетные агентства, прессу и радио, постоянно угрожают комунибудь «тотальным уничтожением» с помощью атомной бомбы, постоянно навязывают другим волю своих трестов, банков. Меня судьба миловала: в США мне лично не приходилось сталкиваться с этим типом «разъездного» государственного деятеля, который, сделав краткий привал в Европе, хвастливо возвещает миру, что он готов им управлять в порядке «американского просвещенного эгоизма»; затем удостаивает своим посещением какую-нибудь страну и там выкапывает из могилы скелет любого кровопийцы-феодала, подновляет, подчищает его, чтобы придать сему непристойному анахронизму вид «представительной фигуры». И, главное, повсюду этот деятель сеет семена войны.

Конечно, «американцы» такого сорта не имеют ничего общего с молодым, здоровым, свободолюбивым, прогрессивным, лишенным предрассудков народом Америки. Они не представляют Соединенных Штатов точно так же, как не представляли Гитлер и окружавшее его отребье германскую нацию. Нынешние американские кандидаты во «владыки мира» — это лишь воплощение капитализма, дошедшего до стадии крайнего разложения.

Советских людей я полюбил, когда был еще совсем молодым, в ту пору, когда советская статистика, как я уже говорил, по части производства автомашин не шла в сравнение со старыми, индустриальными странами. И я впоследствии не стал любить их больше или меньше, хотя, следя за статистическими данными, я вижу, что сейчас в СССР строят домов больше, чем в любой другой стране, что в области механизации сельского хозяйства советские люди превзошли всех, что они даже научились очень искусно строить столь излюбленные некоторыми воздушные экипажи, передвигающиеся со скоростью, превышающей скорость звука.

Я ясно вижу — да это видно и каждому здравомыслящему человеку,— каких колоссальных успехов достиг Советский Союз во всех областях экономики и культуры с того времени, как я посетил его в первый раз!

Но если любишь какой-либо народ, то не только за то, что у него хорошие «показатели». Точно так же нелепо ненавидеть какой-либо народ и объявлять ему холодную или горячую войну только за то, что его статистические данные «неблагоприятны» для кого-либо. Я всем сердцем полюбил советский народ за то главное, что в нем есть,—за мужество, честность, свободолюбие, за самые передовые идеи нашего времени. Поэтому-то мне доставляет величайшую радость каждый успех, которого он добивается.

Перевод с английского В. МОРОЗОВОЙ.

А. А. Рылов. В ГОЛУБОМ ПРОСТОРЕ. 1918 год.

Государственная Третьяковская галерея.

А. А. Рылов. ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ. 1904 год.

Государственная Третьяковская галерея.

ПЕЙЗАЖИ А. А. РЫЛОВА

Родная природа оживает в полотнах Аркадия Александровича Рылова (1870—1939), мастера, пришедшего в русскую пейзажную живопись после Шишкина, Поленова, Левитана, Куинджи и сохранившего традиции классиков национального пейзажа.

Творчество Рылова проникнуто большой и вдохновенной любовью к природе родной страны. В его пейзажах, полных искренности и сердечной простоты, природа в различных ее состояниях раскрывается как богатый источник человеческих мыслей и чувств.

Живописца привлекали пейзажи северной полосы России, где так суровы и лаконичны краски, широки просторы, прозрачны чистые дали. Одно из лучших его произведений, посвященных северной природе, — «Зеленый шум»... На крутом берегу, над неоглядным речным раздольем взъерошил налетевший ветер зеленые кудри берез. Стремительно несутся в небе облака. Все в движении, все в порыве. Лишь торжественно и плавно катит свои синие холодные воды река. А над рекой, над широкими родными просторами, щедро напоенными солнцем и свежим возду-

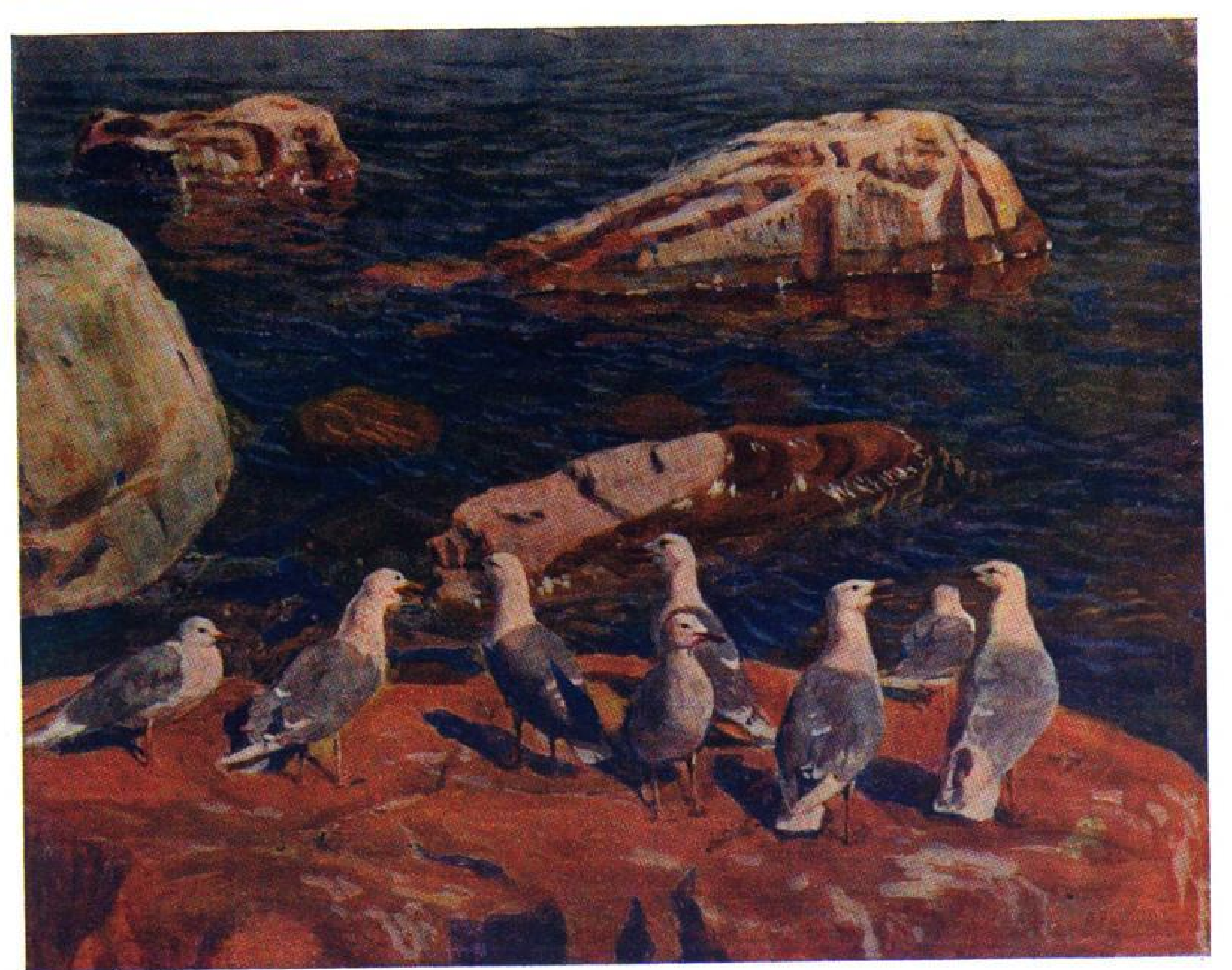

А. А. Рылов. БУЙНЫЙ ВЕТЕР. 1916 год. Днепропетровский государственный художественный музей.

А. А. Рылов. НА ПРИРОДЕ. 1933 год. Государственная Третьяковская галерея.

А. А. Рылов. МЕДВЕДИЦА.

Горьковский государственный художественный музей.

А. А. Рылов. ЧАЙКИ. 1933 год.

Киевский музей русского искусства.

хом, шумит-играет в ветвях берез молодой ветер — «Идет-гудет Зеленый Шум...» Чудесной бодрой силой веет от этой картины.

Тема могучих живительных сил природы, дарующих жизнь земле, радость людям, проходит через все творчество Рылова.

Художник большого творческого темперамента, он постоянно искал новые и оригинальные пейзажные мотивы, передающие бесконечное многообразие родной природы, стремился к острым и смелым композиционным и цветовым решениям.

Видное место в творчестве художника занимает полотно «В голубом просторе». Ощущение необыкновенной бодрости пробуждает эта картина, изображающая полет лебедей над морем в просторах голубого весеннего неба.

Многие работы Рылова посвящены морю. Ясные морские дали, тонущие в голубовато-розовой дымке, бурые, горячие на солнце скалы, омытые изумрудно-синей водой, ленивая рябь набегающей на берег волны, чайки на песчаных отмелях — все одухотворено в полотнах живописца живым поэтическим чувством.

Часто художник изображал в своих картинах животных, птиц, лесных зверушек. Он любил с ними возиться, любил их рисовать. В его мастерской постоянно обитали четвероногие и крылатые гости. В своем позднем автопортрете он так и запечатлел себя — с белочкой на руке: старик с милым и добрым лицом, и на рукаве у него маленький пушистый зверек...

Своей любовью к природе, чистой и восторженной привязанностью ко всему родному, русскому дорог нам Рылов.

В. ИВАНОВ

Как и обычно, Сергей Четунов проснулся от того, что нечем стало дышать. Каждое утро здесь, в пустыне, начиналось для него с ощущения душащей тяжести; это значило, что солнце успело нагреть брезентовую стенку палатки, близ которой стояла его складная койка. Он был новичком, и ему досталось самое плохое место. Пройдет еще несколько минут, пока солнце доберется до Морягина и Стручкова, поэтому оба его соседа сладко спят.

Первым движением Четунова было схватиться за флягу. Но фляга, по обыкновению, была пуста, несколько тепловатых капель упало ему на нижнюю губу и растворилось в суши рта, оставив на зубах хруст песка. От сухого глотка больно саднило гортань.

Четунов потянулся и отстегнул клапан люка. Пахнуло теплым, но более чистым, чем в палатке, воздухом, и тонкий лучик солнца, словно раскаленная проволока, протянулся от люка к столику Морягина. Лучик капнул золотом на пустую бутылку из-под шампанского, в горлышке которой торчал свечной огарок, растекся радужными бликами на рыжей коже горных ботинок, тоже стоявших на столике, и двумя серебряными пуговками зажег выпуклые глаза ящерицы, накрытой стеклянной банкой.

«Ящерица. К чему она тут? — брезгливо подумал Четунов, глядя, как трудно, судорожными толчками, втягивается и вспухает светлая кожа на горлышке ящерицы. — Она же задохнется!» Он шагнул к столику Морягина, чтобы освободить ящерицу, но случайно шатнул столик, что-то звякнуло, и Морягин поднял над подушкой красное потное лицо.

— Что такое? — буркнул он хриплым, непрокашлянным голосом.

— Ящерица вот...— пробормотал, отчего-то смутившись, Четунов.

— Это я сыну. Не трогайте! — Морягин повернулся на другой бок и сразу заснул.

«Ну и тип! — думал Четунов, выбираясь из палатки по маленькой лесенке, прорубленной в глине (палатка была до половины врыта в землю).— Будто нельзя усыпить ее эфиром. Как это он на меня прикрикнул: «Не трогайте!» Надо бы взять да выпустить ящерицу или заставить Морягина ее усыпить!»

Но в глубине души Четунов знал, что он этого не сделает, и Морягин знал, что Четунов этого не сделает. «Лучше всего люди угадывают чужую деликатность. Здесь уже поняли, что я не скандалист. Но сегодня мой день, а не ваш, товарищ Морягин!» — И Четунов засмеялся, сразу придя в хорошее настроение.

ЧЕТУНОВ, СЫН ЧЕТУНОВА

Рассказ

Юрий НАГИБИН и Лев ТИСОВ

Рисунки П. Караченцова.

Он стоял близ края такыра — большой плоской глинистой тарелки в десяток квадратных километров. Рассеченная во всех направлениях множеством тонких трещин, гладкая, твердая, белесая, почти белая, почва такыра напоминала паркет. Вдоль ближнего края такыра тянулись полуврытые в землю палатки, стояли несколько грузовиков, буровой передвижной станок и два трактора.

А дальше простиралась пустыня — бесконечные желтые просторы песков. На границе такыра песок был усыпан угловатыми обломками глины, сдутыми ветром с такыра и обожженными солнцем до крепости черепицы, словно там разбился вдребезги гигантский воз глиняных кувшинов.

Какое-то одинокое, бесприютное чувство рождал у Четунова этот голый, обглоданный солнцем и ветром пейзаж. Но сегодня Четунов поймал себя на том, что унылый вид такыра не вызывает в нем обычной неприязни. «Отличная природная взлетная площадка»,— вспомнились ему слова летчика, доставившего его сюда из Ашхабада. Похоже, что такыр окажется неплохой взлетной площадкой и для него, Четунова.

Начав думать о своей удаче, Четунов уже не мог сдержать бег воображения. Он думал об этом, ополаскиваясь мутной, пахнущей глиной водой из бочки, уничтожая очередную банку надоевшей скумбрии, снаряжаясь в дорогу. Собственно, это нельзя даже назвать удачей, ведь удача — нечто случайное, а Четунов шел к своему успеху сознательным волевым усилием.

Сергей Четунов, сын прославленного геолога, академика Сергея Павловича Четунова, с раннего детства был уверен, что у него будет не такая жизнь, как у всех.

Играя со своими сверстниками в любимую детскую игру «кем ты будешь?», он никогда не терялся среди всевозможных заманчивых профессий — от композитора до водолаза. Он всегда говорил одно и то же, просто и убежденно: «Я буду знаменитым геологом». На этот счет не было никаких сомнений ни у него самого, ни в семье. Кем же еще мог стать Четунов, сын Четунова? Ему не пришлось искать, ошибаться в определении своего пути, не знал он и той внезапной влюбленности в науку, которую переживает человек, наконец-то обретший свое истинное призвание. Он не мог бы сказать, когда полюбил геологию. Ему казалось, что он любил ее всегда, как любил мать, отца, няньку, как любил все свое, домашнее, неотделимое от привычного и милого мира детства.

Но носить фамилию Четунова не только благо: это ко многому обязывает. Сергей Четунов прекрасно учился; он был отличником в школе и в институте, но это никого не удивляло, будто так оно и должно быть. И сам Четунов чувствовал себя обязанным удивлять людей; он не имел права быть таким, как все, ведь он сын Четунова. Он полагал, что не был таким, как все, когда, отказавшись от аспирантуры, от Москвы, от спокойной и верной работы под руководством профессора Маркова, ученика отца, вызвался ехать в пустыню. Он видел, что все окружающие — и студенты, и профессора, и просто знакомые — оценили его поступок, и это дало ему тот заряд бодрости, без которого очень трудно было бы покинуть родной дом.

Но прибыв в экспедицию, он както растворился в среде, где на долю каждого приходились одни и те же заботы, тяготы, одно и то же пылающее солнце и та же тепловатая, желтая от глины вода. Здесь он снова стал таким, как все, и потому мучительно желал выделиться, показать, что он—единственный, Четунов, сын Четунова.

А вместо того он с самого начала наделал глупостей, и ему пришлось завоевывать самое право быть таким, как все. Об этом своем промахе Четунов до сих пор не мог вспомнить без чувства стыда.

Четунов знал, что самое главное в пустыне — это вода. В экспедицию питьевую воду доставляли на самолетах. Первые дни, прежде чем сделать глоток, он заботливо смотрел, сколько осталось во фляжке воды. Делал он это тайно, боясь, чтобы не заметили другие. Но затем он убедился, что отпускаемой на день порции вполне хватает, и перестал думать о воде. Но однажды он приметил, что его товарищи, «матерые пустынники», плохо переносят жажду; они то и дело справляются друг у дружки, не прилетел ли самолет-водонос, бросают на Четунова жадные взгляды, когда он прикладывается к фляжке. Четунов посмеивался про себя над этой несдержанностью и даже сказал Морягину, в котором сразу разгадал мелкого человека и оттого не чувствовал к нему такой настороженности, как к другим:

— Вы бы завели личного мираба.

— Вам легко трепаться! — огрызнулся Морягин.—У вас полная фляжка, а мы вторые сутки сидим без воды.

Оказалось, что главной буровой грозила остановка из-за нехватки воды, и работники экспедиции решили пожертвовать питьевой водой. Исключение сделали лишь для Четунова — новичка. И хотя Четунов в глубине души считал это справедливым, он пошел к начальнику и крупно поговорил. Это была его вторая оплошность.

Пожилой, красивый, с резкими, характерными чертами лица, имевшего в себе что-то тигриное, с властными, крупными жестами, начальник экспедиции производил на Четунова впечатление взрослого человека, усевшегося за игрушечный столик. Начальник испытал в жизни крутую перемену: он занимал видный пост в министерстве, прежде чем стал начальником небольшой геофизической экспедиции. Четунову казалось, что после этого человеку должно быть неловко глядеть в глаза окружающим, а этот не только глядел — он сверлил собеседника своими светло-серыми, блестящими, ласково-грозными глазами, глубоко упрятанными под твердую лобную кость.

Начальник со спокойным, даже скучающим видом выслушал пылкую речь Четунова, широко зевнул и сказал:

— Да чего вы расшумелись? Хотите мучиться, как все? На здоровье!

Он тут же распорядился не давать Четунову воды, нисколько не оценив благородный порыв молодого специалиста.

По счастью, воду доставили на другой день. Но Четунов сделал свои выводы. Он разом поскромнел и очень скоро стал таким, как все. Он научился обходиться без воды, когда это было нужно, но и не скрывать подчеркнуто жажды; научился быть то молчаливым, то общительным, смотря по общему настроению; научился пить из ковшика тепловатое, отдающее жестью донельзя противное шампанское и сплевывать осадок длинным плевком. Но только ради этого не стоило ехать в пустыню. И Четунов настойчиво искал случая, который выделил бы его из окружающей среды. С начальником нужно было держать ухо востро: он не любил выскочек. Поэтому Четунов всячески избегал проявлений пустого энтузиазма, вперед не совался, на производственных совещаниях помалкивал, но все время помнил о своей цели.

Помог ему в известной мере случай, который всегда приходит на помощь тому, кто напряженно ищет. Недаром отец говорил: «В науке случай — одна из форм закономерности». Еще в первые дни по приезде в экспедицию Четунов обнаружил на столике Морягина смятую, засаленную карту. У Четунова с детства была страсть к картам. Приглядевшись, он убедился, что на карте снят участок работ их экспедиции.

— Откуда это у вас? — спросил Четунов.

— Да тут рядом с нами аэрогеологи работали, я у них и выпросил кусок синьки,— ответил Морягин.— Он мне скатеркой служит.

Четунов попросил у него карту и на досуге разобрался в ней. Карта была составлена очень тщательно, она дала Четунову полное представление о том клочке пустыни, где он жил и работал. И еще тогда смутно — как некая далекая возможность — мелькнула у него одна мысль, вернее, даже предчувствие мысли. А вскоре мысль эта вышла из тайников сознания в виде отчетливой и довольно своеобразной идеи.

Для более уверенного толкования сейсмических данных экспедиции необходимо было знать физические свойства пород, залегающих

«Эх, хорошо бы встать да ошеломить всех какой-нибудь блестящей идеей!» — думал Четунов; и тут он вспомнил карту. Вспомнил с необычайной отчетливостью, будто разглядывал ее только что. Странный озноб — предчувствие открытия — пронизал его тело, несмотря на сорокаградусную жару. Четунов незаметно выбрался из палатки и побежал за картой. Да, все было так, как ему помнилось: вот эта впадина, и глубина указана — триста метров. Хорошая карта, отличная карта!

Когда Четунов вернулся в палатку, там что-то говорил Стручков, и начальник нетерпеливо двигал челюстями. Но вот Стручков замолк, развел почему-то руками и сел на место.

— Разрешите мне! — побледнев, звонко сказал Четунов.

Как шары на осях, в лад повернулись головы. Острые зрачки начальника укололи Четунова.

— Ну что же, послушаем геологию.

Начав говорить, Четунов в первые секунды не слышал своего голоса и все же почему-то знал, что говорит уверенно и твердо. Он начал с того, что в пустыне среди песков имеются участки, где на поверхность выходят породы более древнего возраста, и тут же дал краткий перечень всех горизонтов, на которые разделяются эти древние толщи. Теперь он уже слышал себя, и ему нравилось, как звучит его голос. Он нарочно употреблял те специальные названия слоев, которыми пестрят учебники по геологии: сантон, маастрихт, дат,— и, видя недоумение на лицах слушателей, думал: «Ничего, привыкайте к языку настоящей науки».

— Нельзя ли яснее, товарищ геолог, да поближе к делу,— нетерпеливо сказал начальник.

— Я говорю языком моей науки,— так же резко ответил Четунов. Он был уверен, что играет в беспроигрышную игру, и мог себе это позволить.— Да, я не геофизик, я всего только геолог, но я берусь достать вам образцы пород, причем более крупные, чем те, которые вы добудете здесь из буровых.

По тому, как сразу стало тихо, Четунов мог судить о произведенном впечатлении. Не торопясь, достал он из кармана карту и расстелил на столе, отодвинув в сторону кисет и трубку начальника.

— День, если предоставите самолет,— в тон ему ответил Четунов.

— Решено! — хлопнул тот рукой по столу, поднялся и, обведя повеселевшим взглядом собрание, сказал: — А, каково? Настоящий Четунов!

Этой фразой он сразу отвел Четунову должное место. Да, отныне он перестал быть одним из тех молодых, жалких в своей неопытности специалистов, к числу которых тут, кажется, причислили и его. Он стал Четуновым, сыном Четунова.

...Подходя сейчас к палатке начальника, Четунов с приятным чувством освобождения вспомнил свою прежнюю робость перед этим человеком.

— Да, да, прошу! — донесся из палатки низкий, властный голос.

Четунов вошел. Начальник стоял посреди палатки, широко расставив короткие, сильные ноги в щегольских генеральских сапогах. На нем были брюки из легкого серого габардина, белоснежная шелковая рубашка. «Одет так, будто каждую минуту ждет вызова из центра»,— отметил про себя Четунов, невольно отдав дань своему прежнему недоброжелательству. Но эта мимолетная мысль лишь скользнула по сознанию, не отразившись на чувстве симпатии, которое вызывала теперь у Четунова невысокая, грузная, с наклоном вперед, фигура начальника, его проточенные сединой, точно мех чернобурой лисицы, волосы и удивительные — ласковые и грозные — глаза.

— Садись, Четунов!

— Спасибо,— ответил Четунов, но остался стоять.

— Что, не терпится? — сказал начальник. Быстрый и цепкий взгляд его как будто впитал Четунова в глубину маленьких острых зрачков; Четунов понял, что оценен, взвешен, прощупан в своей парусиновой рубашке с двумя карманчиками, свободных парусиновых штанах, горных ботинках, широком поясе с флягой.

— Карта? — спросил начальник.

Четунов похлопал по планшету с прозрачной целлулоидной стенкой.

— Чувствуется походная закваска! — сказал начальник, вторично отдав должное фамилии Четунова, и поднялся из-за стола.— Ну, желаю. Только условились: не зарываться!

на глубине хотя бы первого отражающего горизонта, то есть в двухстах — трехстах метрах от поверхности. Для этой цели буровики начали проходку трех глубоких скважин, но работа велась из рук вон плохо: то аварии, то нехватка воды. За месяц пробурили всего несколько десятков метров. Начальник созвал совещание с участием буровых мастеров и рабочих.

Было душно, дымно от папирос и самокруток, в уши Четунову лезли бессильные, однообразные слова: «Надо со всей объективностью признать... Необходимо решительно бороться за повышение производительности...»

Впрочем, иногда попадались и дельные предложения, но так, мелочь. Старший мастер предложил начать поиски артезианских вод в окрестности, главный инженер — запросить новую аппаратуру... Начальник молчал, не мешая людям высказываться, но Четунов видел, что голубоватые белки его глаз набухают кровью и после каждого выступления он странно двигает челюстями, оскаливая крупные желтые зубы.

— Вот тут, в сотне километров от района наших работ, находится глубокая впадина Кара-Шор. Ее обрывистые борта, высотой до трехсот метров, сложены современными и третичными отложениями, но в нижней части их обнажаются и более глубокие породы верхнемелового возраста. Так вот я мог бы привезти оттуда образцы интересующих нас пород, залегающих на той же глубине, и указать мощность отдельных слоев...

Несколько приподнятая, победная интонация, с какой Четунов закончил свое выступление, упала в холодную тишину. А он ожидал взрыва. «Да они просто не поняли меня»,— со смущением и досадой подумал Четунов о геофизиках.

— Так-так,— поблескивая глазами, проговорил начальник.— А эти образцы мы испытаем на плотность, магнитность, электропроводность и полученные данные введем в наши расчеты глубин. Сколько вам нужно времени? — уже с иной, деловой резкостью спросил он Четунова.

— Есть не зарываться!

Они обменялись крепким рукопожатием.

Легким шагом Четунов вышел из палатки и направился к месту, где его поджидал самолет. Уже весь лагерь проснулся. Погромыхивая пустыми бочками, в том же направлении, что и Четунов, промчался грузовик, за его толстыми шинами поднимались столбики пыли. Дувший понизу ветер превращал столбики в вихорьки, вихорьки сливались в длинные тяжи, и Четунов знал, что если ветер не уляжется, то часа через два лагерь покроется желтым налетом пыли.

Из палатки вышел Морягин и, лениво потягиваясь, направился к бочке с водой. За ним показался Стручков в полотняном костюме и белой войлочной шляпе. Привычно ссутулившись, он зашагал к буровым. И у других палаток зашевелилась утренняя жизнь: мылись, брились, вскрывали консервные банки. Четунов смотрел на всех этих хлопочущих людей и вдруг с удивительной отчетливостью представил себе, что он не такой, что он все-

гда сумеет поставить себя над обстоятельствами. Недаром сегодня, когда они начинают свой обычный день, ничем не отличающийся от других дней, его, Четунова, хоть он и самый молодой здесь работник, ждет самолет, ждет интересное, большое, особое дело.

И самолет и летчик в самом деле уже поджидали Четунова. Самолет был старый, видавший виды, с потемневшими металлическими частями и неопределенного цвета фюзеляжем. Летчик Козицын, немного знакомый Четунову, был под стать своему самолету обработан пустыней: с выгоревшими волосами, бровями и ресницами, с коричневым, в черноту, от загара лицом.

Взгляд Козицына, открытый, но какой-то слишком пристальный и оценивающий, не понравился Четунову. «Рассматривает меня, как сомнительную монету»,— подумал он.

— Стало быть, летим? — сказал Козицын и засмеялся, точно удачной шутке.

— Выходит, так! — нарочито дурашливо подтвердил Четунов.

— Вообще-то нам в пустыню парами летать полагается,— продолжал Козицын.— Да напарник мой занят, воду возит,— и он снова засмеялся.

«Зачем он все это говорит? — подумал Четунов.— Проверяет меня, что ли?»

Но это легкое чувство неприязни, которое он испытал к летчику, почему-то убедило его, что на Козицына можно положиться.

Яростный рев мотора, могучий порыв ветра от пропеллера, хорошо охолодивший лицо, ощущение стремительно убегающей прочь земли взметнули душу Четунова, он почувствовал себя сильным и чистым, готовым к подвигу.

Самолет круто набирал высоту. Вскоре огромный такыр превратился в пятно грязи на сером гофрированном бескрайнем пространстве пустыни. Четунов отнюдь не был очарован своей жизнью здесь, равнодушно относился к соседям по палаткам, но сейчас у него возникло такое чувство, будто он покидает клочок мира, уже согретый для него каким-то теплом.

Внизу плыла желто-серая гладь с редкими грядами барханов, кое-где поросших саксаулом. Края пустыни словно загибались кверху, и казалось, что самолет висит над гигантским блюдом. Так прошел без малого час, и внезапно Четунов увидел под крылом самолета озеро, окруженное крутыми, обрывистыми берегами и покрытое ослепительно белым, даже голубоватым снегом. В ту же минуту озеро стало стоймя, самолет резко пошел на снижение, и Четунов понял, что это мнимое озеро и есть солончак Кара-Шор.

Четунов жадно смотрел вниз, но как ни старался он уверить себя, что это солончак, белая сердцевина казалась льдистой, заснеженной поверхностью настоящего озера. Ничто не выглядело так враждебно жизни, как эта гигантская ямина с обрывистыми бортами, похожая на мертвый лунный кратер. И впервые у Четунова шевельнулось чувство: хорошо бы, все это уже осталось позади.

Козицын посадил самолет неподалеку от края солончака.

— Странное название для этого солончака — Кара-Шор,— сказал Четунов, выбравшись следом за Козицыным из самолета.— Сверху он кажется снежно-белым, а совсем не черным.

— Тут, видимо, под словом «кара» надо понимать не «черный», а «плохой», «гиблый»,— спокойно пояснил Козицын.— Местечко и впрямь гиблое: глина и соль. Попробуй, сядь там внизу, на солончаке-то, враз завязнешь по самые крылья. А вот интересно, товарищ Четунов, откуда она взялась, эта самая яма? Землетрясение, что ли?

— Нет,— с готовностью ответил Четунов.— Землетрясение тут ни при чем. Конечно, движение земной коры сыграло известную роль, но вообще предполагают, что карстовые воронки образуются при растворении известняков водой. Первоначально образуются мелкие воронки, затем они соединяются в более крупные, углубляются.

— А вода-то откуда?

— В древности здесь было море. Все видимое пространство было покрыто морем...— Четунову вдруг захотелось поделиться с этим простым и любознательным парнем всеми своими знаниями о пустыне. Он, вообще не любивший «объяснительных» разговоров, обнаружил в себе удивительную тягу к популяризации. «Что это я разболтался? — подумал он в ту же минуту.— Время, что ли, хочу оттянуть?» — Да, морем...— повторил он уже без всякого подъема.— Ну, хватит, пора за работу.

— Помочь вам? — предложил Козицын.

— Какая тут помощь?.. Вы лучше смотрите, чтоб самолет ветром не сдуло!

Четунов сказал это шутливо, желая показать Козицыну, что его нисколько не смущает предстоящая работа. Но летчик воспринял его слова совершенно серьезно.

— Бывает иной раз. Но вы не сомневайтесь, я тут большие камни приметил, приторочу его тросиком, никакой ветер не возьмет.

«Только этого не хватало»,— вскользь подумал Четунов и, нахлобучив поглубже кепку, зашагал в сторону обрыва.

На ходу он несколько раз оборачивался и махал Козицыну рукой, но затем подумал, что это может произвести такое впечатление, будто он робеет, и заставил себя не оглядываться. Когда же, отойдя порядком, он все-таки оглянулся, то Козицына уже не было видно, только самолет крошечным жучком темнел на песке. А вскоре исчез и самолет, будто его всосал песок, и Четунов остался один.

Чувство печали и восторга охватило его сердце. Он как будто сверху увидел себя — маленькую бесстрашную фигурку, упрямо одолевающую мертвое знойное пространство. Что-то необыкновенно поэтичное было в том, что сын академика Четунова, Четунов-младший, словно молодой воин, принявший оружие из рук старого отца, вступил в поединок с неведомым.

Он подошел к расщелине, которая, извиваясь, вела глубоко вниз, к самому дну солончака. Сначала спуск был довольно полог и сложен глиной, но дальше, вниз, породы становились плотнее, они выступали вперед серыми, зеленоватыми и красными ступенями гигантской лестницы. (Вероятно, мергели или известняки.) «Как это писал отец? «Дорогая сердцу каждого геолога прекрасная обнаженность пород». Точно о женщине! — усмехнулся Четунов.— Впрочем, женщины мало интересовали отца, у него была одна влюбленность — геология. Наверное, так и должно быть у каждого большого ученого. А я такой или нет?»

Но думать об этом оказалось неприятно, и Четунов переключился на другое. Вот он наталкивается на что-то необыкновенное — какая-то мелочь, ничего не говорящая менее зоркому глазу. Но он хватается за эту мелочь, и в результате — новая блестящая теория возникновения этих гигантских карстовых впадин. Сперва краткое сообщение в газетах, значение которого понятно лишь немногим избранным, затем доклад в научном обществе, диссертация — тоненькая тетрадка, подобная «мемуару» Эйнштейна, но за нее присуждают докторскую степень...

Теша себя такими мыслями, Четунов не оставался без дела. Он достал из рюкзака записную книжку, молоток и металлическую рулетку, поправил рюкзак за спиной, чтоб не мешал работать, и продолжал медленно спускаться. Одновременно он вел замер мощностей, зарисовку и краткое описание всех пересекаемых им пластов. Отбирать образцы он решил на обратном пути, когда полностью ознакомится с разрезами.

Поднявшееся высоко солнце пекло все сильнее, и уже после часа напряженной работы Четунов почувствовал, что вся его рубашка просолилась пóтом и стала жесткой, как брезент, а голова под кепкой мокрая и горячая. Не было ни малейшего укрытия от зноя, лишь у подножия самых высоких ступеней ютились узкие полоски теней.

Четунов взялся за флягу и почувствовал под рукой, какая она маленькая и легкая. «Нельзя»,— строго приказал он себе и тут же ощутил сильнейшую жажду. Странно, еще минуту перед тем ему вовсе не хотелось пить, но стоило подумать о воде, как сразу появилось противное, ноющее чувство. «Нет, я не буду пить»,— просто и строго сказал себе Четунов и с радостью понял, что сможет удержаться. Это дало ему новое чувство самоуважения: он умеет быть жестким к себе, беспощадным к своим слабостям, недаром говорил отец, что без этих качеств нельзя стать настоящим геологом-исследователем! Но раз так, раз он

проверил, испытал себя, то нет ничего страшного в том, что он сделает один глоток. Когда придет действительная необходимость в самоограничении, он сумеет и вовсе обойтись без воды. Он отвинтил пробку и сделал глубокий глоток: вода была прохладной и очень освежила Четунова.

Теперь он с живой энергией принялся за работу. Спуск становился все труднее, но этот привкус риска был приятен его крепкому, ловкому, молодому телу. Незамысловатая работа захватила Четунова. Да, это была рядовая работа, какую ежедневно с опасностью для жизни делают сотни геологов. Но именно этим она и была прекрасна. Сейчас Четунов находил поэзию уже не в случайной и легкой удаче, а в сознании того, что он один из тысячи безвестных, скромных тружеников. Да, он будет рядовым геологом-поисковиком. Загорелый, обветренный, пропеченный солнцем, он неприметно пройдет свой жизненный путь, лишь немногие близкие будут знать настоящую цену простому подвигу его жизни. И только в старости, в близости конца, сделает он свой громадный опыт достоянием науки, и самая лучшая, печальная, запоздалая слава осенит последние дни его жизни...

Рукавом куртки Четунов провел по глазам. Он находился на крутом уступе, высотой около пяти метров. С немалым трудом, ссадив руки и колени, спустился он с этого уступа и, уже сидя внизу, подумал: «А зря я отказался от помощи Козицына, спускаться по веревке было бы куда проще. Опять это мое самолюбие, желание все делать самому. Нет, надо решительно вытравлять в себе все эти дрянные, мелкие чувствишки. Быть простым и сильным — вот линия моей жизни»...

Судя по замерам, он спустился уже более чем на двести метров. Значит, сейчас он ближе к дну впадины, чем к ее вершине. Четунов поглядел вверх, и невольный испуг кольнул его сердце: отсюда стена, по которой он спускался, казалась вертикальной. «Как же выберусь обратно? Да еще с полным рюкзаком? Ну, да об этом рано думать, сумел опуститься, сумею и подняться»,— успокоил он себя.

Четунов продолжал свой медленный и опасный путь. Каждый метр спуска уводил его все глубже и глубже в геологическое прошлое земли. Пестрые слои мергелей и красных известняков, острые края которых царапали его руки, образовались миллионы лет назад, когда здесь находилось неглубокое, но обширное море мелового периода. Присев передохнуть на один из выступов, Четунов стал пристально рассматривать эти слои. Словно листая тяжелые страницы, читал он древнюю летопись земли. Так добрался он взглядом до самого низа, где бледно, мертвенно мерцал гладкий соляной покров.

Дальше спуск стал еще тяжелее. Плотные известняки серого и розоватого цвета шли вниз почти отвесными ступенями. Цепляясь ободранными руками за малейшие выступы и припадая всем телом к известнякам, запорошившим его с головы до ног розоватой мучной пылью, Четунов медленно, но упорно продолжал спуск. Порой мысль «А как же обратно?» жалила мозг, но Четунов гнал ее прочь, поглощенный одним желанием: закончить этот изнурительный спуск, расправить тело, а главное — напиться воды. Последнее стало самым сильным его желанием, но сейчас он не отваживался на поблажку себе. Один глоток не принесет облегчения, а тратить воду приходится расчетливо: кто знает, сколько еще пробудет он в солончаке.

В те секунды, когда он отрывал взгляд от стены и смотрел вверх, солнце било в глаза слепящими белыми стрелами, камни тоже раскалились и дышали в лицо жаром паровозной топки. Наконец его нога неуверенно коснулась ровной поверхности. Четунов утвердил на земле вторую ногу и, чуть поколебавшись, отнял руки от каменной глыбы, за которую перед тем цеплялся. Да, он крепко стоял на твердом дне солончака, трехсотметровый спуск остался позади.

Ослепительно белая, гладкая и ровная, когда на нее глядишь сверху, поверхность солончака вблизи оказалась разбитой на множество больших и малых многоугольников, но эти многоугольники не были панцырно-твердыми, как на такыре, а податливыми, словно разогретый солнцем асфальт. Слой соли оказался весьма тонким, сквозь него просвечивала темная сырая глина, от которой тянуло паркой духотой.

«Неуютный уголок»,— слабо усмехнулся Четунов и невольно обратился взглядом туда, где в страшной выси клубилась золотистой пыльцой кромка отвесной, неприступной стены. Да, неприступной, теперь в этом не оставалось ни малейшего сомнения. А раз так, надо искать более пологий подъем. Но есть ли такой?

— Есть. Не может не быть! — вслух сказал Четунов и испугался своего голоса, странно прозвучавшего в мертвой тишине солончака. И вслед за этим коротким, как толчок, испугом пришел настоящий, тяжелый страх.

Отдыхать уже не хотелось, тело вновь стало нетерпеливым, Четунов отпил из фляги несколько глотков горячей воды и быстро зашагал вдоль подножия стены. Обогнув небольшой мыс, вдающийся в солончак, он увидел, что отсюда уходят вдаль все такие же, почти вертикальные обрывы, сложенные слоистыми толщами и совершенно лишенные каких-либо расщелин или трещин. Нечего было и думать подняться по этим стенам без помощи канатов и клиньев. «Похоже, я попал в западню»,— подумал Четунов и нехорошо улыбнулся пересохшими губами.

То рабочее возбуждение, которое он испытывал во время спуска, исчезло без остатка, уступив место тревожной озабоченности. «Может быть, я не туда иду? Может быть, обрывы становятся менее крутыми не к востоку, а к западу?». И хотя для подобного предположения не было никаких оснований, он ухватился за него, как за истину, и быстро зашагал назад.

Вот он миновал место своего спуска и, пройдя еще с километр, вспомнил вдруг, что обещал геофизикам сделать полное описание разреза. Как же теперь быть? Ведь в другом месте, где он будет подниматься, разрез окажется иным, чем там, где он делал только замеры. Получится путаница! Но пристально вглядевшись в обрывистые берега «мертвого озера», Четунов увидел, что разноцветные слои пород на всем протяжении, охватываемом глазом, залегают строго горизонтально, не меняя ни цвета, ни мощности, а значит, и состава. Выходит, где бы он ни взял образцы, он всегда сможет указать на сделанной им зарисовке разреза тот слой, которому этот образец принадлежит. Вот что значит морские отложения!

Но тут же новая тревожная мысль погасила короткое удовольствие этого маленького открытия: «Раз так, и эти пласты везде одинаковы по своей мощности и составу, значит, они вдоль всей этой огромной впадины создают такие же неприступные обрывы. Куда бы я ни пошел, передо мной будут все те же отвесные стены!»

Что же ему делать? Он даже не может дать знать Козицыну о своем положении: из-за выступов обрыва тот не в состоянии увидеть, как мечется по дну солончака попавший в беду Четунов. Попробовать держаться ближе к центру солончака? Опасно, говорил же Козицын, что там настоящая топь.

Спокойно, спокойно! Ведь не погибнет же он, в самом деле, когда под боком самолет, когда база в одном летном часе. Что за чушь, это все игра нервов. Надо обдумать положение, составить план действия...

«Значит, так: я пойду вдоль борта и буду искать пологий обрыв. Если не удастся, вернусь к месту своего спуска и попытаюсь подняться там. Не выйдет, как-нибудь доберусь до центра впадины и подам сигнал бедствия: я буду махать рубашкой хоть шесть часов кряду. Если и это не поможет, буду просто ждать. В конце концов, Козицын, видя, что я не возвращаюсь, обязательно пойдет на розыски: он парень надежный, не бросит человека в беде. На самый худой конец Козицыну придется слетать на базу за подмогой. Ну, заночую в солончаке, тоже не беда».

Но в противовес этим трезвым мыслям услужливое и пылкое воображение рисовало ему безобразные картины гибели: его поражает солнечный удар, засасывает глинистая топь, ветер срывает самолет. Ему вспомнилось, что ящерица, лишенная возможности двигаться, погибает под таким солнцем через несколько минут, человек, конечно, выносливее: если он свалится, агония продлится не менее трех — четырех часов. «В пустыне всякое бывает!» — стучало в мозгу. Он гнал от себя эти мысли, боясь той слабости, которую и прежде смутно подозревал в себе и в которую все же не верил.

Чтобы вытеснить эти мысли, он стал думать о другом: о невольных виновниках его беды. Недаром ему всегда казалось, будто отец чего-то недоговаривает, рассказывая о своих путешествиях, да и не он один — все эти прославленные землепроходцы сознательно или бессознательно скрывали то стыдное и мелкое, что им наверняка довелось пережить в их походах. Да и кому охота говорить о своей слабости, когда дело сделано?

Четунов находил какое-то странное наслаждение в этих злых и несправедливых мыслях, словно заранее хотел оправдаться в какой-то дурной крайности, на которую решится, хотя и сам еще не знал, что это за крайность.

Солнце — добела раскаленный, почти бесцветный шар — стояло в зените, и всякий раз, когда Четунов взглядывал на него, он почему-то перестал доверять часам — ему приходилось на несколько секунд закрывать глаза. И тогда перед ним возникала кроваво-красная пелена с голубым лучистым отверстием посредине, будто пробитым пулей в стекле. Рот его обволокло липкой слюной, кожа на лице и руках зудела и чесалась от ожогов солнца, от мельчайших частиц соляной и известковой пыли. Неподвижно горячий воздух заключил все его тело в душный кокон.

Странным свойством обладает пустыня: свою пустоту и беззвучие она возмещает сонмом призраков, преследующих одинокого путника. Перед глазами Четунова то и дело возникали зыбкие, мгновенно тающие контуры высоких белых зданий, его ухо улавливало то странную тонкую музыку, то глухой треньк нагретого солнцем колокольчика. А порой слышалось будто журчание воды, и тогда еще сильнее хотелось пить. Он несколько раз брался за флягу, ее выцветшая матерчатая обшивка так нагрелась, что обжигала руки. Наконец, он бережно завернул флягу в мешочек для образцов и спрятал ее в рюкзак.

От этих движений, казавшихся ему трогательными, невыносимая жалость к себе охватила Четунова. Он медленно побрел вперед, и сбоку от него, по серой, в трещинах, глине, заскользила его бледная, прозрачная, словно отощавшая тень. Ему представилось, что солнце пронизывает его фигуру, словно стекло, что тень его съеживается, бледнеет и вот-вот исчезнет совсем. «Меня ждет судьба бедного Петера Шлемиля, человека, потерявшего свою тень»,— подумал Четунов и тотчас же вспомнил отцовскую библиотеку, где он часами

просиживал за книгами. Как хорошо и спокойно мечталось ему тогда о будущих подвигах и открытиях, о яркой, необычайной жизни!

«Я не трус в обычном смысле слова,— думал Четунов, шагая вдоль полукруглого выступа, скрывавшего от него дальнюю перспективу впадины.— Я не боюсь умереть ради какого-нибудь большого свершения. Но погибнуть в этой вонючей дыре, погибнуть, еще ничего не сделав, унести с собой целый неосуществленный мир! Ну, будь я ничтожеством, но ведь это не так, я не из тех, кто проходит по жизни бесследно. Если я на этот раз уцелею, я напишу такую книгу о пустыне, какой еще никогда не было. Эта книга не может, не должна погибнуть...»

Он достиг крайней точки мыса, и перед его натруженными глазами открылась все такая же уныло-суровая, однообразная картина: отвесный многослойный обрыв и под ним — уходящая вдаль, сверкающая гладь солончака. Лишь в синем мареве дали стена куда-то заворачивала, и там, близ самого заворота, темнели как будто расщелины. Боясь разочарования, Четунов тяжело вздохнул и мысленно прикинул расстояние: километров восемь — десять, не меньше.

«Даже если мне и удастся выкарабкаться отсюда, я доберусь до самолета лишь затемно. А тем временем Козицын решит, что со мной случилось несчастье, и полетит в лагерь за помощью. Так или иначе, мне придется заночевать в пустыне без пищи, без глотка воды». Но все это он придумывал, чтобы ослабить силу удара, если окажется, что и те дальние расщелины не помогут ему выбраться на поверхность.

И снова шагает он вдоль обрывистого берега мертвого озера, ботинки его то разъезжаются на осклизлой глине, то глухо цокают по твердым обломкам, упавшим сверху. Жажда саднит гортань, обволакивает рот шершавой пленкой, и даже нет слюны, чтобы снять эту противную пленку, и он старается не думать о том, что во фляжке еще осталось, быть может, несколько капель воды.

Лишь через три с лишним часа добрался Четунов до первой расщелины. Мышцы перетруженных ног ныли и дрожали, пухла, болела голова.

Последние сотни метров Четунов шел как бы в беспамятстве, порой останавливался и беспомощно оглядывался вокруг, будто чего-то искал. «Нет, нет, — шептал он, — дойду, тогда выпью... тогда выпью, воды выпью, воды...»

И вот он дошел и опустился на камень. Даже не взглянув на расщелину, сулившую ему свободу, он дрожащими руками вытащил флягу, отвинтил пробку и припал губами к горлышку. Первый глоток он даже не заметил, не ощутил вкуса воды, зато второй процедил медленно, как прекраснейшее вино, а третий продержал во рту, пока влага как-то сама не испарилась. Он хотел сделать еще глоток, но фляга была пуста...

С трудом поднявшись на ноги, Четунов шагнул к подножию узкой, крутой расщелины, сложными извивами взбегавшей кверху. Здесь, словно вспомнив о чем-то, он снял рюкзак, сложил в него все свое снаряжение, закинул его за спину и стал карабкаться по чуть пологой каменной стене. На высоте десяти метров путь ему преградил отвесный голубовато-серый обрыв известняков. Четунов опустился на узенький выступ. Он сидел совершенно неподвижно, закрыв глаза, ни о чем не думая, ничего не чувствуя, кроме страшной душевной усталости. Затем как-то лениво колыхнулась мысль: «Ведь есть же еще другая щель».

Он даже не спустился, а бессильно скользнул вниз, ободрав локти и поясницу. Издали казалось, что вторая щель находится рядом с первой, на деле же их разделял добрый километр, и Четунов шел этот километр без малого час. Вторая расщелина была гораздо шире первой, она напоминала ту, по которой он спустился в солончак. И хотя Четунов успел убедиться, как обманчивы эти расщелины, он крикнул громко и словно наперекор кому-то, кто держал его в этом проклятом каменном мешке:

— Выберусь!..

Он без труда одолел первые метры, но дальше подъем стал круче, и подошвы ботинок скользили. Четунов быстро разулся. Раскаленные камни больно ожгли подошвы сквозь тонкий шерстяной носок, но зато его ноги приобрели цепкость ладоней, и весь он стал удивительно легким. Четунов засмеялся, обрадованный этой новой легкостью, и вдруг радость сменилась испугом: он почувствовал пустоту рюкзака за своими плечами:

— А образцы?!.

Поглощенный одним стремлением — вырваться из западни, он забыл о них. «Да нет, — сказал он себе. — Какие к черту образцы? Разве мне осилить подъем с полным рюкзаком?»

В памяти всплыло резкое, характерное лицо начальника. Каким крошечным казался отсюда этот человек! Неужели он, Четунов, мог всерьез с ним считаться? Четунов хрипло засмеялся. Но думая о начальнике, он невольно со все большей отчетливостью вызывал в памяти его облик: кургузую, сильную, с наклоном вперед фигуру, короткий, властный жест, грозно-ласковые глаза, и против воли этот образ вновь приобретал над ним странную власть. Чтобы освободиться от нее, Четунов подумал со злостью: «Хорош начальник, послал неопытного человека почти на верную гибель и бровью не повел! Да что я для него, что для него вся наша экспедиция? Трамплин для новой карьеры. Ну, а я вот не желаю приносить себя в жертву, пусть ищет дураков».

Но чувство освобождения не приходило. И Четунов заставил себя думать о другом. Пройдут годы,— быть может, совсем немного лет,— он снова будет в Москве, в привычном домашнем тепле, устроенный и благополучный, и ему вспомнятся его нынешние беды, которые издали покажутся маленькими и смешными. И, согретый этим воображаемым теплом будущего, он тут же придумал шутку про запас: «Пустынник из меня не вышел».

Прочь из этой гиблой ямы, из пустыни, от этого мерзкого солнца, от этих требовательных, беспощадных людей! Но, странным образом, движения его стали сейчас более медленными и затрудненными, будто на плечи ему легла какая-то невидимая тяжесть. Где-то, в самой глубине его существа, зашевелилось отвратительное ощущение, что ему никогда не разделаться с этой проклятой пустыней. Конечно, физически он рано или поздно выберется из нее, но она потащится следом за ним в Москву, в родительский дом, даже в сердце матери. Сам-то он сумеет справиться со всем стыдным и гадким, что он вынесет отсюда, но для окружающих он будет запятнан навсегда.

«О, чтоб вас всех!» — в смертной тоске простонал Четунов и опустился на каменную площадку.

С предельной отчетливостью овладело им чувство, будто множество невидимых существ вцепилось в него, не давая ему выбраться на волю. Он смутно различал среди них и товарищей-студентов, и профессоров, у которых учился, и тех двух — трех женщин, с которыми был близок, и уж совсем отчетливо — мать и отца. Всем им было зачем-то нужно, чтобы он подох в этом проклятом пекле! Ну, отец — тот и себя не привык щадить, измочалил себя о жизнь, как старый кнут. Но мать, мать — и она вместе со всеми!

«Ну и воспитывали бы, как следует!» — бессильно выкрикнул он в лицо родителям. Спазмы рыданий больно схватывали гортань, но слез не было, так иссушило его солнце; ему казалось, что он глотает шершавые камни. Неужели же нет в мире ни одного человека, с которым можно быть самим собой? Человека, который любил бы тебя не выдуманного, а такого, каков ты есть на самом деле? Ведь даже мать — теперь он убедился в этом — любила его выдуманного. Как чудно хорошо было бы найти женщину, которая знала бы о нем все, даже самое жалкое, сокровенное, и любила бы его не меньше, потому что знала его другую, высокую, ценную сущность! Он вдруг так ясно представил себе эту прекрасную, щедрую сердцем женщину, добрую, умную и бесконечно преданную, что на миг ему почудилось: она тут, рядом с ним. Но миг промелькнул, и кругом было все то же: камень, зной, пустота. Четунов поднялся, покорно, отчаянно и бессильно заскользил вниз...

Оказавшись у подножия склона, он скинул рюкзак, достал молоток и, скривившись от отвращения, вырубил в самой нижней части обрыва кусок белого известняка, насек на нем единицу, сделал пометку на своей зарисовке. Так же поступил он, когда поднялся метров на пятнадцать и пересек прослой красноватых известняков. Карабкаться вверх становилось все труднее, но Четунов упорно вырубал образцы и складывал их в мешок, пока не пресеклось внезапной судорогой усталости сердце. Он опустился на камни, отер с лица грязный пот и увидел, что висит над пропастью. Десятки пульсов враз громко забились в его теле, но то был лишь автоматический отзыв тела на опасность.

«Ну и сорвусь,— думал Четунов,— и пусть!» Он поднялся, чувствуя бездну в вершке от своих пяток, и стал вырубать кусок розовато-белого известняка. Мелкие, остроугольные выступы не поддавались удару молотка, ему удалось отщепить лишь два крошечных кусочка. Тогда, повинуясь тому же злорадному чувству, Четунов достал зубило и принялся вырубать один из крупных выступов.

Затем он вновь полез вверх. Зной опалял лицо, слепил глаза, сухой рот не хотел принимать горячий воздух, пропитанный пылью, тяжелый мешок тянул вниз, а Четунов упорно, метр за метром одолевал наиболее крутую и узкую часть подъема. Инстинкт самосохранения вел его, словно умный поводырь, подсказывал, куда ставить ногу, за какой выступ ухватиться, где проползти, а где пройти в рост, где смело прыгнуть, где пробежать, едва касаясь кончиками пальцев сыпучего, неверного грунта. Казалось, мозг не принимает никакого участия в этой борьбе за жизнь. И столь же безотчетно Четунов отбивал, помечал и складывал в мешок образцы; и когда он наконец ступил на ровную поверхность, то не испытал ни удивления, ни радости, словно все время был уверен, что так оно и должно быть. Он только ощущал смертельную усталость, у него болели исколотые, израненные, обожженные ноги, тяжело набитый рюкзак тянул к земле.

Скинув рюкзак, Четунов прилег у самого края обрыва и стал равнодушно глядеть сверху на только что пройденный страшный путь. Недалеко от того места, где он лежал, солончаковая впадина узкой горловиной соединялась с другой впадиной, уводившей к горизонту. И Четунов, хорошо помнивший морягинскую карту, приметил в ней одну неправильность: на карте горловина выглядела совсем короткой, в действительности же она представляла собой длинный, в полкилометра, каменный коридор. Верно, из-за этой ошибки аэрогеологи и отдали «синьку» Морягину.

Эта чужая ошибка подбодрила Четунова. Он приподнялся и стал массировать одеревеневшие икры. Вдруг он услышал гул самолета. Самолет прошел так низко над краем впадины, что Четунов невольно пригнулся. Козицын все-таки нашел его! Это была нежданная удача, но Четунов ощутил не радость, а скорее досаду. Ему не хотелось встречаться сейчас с Козицыным, чувствовать на себе его пристальный, словно ощупывающий взгляд.

«Обязательно спросит, почему я босой»,— подумал Четунов, глядя на подруливающий к нему самолет. Его так обозлило, что он должен кому-то давать отчет в своих поступках, что он почти не слышал первых слов Козицына. Летчик чему-то радовался, верно, тому, что так ловко его разыскал, но Четунова раздражала его радость.

— А где же ваши ботинки?

— Я их снял, мне, видите ли, фасон не понравился, — сквозь зубы проговорил Четунов.

Козицын округлил брови. Он смотрел на Четунова со смешанным чувством жалости и любопытства. Уже не в первый раз на его глазах уходили люди на великую проверку пустыней, и он знал, как нелегко давалась многим из них эта проверка. Не раз отвозил он в далекие уголки пустыни самоуверенных, пышущих бодростью и наивностью юнцов, а встречал притихших, поскромневших людей. Но он не смущался подобной переменой, ибо знал, что так приходит зрелость, что прибитость пройдет, забудется, а мужество и новое знание себя останутся навсегда.

Но этот ему не понравился. Не понравился откровенно растерзанный облик, босые грязные ноги в паголенках от носков, весь бесстыдно размундиренный вид (как у дезертира, подумал про себя Козицын), не понравился пустой и вместе затаенный взгляд Четунова и то, что он встретил его молчанием. Или уж больно туго пришлось ему и слишком много неожиданного узнал он там о себе?

— Видать, солоно пришлось в солончаке-то? — спросил летчик и, не дождавшись ответа, добавил: — Хотите пить?

— Пить...— рассеянно отозвался Четунов. Он все время чего-то ждал от Козицына, хотя и сам не знал, чего, это было как предощущение опасности. Но услышав дважды слово «пить», произнесенное сперва летчиком, затем им самим, он машинально схватился за фляжку. Лишь приметив удивленный взгляд летчика, он сообразил, что фляжка пустая, и хотел было убрать руку, и тут во фляжке что-то болтыхнулось. Не веря себе, Четунов поднес горлышко к губам, и несколько горячих капель упало ему на язык. Он и сам не мог взять в толк, откуда оказались там эти капли.

— Никак, у вас сохранилась вода?

Четунов подметил сперва восхищенную интонацию в голосе летчика, затем дошел до него смысл вопроса. И ответ родился легко и просто, точно он заранее был готов у Четунова:

— Пришлось воздержаться. Н. З.

Эта неожиданная ложь дала ему точку опоры. И когда Козицын принес из самолета термос и, держа его обеими руками, почтительно протянул Четунову, тот подумал: «Э, да он начинает уважать меня».

А Козицын, и впрямь, начал уважать Четунова. Ему, человеку простому и мужественному, и в других легче было видеть хорошее, сильное, нежели низменное, дурное. А когда он поднял с земли тяжело набитый образцами рюкзак Четунова, у него возникло чувство вины перед этим измученным, истерзанным, но хорошо сделавшим свое трудное дело человеком. И невпопад, желая скрыть смущение, он принялся рассказывать Четунову про одного шофера, заблудившегося в песках. Решив, что ему уже не выбраться, шофер написал на тыльной стороне кисти: «Прощай, мама, прощай, жена». А на следующее утро, когда его разыскали с воздуха, ему очень стыдно было...

— Я это к тому говорю,— добавил Козицын, чувствуя, что рассказ его звучит не очень-то ловко,— что у нас человека никогда в беде не оставят.

Он украдкой посмотрел на Четунова, но у того на лице было лишь вежливое и безучастное внимание. Четунов, в самом деле, и слышал и не слышал Козицына. С той минуты, как он перестал его опасаться, он почувствовал внутри себя странную, незнаемую прежде пустоту, будто его всего выжгло, как эту пустыню.

Уже сидя в самолете, Четунов вдруг вспомнил историю, рассказанную летчиком, и подумал: «Вольно же было шоферу расписываться в своей слабости. Вот о том, что было со мной, знаю я один».

Он долго смаковал эту мысль, но она не дала ему облегчения.

«Может быть, даже хорошо, что мне так плохо сейчас? — думал Четунов.— Кто скажет, как создается в человеке характер?» Но пустота внутри него не давала заговорить себя словами, и Четунов бросил думать. Некоторое время он смотрел в затылок Козицыну. Круглая голова летчика в кожаном шлеме напоминала футбольный мяч. Наконец Четунов неприметно для себя уснул и не проснулся даже при посадке. Козицын сбегал и притащил ведро воды, портянки, свежую рубашку и только после этого растолкал Четунова.

— Спасибо, спасибо...— бормотал Четунов, выбираясь из самолета.

События дня сразу всплыли в сознании, но воспоминание утратило былую едкость. С ним на факультете учился студент, участник Отечественной войны, у него под самым сердцем лежал неизвлеченный при операции осколок снаряда. Студент говорил, что осколок ему не мешает, хотя он всегда ощущает его присутствие. И только при неосторожных, резких движениях осколок обнаруживает себя острым уколом.

«Так будет и с этим,— подумал Четунов,— и пусть напоминает о себе боль, это не должно пройти для меня бесследно, но я живой и хочу жить».

Он с удовольствием окатился прохладной водой, вымыл ноги и, обмотав их сухими портянками Козицына, натянул ботинки. Причесываясь перед маленьким круглым зеркальцем, он с удовольствием приглядется к своему почерневшему, подсушившемуся и потому более четкому и выразительному лицу. И уже совсем бодро сказал Козицыну:

— Иду докладать по начальству. Рубашку и прочее снаряжение верну завтра...

Но, подойдя к палатке начальника, он вдруг испытал раздражение против этого холеного, самоуверенного и чем-то импонирующего ему человека, который никогда не сможет оценить по достоинству то, что он, Четунов, сделал, ибо благородная полуправда страданий Четунова нисколько его не интересует. «Что ж, выполнили задание?» — мысленно передразнил Четунов.

И вот, то ли из бессознательного желания вознаградить себя за то, что действительно было, но о чем он не мог говорить, то ли из желания удивить начальника, то ли потому, что на карте участок, пройденный им с такой мукой, казался ему совсем крошечным, но Четунов решился на маленькую, вполне безобидную ложь. Показывая на карте район, который он обследовал, Четунов небрежным движением пальца обвел и часть второй впадины.

— А, так вы и во второй впадине побывали? — сказал начальник.

— Да,— кивнул Четунов и немного поспешно добавил: — Карта тут не совсем точна: на деле горловина имеет вид длинного коридора.

— Так, так, интересно,— одобрительно сказал начальник.— Значит, уточним: вы прошли вот от этой точки до конца впадины, затем миновали горловину и обследовали вторую впадину до этой точки. Так? — Он взял карандаш и легкой линией отметил настоящий и воображаемый путь Четунова.

Четунову стало противно: эта едва приметная линия как бы закрепила его ложь. «И чего он привязался ко второй впадине? Можно подумать, что в ней все дело».

— Так, а почему же вы снова вернулись в первую впадину? — дотошно выспрашивал начальник.

— Значит, надо было,— грубо и нетерпеливо ответил Четунов.

Он продолжал свой доклад, то и дело прерываемый вопросами начальника. И чем дальше, тем короче, отрывистей становились ответы Четунова. Ему вдруг почудилось, что начальник его на чем-то ловит. «Может быть, он чувствует, что я недоговариваю что-то. Может быть, в моих ответах есть незаметные мне самому провалы. И зачем только приврал я насчет второй впадины, все было бы так хорошо!»

Настроение Четунова все более портилось, но начальник словно не замечал этого. Выспросив все до конца, он наговорил Четунову много лестных слов, присовокупив, что ему будет объявлена в приказе благодарность. Все это нисколько не тронуло Четунова. Он поймал себя на странном чувстве: ему казалось, будто его хвалят не за то, что он действительно сделал, а за мнимый осмотр второй впадины. И хоть это было неправдой, вдруг уверился, будто главного-то он и не выполнил. Случайная ложь как-то странно обесценила его работу в собственных глазах.

Когда Четунов вышел из палатки начальника, уже посмерклось, закат проложил на небе зеленые, оранжевые и пунцовые полосы, серый такыр подрумянился, и в этих предвечерних красках окрестный простор уже не казался таким голым и бесприютным.

Его совсем разморило, хотелось в постель, даже не ради сна, а чтоб уйти из этой долгой, мучительной яви, уйти от самого себя. Но в палатку идти он не решался, ему не хотелось никого видеть. Начнутся расспросы, еще заставят выпить в честь «боевого крещения», и тут он обязательно сорвется: слишком перенапряжены нервы.

Он пошел прочь от палаток, туда, где в голубой дымке надвигающихся сумерек чернели тонкие скелеты буровых вышек. По пути ему попались сложенные в штабель старые ящики. Он прошел за ящики и прилег на приятно теплую дневным теплом землю. Розовые тяжи облаков сплели на небе сложный узор и вдруг начали быстро, зримо таять.

Четунов знал, что ему надо обдумать события сегодняшнего дня, принять какие-то решения, но усталый мозг родил лишь одну коротенькую мысль: «Если все обойдется, я буду иначе жить». Он сразу заснул, будто провалился в темный погреб.

— Сергей Сергеич! Сергей Сергеич!

Четунов сквозь сон узнал высокий, детский голос помощника бурового мастера Савушкина. Он открыл глаза и удивился обступавшей его ночи. Низко над ним висело усеянное крупными звездами небо. Круглое лицо Савушкина казалось зеленым, как у русалки.

— Сергей Сергеич!..— отчаянно взывал Савушкин.— Да проснитесь же! Прямо с ног сбился, а вы вон куда забрались. Вас к начальнику требуют!

Сбившись с ритма, больно заколотилось сердце, как на морозе защипало кончики пальцев.

— Что за срочность такая? — растягивая слова, чтобы выиграть время, спросил Четунов и медленно поднялся.— У начальника есть кто?

— Там эти... как их... археологи приехали. Я краем уха слышал, будто они в сотне километров от нас надгробья какие-то открыли...

«Вот оно! — подумал Четунов, шагая рядом с Савушкиным. Сердце колотилось так сильно, что он отстранился от Савушкина, боясь, чтобы тот не услышал.— Все ясно — это вторая впадина! Иначе не к чему было начальнику так срочно меня разыскивать. Спокойно, спокойно! — твердил он себе, стараясь овладеть мыслями, которые стремительными скачками неслись вперед, к последней беде.— Видимо, они обследовали вторую впадину и наткнулись там на древнее кладбище. Ну, в конце концов, я мог находиться там, когда их уже не было. Но надгробья! Не мог же я не видеть эти проклятые надгробья! Ах, если бы только знать, как они выглядят!»

Тщетно пытался Четунов вообразить их, он видел совсем иное: налитые кровью, гневные и насмешливые глаза начальника, злорадную усмешку на лицах товарищей и себя, жалкого, растерянного, лепечущего глупые, бессильные слова. Он так громко застонал, что Савушкин сдержал шаг и недоуменно посмотрел на него.

— Зуб, зуб болит...— пробормотал Четунов, берясь за щеку.

— Хотите, я вам иоду достану?

— Да, да... после...

Четунов затравленно оглянулся. В слабом ночном свете бледно светился черепаший панцырь такыра, а вокруг на тысячи километров простиралась пустыня. Но эта бескрайняя ширь была той же темницей: некуда бежать, негде укрыться...

Все, что произошло вслед за тем, Четунов воспринимал, как сквозь сорокаградусный жар. Он все видел, все слышал, отвечал на вопросы и, кажется, впопад, но вместе с тем не знал, что из происходящего принадлежит яви и что — бреду.

Все было близким, осязаемым и в то же время страшно далеким, как паровозные гудки в ночи.

Когда он вошел, его встретили смех и громкие шутливые выкрики. «Вот оно, начинается»,— отметил про себя Четунов, чувствуя, что рот его растягивается в напряженную, неестественную улыбку, от которой больно щекам. Затем его знакомили с какими-то странными людьми. У одного были длинные, страусиные ноги в узких белых брюках, маленькая взъерошенная голова, острая бородка; другой был молод — чуть старше Четунова,— круглолиц и страшно застенчив, он все время беспричинно краснел, потупляя глаза. У старшего оказался густой, рыкающий бас, совершенно оглушивший Четунова. В этом рыке Четунов все время слышал свою фамилию, и прошло время, прежде чем он сообразил, что речь идет не о нем, а об его отце. Затем, дергая себя за пучки мягких седых волос, этот странный человек что-то рычал о надгробьях и снова называл имя его отца, круглое лицо молодого покрывалось румянцем, а начальник смеялся и тяжелой рукой хлопал Четунова по плечу.

И Четунов понял наконец, что открытие этих археологов подтверждает какую-то гипотезу его отца, который любил совать свой нос в чужие владения. Тогда он стал мучительно соображать, в какой мере это может облегчить его положение, и тут начальник заговорил о нем, о его сегодняшней экспедиции и говорил что-то хорошее, доброе, потому что оба археолога казались очень довольными: молодой, улыбаясь Четунову, радостно краснел, а старший прогрохотал: «На то он и Четунов, черт побери!» Стало ясно, что открытие археологов не имеет никакого отношения ко второй впадине, все это произошло в совершенно ином месте и все муки его, Четунова, были напрасны. Ему стало так обидно, что он едва не заплакал, а начальник вновь и вновь похлопывал, затем гладил его по плечу и советовал отдохнуть.

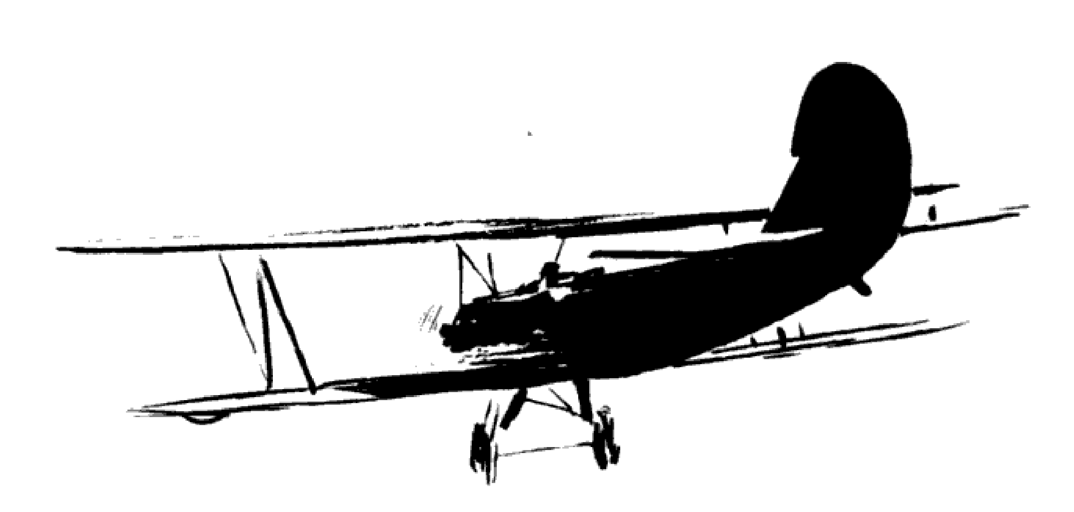
А затем все исчезло, Четунов стоял один посреди пустой ночи, и постуденевший ветер, словно мокрой тряпкой, охлестывал его потное лицо.

«Какой же я дурак! — стиснув пальцы, думал Четунов.— Вообразить, что надгробья могут находиться внутри карстовой воронки! Такая нелепость не придет в голову даже малолетнему школьнику. Нет, надо взять себя в руки, иначе черт знает до чего дойдешь. Завтра я начну новую жизнь...»

И он так ясно представил себе эту новую жизнь, что ему нестерпимо захотелось, чтобы скорей пришел завтрашний день. Он уже видел себя иным: прямым, честным в каждом слове, в каждом душевном движении, решительным, не ведающим ни страха, ни колебаний, этаким отличнейшим человечиной...

Толкнув парусиновую дверцу своей палатки, Четунов вошел внутрь. Горел ночник. Постель Стручкова была пуста, верно, он, по обыкновению, пропадал на буровых, а Морягин спал, уткнувшись лицом в подушку и тяжело сопя. На столике, под стеклянным колпаком, в той страшной духоте, какую он и сам сегодня познал, подыхала ящерица. «Почему я не освободил ее утром? Слабость, нерешительность, вот с мелочей все и начинается!» Четунов посмотрел на рыхлую, смятую подушкой щеку Морягина, шагнул к столику и резким движением скинул банку. Упав на ребро, банка тренькнула, но не разбилась. Морягин чмокнул губами, как будто поцеловал подушку, и продолжал спать. Ящерица оставалась неподвижной. Свет ночника играл на ее глянцевитой, будто отлакированной коже, холодно и бледно отражался в мертвых бусинах глаз.

Четунов шатнулся, как от удара в грудь, упал плашмя на свою кровать и заплакал.

ПАБЛО НЕРУДА

12 июля Пабло Неруде исполняется 50 лет.

Как множество поэтов старого мира, он начал со стихов об одиночестве и отчаянии. Своеобразие его голоса пленило изысканных ценителей поэзии. Но они не разгадали сущности этого своеобразия: поэт не любовался отчаянием, как они, он негодовал против него, хотя, даже объездив полмира, не находил выхода из тюрьмы индивидуализма, из «стен тоски».

Потом он увидел, как фашистские бомбы упали на Мадрид. Он увидел, как испанский народ обрел единство в борьбе и обнаружил высокий героизм. Поэт проклял фашизм и прославил народ. Тогда перед ним возникли «черные глаза угнетенных» — чилийских шахтеров и батраков, умиравших от непосильного труда или от безработицы. Патриот, влюбленный в свою «маленькую родину», понял, что творцы ее истории — простые люди: «Хуан босоногий», «Хуан-каменотес». Им он отдал свое сердце и свой голос.

Он понял также, что его соотечественники не одиноки. У насильно разобщенных стран Латинской Америки общая судьба: иностранный капитал навязал им голод, невежество, рабство. Но и путь у них общий: путь борьбы за хлеб и свободу. Неруда стал поэтом целого континента. И чем больше углублялся он в душу своего народа и родственных ему народов, тем громче звучал его голос над всем миром, потому что все народы земли — братья.

Народ мой победит. Да, друг за другом
все победят народы...

Неруда однажды сказал: «На свете есть только одна партия Человека — коммунистическая партия». Он вступил в эту партию и «пошел вперед шагами самой весны, идущей по вселенной».

В годы войны весь мир обошли две «песни любви Сталинграду». После войны Неруда опубликовал «Всеобщую песнь» — поэтическую энциклопедию, посвященную Латинской Америке. Частично эта книга писалась в подполье и затем в изгнании. Когда президент Чилийской республики Гонсалес Видела изменил народу, Неруда повел против него борьбу как коммунист, как сенатор избранный голосами горняков, и как поэт. Восстав против предателя и его североамериканских хозяев, Неруда сражался не только за независимость Чили и всей Латинской Америки, но за мир во всем мире. За поэму «Да пробудится лесоруб!», входящую во «Всеобщую песнь», Всемирный Совет Мира присудил Неруде Международную премию мира. Ныне Неруда увенчан и международной Сталинской премией «За укрепление мира между народами».

Следующая большая книга Неруды, «Виноград и ветер», также частично создавалась в изгнании и закончена после триумфального возвращения поэта на родину. Посвященная странам Европы и Азии как демократического, так и капиталистического лагерей, эта книга вышла в текущем году. Из нее и взяты печатающиеся ниже стихи, написанные после поездки в Монгольскую Народную Республику.

Далеко в пустыне

1. ЗЕМЛЯ И НЕБО

На высоте Монголии,
пустынной высоте,
я родину свою узнал:
Великий Север, Чили,
сухой, исчерченный покров
земли
с одним пределом — небом.
Я увидал песчаные холмы,
молчащие пространства.
Сосредоточенно я слушал
свирепый ветер Гоби...
Все было так похоже
на те края моей страны
нагорной,
где только медь, и соль, и небо.
Но вот принес с собою ветер
верблюжий запах,
а где-то жгли
ароматичное куренье,
и свет мне пальцем показал
на красное, на шелковое знамя,
и тут я понял, как я далеко
от родины моей.
Монголы больше
не всадники,
кочующие по песку
под ветром.
Они — мои товарищи.
Они мне показали
лаборатории свои.
Как нежно прозвучало
там, на высотах, слово
«металлургия»!
Где колдуны
когда-то пряли
мистическую мудрость, словно
паутину,
над Ургой, черной Ургой[1]
сегодня светит
иное имя —
Улан-Батор — имя
народного вождя.
И все так просто:
студенты из пустыни
склоняются
над микроскопом;
и на песке прохладном,
на высотах
сияют новенькие институты;
уходят в землю шахты;
поют,
сливаясь в хоре ветра,
и музыка, и книги,
а человек
как будто заново родился.

2. ТАМ ЖИВЕТ МОЙ БРАТ

Я был там,
я видел там
не только воздух и песок,
не только
верблюдов и металлы,
но человека.
Живет он далеко,
но он мой брат.
Он словно бы рождается
сегодня
в пустынном одиночестве
планеты,
он отделяется
от окружающей природы,
он проникает в тайну
электричества
и в тайну жизни,
протягивает руку
Востоку
и Западу,
протягивает руку небу и земле,
он раздает
и обеспечивает детям
и хлеб и ласку.

О, земли жесткие,
как складки на луне!
На вас
восходят зерна эры
социализма.
Из камня вырастают
цветы и красота,
завод
словами дыма с небом говорит
и превращает покоренные
металлы
в станки и в радость.

3. ЗЕМЛЯ ДАЛА ПЛОДЫ

Когда
среди бесплодных гор
внезапно возникает
преображенный человек,
когда
из юрты
выходит человек,
чтоб победить природу,
и он принадлежит
не только к племени,
но к человечеству всему
с его огнями,
когда он не кочевник,
от одиночества высот бегущий,
не всадник, тонущий в песках,
а мой товарищ,
неотделимый от судьбы народа,
от человечества всего
неотделимый,
тогда
на шрамах гор
задача решена:
и здесь стал нашим братом
человек.
Здесь жесткая земля дала свой
плод.

Перевел с испанского
О. САВИЧ.

[1] Урга — прежнее название Улан-Батора, столицы Монголии.

Уральские камнерезы

В Кунгурской художественной камнерезной школе хранятся стеклянные барельефы Клемента Готвальда и Юлиуса Фучика. Их прислали из Чехословакии учащиеся ремесленной школы по художественной обработке стекла. В ответ уральцы отправили работы своих лучших учеников: настольную лампу «Каменный цветок» Мустафы Андара и белый гриб со шляпкой из селенита Владимира Полыгалова.

Выпускники художественной школы работают в Кунгуре и окрестных селах, славящихся искусством художественной обработки ангидрита, серпентина, селенита и других мягких уральских камней.

В Кунгуре более двадцати лет существует камнерезная артель. Здесь трудится немало потомственных мастеров. Несколько десятков лет занимается резьбой по камню В. М. Каганцев. Это сложное искусство он перенял у отца. Многим любителям изделий из камня известны имена Андрея Ивановича Орлова и его сына Александра.

В экспериментальном цехе артели существует творческая группа резчиков, создающая новые образцы изделий. Талантливый мастер В. Первушин вырезал из белого ангидрита скульптуру «Агроном». Отлично выполнена работа М. Лисунова «Ночная лампа». Коллектив художников и камнерезов сделал из цветного ангидрита скульптурную группу «Молодой зоопарк».

Эти образцы заслужили первую премию на Молотовском областном конкурсе на лучшие изделия из местного камня и сейчас внедрены в массовое производство. Конкурс привлек большое количество участников. Резчики Кунгурской, Дейковской, Павловской, Опачевской и других артелей прислали 186 моделей из камней-самоцветов: статуэтки, декоративные вазы, пудреницы, пепельницы, ночные лампы. 65 образцов отмечены жюри и приняты к производству.

Растет мастерство уральских камнерезов. Жаль только, что их работы не часто встретишь в продаже.

А. ГРИГОРЬЕВ

Урок лепки в Кунгурской камнерезной школе.
Фото Ю. Добронравова.

Акварель

Перед нами работы замечательных русских живописцев второй половины 19-го века: И. Е. Репина, В. Е. Маковского, Ф. А. Васильева и Л. Ф. Лагорио. Все эти живописцы широко пользовались техникой акварели. Знакомство с их произведениями такого рода открывает новые обаятельные стороны творческого облика художников. Прозрачность акварели — основная особенность этой техники, дающая возможность передать тончайшие оттенки цвета.

Акварель В. Е. Маковского «Остатки прежнего величия» характерна для творчества художника; она проникнута юмором — метким оружием художника, которым он клеймил и высмеивал человеческие пороки. Беспощадным и резким становится юмор художника, когда он изображает представителей дворянства и буржуазии. Жалкой и смешной выглядит старуха-барыня с надменным и злым лицом, в ротонде и чепце, совершающая «выезд» на тощей и ободранной извозчичьей кляче. Давно прошли времена могущества и величия старой аристократии, но она попрежнему важна и спесива. Колоритна фигура извозчика. Старуху сопровождает лакей — мальчуган в старой ливрее и большом цилиндре. В небольшой жанровой сценке созданы яркие запоминающиеся образы.

Блестящий портретист И. Е. Репин, смело использующий в своих работах различные цветовые сочетания, «Портрет неизвестной...» решает в мягких тонах. Тонко уловлено художником выражение своеобразного и характерного лица.

И. Е. Репин. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ В РОЗОВОМ ПЛАТЬЕ.
Акварельный фонд Государственной Третьяковской галереи.

В холодных жемчужных тонах выдержан пейзаж певца моря Л. Ф. Лагорио.

Тончайшими оттенками красок сверкает и будто переливается акварель Ф. Васильева «Развалины мельницы». Тишина и покой, свежесть раннего летнего утра, роса, блики солнца на тихой воде, на свежей зелени травы, прозрачный воздух — все живет и трепещет в этом маленьком, овеянном мягкой лирикой пейзаже. Художник любовно показывает поэтичный уголок русской природы с любителем-рыболовом, сосредоточенно замершим в ожидании. Пейзажист-лирик Федор Васильев хорошо использовал особенности акварели; она позволяла ему передать едва уловимые оттенки состояния природы.

А. АБРАМОВА

Ф. А. Васильев. РАЗВАЛИНЫ МЕЛЬНИЦЫ.
Акварельный фонд Государственной Третьяковской галереи.

В. Е. Маковский. ОСТАТКИ ПРЕЖНЕГО ВЕЛИЧИЯ. Акварельный фонд Государственной Третьяковской галереи.

Л. Ф. Лагорио. МОРСКОЙ ВИД. Акварельный фонд Государственной Третьяковской галереи.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПЕКИНА

Пожалуй, не найдется в Китае человека, который не любил бы театр. Этому виду искусства издавна суждено было стать здесь самым массовым. В спектаклях бродячих актеров, выступавших на сельских праздниках или на базарных площадях, пение сочеталось с острой шуткой, танец с акробатикой, воссоздавались образы любимых героев народа, оживали старинные легенды и исторические былины, обогащенные критическим восприятием окружающей действительности.

Любовь народа к театру вы наблюдаете в Пекине в самых различных проявлениях. Шестилетний мальчуган в стеганых ватных штанишках, взяв в руки по палке, картинно поворачивает стриженую голову со смешным пучком волос на затылке и производит своими «мечами» замысловатые движения. Собравшиеся в переулке сверстники выражают шумное одобрение: эти воинственные позы из классической китайской оперы их друг выполняет совсем как настоящий актер! В маленькой мастерской, где чинят велосипеды, и на большой строительной площадке непременно найдутся люди, которые используют короткий час послеобеденного отдыха, чтобы пропеть любимую арию из оперы в сопровождении певучей хуцинь — китайской скрипки.

В южной части города — за воротами Цяньмынь — около ярко раскрашенных реклам театров всегда кипит пестрая толпа. Тут и крестьяне, распродавшие на рынке свои фрукты, и рабочие, и пионеры, и старики в черных шелковых шапочках, какие носили еще в прошлом веке. Всех одинаково волнуют подвиги национального героя Юэ Фэя, хитроумного полководца Чжугэ Ляна, проделки веселого монаха Ло Чжи-шэня. А ко Дворцу молодежи, где обычно идут новые драмы на современные темы, люди приходят за несколько часов до открытия кассы, захватив с собой маленькие скамеечки. Перед переполненными залами выступают в рабочих клубах коллективы художественной самодеятельности.

Опера «Байшэчжуань» («Белая змейка»). Сцена в лодке. Слева направо: лодочник, Зеленая змейка, Бай Су-чжен (Белая змейка) и Сюй Сянь.

Какие же спектакли идут на сценах китайской столицы?

...Неземное существо — Белая змейка приняла облик девушки и, взяв себе имя Бай Су-чжен, спустилась с гор к людям. Случайная встреча с Сюй Сянем рождает в ее душе новое, неведомое прежде чувство. Но против любви молодых супругов выступает буддийский монах Фа Хай. По его наущению слабохарактерный Сюй Сянь заставляет жену выпить чашку особым способом приготовленного вина, которое должно на несколько минут вернуть Бай Су-чжен ее прежний облик. Чары достигают цели. С ужасом увидев перед собой змею, Сюй Сянь замертво падает на землю. Тысячи опасностей преодолевает Бай Су-чжен, чтобы найти в далеких горах Куэньлунь побеги линчжи — травы бессмертия. Сюй Сянь снова жив. Но, поддавшись уговорам Фа Хая, он попадает в монастырь Цзиншаньсы. Бай Су-чжен заключена в подземелье, и только через несколько лет верная ее подруга Зеленая змейка освобождает девушку.

Эта старинная народная легенда легла в основу одной из популярнейших в Китае классических опер — «Байшэчжуань» («Белая змейка»). В образе Бай Су-чжен народ выразил свое стремление к раскрепощению человеческих чувств, к свободе выбора в любви. Великий писатель Китая Лу Синь говорил, что падение башни Лейфынта в опере — это символ падения феодальных устоев.

Свою последнюю постановку — «Байшэчжуань» — с успехом показывает гостящий в Пекине Тяньцзинский театр Шаосинской оперы. Этот вид китайского классического театра имеет ряд особенностей. Одна из них состоит в том, что в отличие от Пекинской оперы, где играют одни мужчины, здесь все роли исполняются женщинами. Нельзя не восхищаться многогранностью таланта и мастерством исполнителей. Актер китайской классической оперы должен быть певцом и декламатором, владеть к тому же многими видами искусства, которое у нас принято считать цирковым. Вступая в бой со злыми духами, охраняющими траву линчжи, хрупкая Бай Су-чжен, каждое движение которой исполнено женственности и грации, перевоплощается в фехтовальщика-виртуоза. Ее два меча сверкают, словно молнии.

Как обычно в китайском театре, большую роль играет в спектакле пантомима, в которой жесты актеров заставляют зрителя своей фантазией восполнять несложный реквизит. Действие первой картины происходит в лодке, плывущей по озеру Сиху. Здесь впервые увидели друг друга Бай Су-чжен и Сюй Сянь. Старик-перевозчик с трудом выгребает веслом... Все это действительно видишь, хотя на сцене стоят лишь актеры, которые, покачиваясь и чуть заметно приседая, создают иллюзию движения по волнам. Средствами пантомимы — красивым и выразительным танцем девушек в голубых шелковых одеждах — решает театр и эпизод затопления волнами озера Сиху монастыря, где заточен Сюй Сянь.

Еще более, чем «Белая змейка», известен в Китае сюжет оперы «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай». Эту оперу ставят в Пекине несколько театров, отрывки из нее часто исполняются в концертах. Дочь богатых родителей Чжу Ин-тай, переодевшись мужчиной, отправилась из родного города к известному учителю. Три года провела она там за книгами вместе с юношей по имени Лян Шань-бо, с которым познакомилась еще по дороге. И вот Чжу Ин-тай поняла, что ее связывает с Лян Шань-бо не только дружба.

Возвращаясь в родной дом, она несколько раз пыталась дать понять провожавшему ее другу, что любит его. Простодушный Лян

Сцена из спектакля «Фронтовой шофер» Хуан Ди. Бойцы следят за машиной своего товарища, который взялся отвлечь на себя американские самолеты.

Сцена из музыкальной драмы «Ван Гуй и Ли Сян-сян».

Шань-бо догадался об этом слишком поздно. Родители девушки решили выдать ее за богатого и знатного господина Ма. Потрясенный горем, юноша умер накануне свадьбы. Безутешна была и Чжу Ин-тай. Проезжая мимо места, где был похоронен Лян Шань-бо, она приказала остановить паланкин и в слезах припала к его могиле. И тут совершилось чудо: каменные плиты на мгновение раздвинулись, и Чжу Ин-тай скрылась под ними. Возлюбленные, говорит предание, превратились в бабочек. Их ярким, жизнерадостным танцем-полетом среди цветов заканчивается спектакль.

Образ женщины, борющейся за свое счастье, очень популярен в произведениях китайского искусства. Новая мораль, требующая относиться к женщине как к равноправному члену общества, пробивает себе дорогу в борьбе с пережитками феодальных взглядов.

Классическая старинная опера — пока еще самый распространенный вид сценического искусства в Китае — имеет богатые традиции. До мелочей разработанная техника движений связана с определенными костюмами, мимика — с символическим гримом. Реформа классической оперы должна была начаться и началась с кропотливого отбора лучших произведений прошлого, свободных от влияния феодальной идеологии. И мы видим, что половина идущих сейчас в Пекине классических опер поставлена по историческим романам — «Саньго» («Троецарствие»), «Шуй хучжуань» («Речная заводь»). В основу других спектаклей положены народные легенды. Сюжеты этих опер благодаря бродячим рассказчикам-«шошуды» широко известны — их знают даже неграмотные. Именно в таких произведениях, прошедших испытание временем, классическая опера, как одна из форм национального искусства, приобретает новую жизнь сегодня.

Но оперный театр не мог не откликнуться и на вопросы современной действительности. «Синьгэцзюй» — «Новая опера» — так называют в Китае родившийся в последние годы жанр, примером которого может служить широко известная музыкальная драма «Седая девушка».

Спектаклем такого же жанра является и недавно возобновленная в Пекине постановка музыкальной драмы «Ван Гуй и Ли Сян-сян». Сюжет одноименной поэмы писателя Ли Цзи, положенный в основу либретто, имеет много сходного с «Седой девушкой». Это взятый из недавней действительности волнующий рассказ о судьбах крестьянского парня Ван Гуя и его подруги Ли Сян-сян, на счастье которых покушается помещик Цуй Эр-е. Много раз полновластный хозяин деревни безуспешно пытается сломить сопротивление Ли Сян-сян. Он вымещает свою злобу на Ван Гуе. Юношу обвиняют в связях с коммунистами и арестовывают. Но Ли Сян-сян разыскивает в горах партизанский отряд. Жених ее спасен и становится партизаном. Когда Восьмая армия переходит в наступление против врага, Ван Гуй вместе со своими боевыми друзьями освобождает родную деревню.

Новые музыкальные драмы отличает и актуальность сюжета и новаторство в области музыки. В китайской классической опере музыке отводится скромное место — лишь ритмическое сопровождение игры и пения актеров. Недаром в название оперы ставится имя либреттиста, а не композитора. В спектаклях же «Ван Гуй и Ли Сян-сян» и «Седая девушка» музыка стала одним из главных художественных средств раскрытия образов.

Создание новой музыкальной драмы — большое достижение работников искусства Китая.

Драматических театров в Пекине пока еще мало — три сравнительно молодых коллектива не могут полностью удовлетворить запросы самых различных кругов населения столицы. Среди недавних постановок драматических театров выделяется историческая трагедия Го Мо-жо «Цюй Юань». Спектакль этот посвящен великому поэту-патриоту, 2 230-летие со дня смерти которого недавно отмечала мировая общественность.

Среди произведений китайской драматургии на темы современности видное место занимают пьесы Лао Шэ — одного из ведущих писателей старшего поколения. Драмы Лао Шэ «Фан Чжэнчжу», «Лунсюйгоу» не только с успехом шли на сцене, но и положены в основу одноименных кинофильмов.

В пьесе «Лунсюйгоу» драматург воспроизвел на сцене картины прошлого и настоящего одной из трущоб старого Пекина, ныне неузнаваемо преобразованной. Лунсюйгоу (канал «Ус дракона»), куда стекали нечистоты городских окраин, десятилетиями оставался рассадником заразы. Здесь плодились мириады мух и комаров, зловонная вода канала во время дождей заливала лепившиеся вокруг ветхие домишки. Того, кто поселялся здесь, считали в городе человеком конченным. Район Лунсюйгоу был «дном» Пекина. Но грязь и беспросветность, давившая на обитателей трущобы, не лишила их души высоких человеческих чувств. Эта мысль, пронизывающая пьесу, несомненно, перекликается с горьковской «На дне». Персонажи драмы Лао Шэ — старый каменщик Чжао Ма-тоу, опустившийся актер Фынцзы, готовый продать свой последний заплатанный халат, чтобы купить бедной девочке склянку с золотыми рыбками, рикша Дин Сы и его жена Сы Сао, ожесточившиеся в постоянной борьбе с голодом, — все они приходят к пониманию существа новой власти на собственном опыте. Когда на берегах Лунсюйгоу появляются первые геодезисты, жители еще не верят, что канал действительно будут осушать. Сколько раз в прошлом чиновники собирали на это деньги, и никогда ничего не делалось, а теперь и денег не берут!.. Но все глубже захватывает жителей трущобы водоворот событий. И вот мы уже видим Дин Сы среди лучших землекопов на осушке Лунсюйгоу, Фынцзы бегает с планами прокладки водопровода, а юная Эр Чунь, несмотря на протесты матери, уходит работать на завод. Вместе с грязью Лунсюйгоу исчезает и гнездившееся здесь людское горе.

Лао Шэ как писателя отличает глубокое знание жизни трудовых слоев общества. Язык пьесы богат и разнообразен. Меткий народный юмор Чжао Ма-тоу, книжные обороты речи Фынцзы, особые, присущие рикшам интонации и жаргонные словечки Дин Сы — все глубоко правдиво. Прототипами героев «Лунсюйгоу» послужили живые люди, и в непосредственном общении с ними искали актеры верные краски для создания образов.

Страницы славной эпопеи — строительства железной дороги Чунцин — Чэнду — раскрывает перед зрителями пьеса «Сорокалетние чаяния», написанная группой авторов. Рабочие одного из заводов Юго-Западного Китая своим самоотверженным трудом обеспечивают прокат рельсов для новой стальной артерии. Пьеса прославляет свободный труд, зовет к стойкости в преодолении трудностей, к бдительности. Но китайская критика отмечала: в художественном отношении пьеса «Сорокалетние чаяния» еще не свободна от недостатков; ей недостает динамичности, положительные персонажи обрисованы схематично.

В художественном театре китайской молодежи поставлена драма молодого писателя Хуан Ди «Фронтовой шофер». Автор ее около года провел в транспортном батальоне китайских добровольцев в Корее, наблюдая повседневную жизнь фронтовых шоферов, их героические подвиги. Основу сюжета спектакля составляет действительный боевой эпизод. Автоколонна, получившая задание к рассвету доставить войскам снаряды, останавливается у взорванного моста. Подготовка к переправе требует нескольких часов. Как защитить скопившиеся на шоссе машины от ударов с воздуха? Один из шоферов добровольно вызывается отвлечь на себя внимание американских стервятников. С большой теплотой рисует драматург портреты добровольцев.

Все большее место в репертуаре столичных театров занимают произведения зарубежных авторов. Театр молодежи поставил спектакль «Прага остается моей» — инсценировку по книге Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее» — и работает над постановкой «Дяди Вани» А. П. Чехова.

Работники китайского театра глубоко восприняли мудрые советы коммунистической партии: не отказываясь от исторического наследия, бережно относиться к использованию лучших национальных традиций и в то же время искать новые формы, новые художественные средства для отражения в искусстве современной действительности. Таков единственно правильный путь, и по этому пути идет театр свободного Китая.

В. ОВЧИННИКОВ

Пекин.

Сцена из последнего акта спектакля «Лунсюйгоу» Лао Шэ.

Сила таланта

Кто из зрителей, видевших кинофильм «Адмирал Ушаков», не запомнил яркую, колоритную фигуру князя Потемкина? Образ этот, созданный одним из замечательных мастеров Художественного театра, Б. Н. Ливановым, покорял сложностью и правдивостью характера, многообразием выразительных красок. Свободно и смело Ливанов рисовал портрет крупного государственного деятеля, в котором уживались дерзкий ум и самодурство, политическая зоркость и тщеславие, высокомерие и простота.

Народный артист СССР Б. Н. Ливанов.

...Только что перед нами был царедворец, деспотичный и надменный, наводивший ужас на своих сановников, и вот уже он хандрит, жалуется, как избалованный ребенок, на тяготы государственных забот. Только что он в бешенстве кричал и метался, проклиная Ушакова за дерзость и непочтение, и, казалось, никакая сила не остановит карающий меч, занесенный над головой русского флотоводца, а через минуту Потемкин с юношеским восторгом и гордостью встречает весть о знаменитой победе Ушакова под Фидониси.

Ливанов настолько сливался с характером своего героя, игра его в каждый момент была так естественна и правдива, что мы забывали об экране и искусстве артиста и верили, что следим за поступками и мыслями фельдмаршала Потемкина. Естественность, глубина перевоплощения не случайны для этого актера.

Творческая жизнь и артистическая судьба Бориса Николаевича Ливанова неотделимы от Московского Художественного театра. И когда думаешь о различных образах, созданных им, в памяти всегда возникают не просто яркие, с темпераментом сыгранные роли Шванди в «Любови Яровой», Соленого в «Трех сестрах», Ноздрева в «Мертвых душах» или Рыбакова в «Кремлевских курантах». Вспоминаешь трагедию чеховских сестер Прозоровых, для которых штабс-капитан Соленый стал олицетворением пошлой и бессмысленно-жестокой действительности, думаешь о прекрасной русской женщине Любови Яровой, рядом с которой сражался верный сын революции матрос Швандя. Уж таково искусство МХАТа и его лучших мастеров, что в памяти остаются не роли и удачи того или иного актера, а люди, которые силою искусства живут рядом с нами.

Темперамент, соединенный с острой внешней характерностью, стремление рисовать образ крупными и яркими мазками отличают портреты всех театральных героев Ливанова. Каждая его работа — это новое сценическое решение, всегда смелое и неожиданное. В самой жизни черпает актер свои наблюдения, обогащающие материал роли.

В 1931 году Ливанову была поручена роль молодого аспиранта-казаха Кимбаева в пьесе «Страх» А. Афиногенова. В решении роли было легко пойти наиболее простым путем: увлечься внешней характерностью, национальной спецификой. Но ремесленничество было чуждо Ливанову. Актер стал искать прототип Кимбаева в жизни. И когда ему удалось близко познакомиться с одним аспирантом-казахом, он по-новому увидел своего героя. И Ливанов сумел показать не только внешние черты молодого человека из далекой среднеазиатской республики, приехавшего учиться в Москву; он раскрыл характер юноши, у которого осуществляется самая заветная его мечта — стать ученым. Все это пришло к актеру от вдумчивого, сосредоточенного познания жизни. Исполнение роли Кимбаева заслужило одобрение А. М. Горького. Алексей Максимович, отметив правдивость и обаяние созданного Ливановым образа, долго беседовал с актером о советской драматургии, о многих людях, которым в нашей стране открылись просторы науки.

Стремление идти наиболее трудным и интересным путем в искусстве помогло Ливанову и в работе над ролью Шванди в «Любови Яровой» К. Тренева (1936 г.). Образ Шванди, ярко воплощенный С. Кузнецовым в спектакле Малого театра 1926 года, Ливанов сумел обогатить свежими штрихами. Актер показал в Шванде — простом русском парне, безраздельно преданном идеям революции, — качества сознательного борца. И снова помогли актеру встречи с участниками гражданской войны. Для Ливанова К. Тренев дописал в пьесе еще одну сцену: Швандя перед расстрелом раскрывает конвоиру правду революции, и это пламенное слово спасает жизнь матроса.

«Любовь Яровая» К. Тренева. Швандя — Б. Н. Ливанов.

Широта интересов в искусстве заставляет Ливанова пробовать силы в са́мых различных ролях. Только обладая знаниями в разных областях истории и литературы, Ливанов мог создать на протяжении короткого отрезка времени такие несходные исторические характеры, как вельможа, государственный муж Потемкин, и гениальный ученый, сын крестьянина Ломоносов. На пути актера были и неудачи: исполнение роли Кудряша в «Грозе» Островского, где излишний темперамент увел актера от постижения глубокого смысла образа, слабое решение отдельных сцен в роли генерала Огнева («Фронт» А. Корнейчука), которые актер играл с ненужным надрывом. Но ведущим и главным в творчестве Ливанова всегда были поиски многогранного характера, завершенной сценической формы. С огромной силой обобщения прозвучал образ наглеца и враля Ноздрева из «Мертвых душ». Много интересного было в трактовке чеховского Астрова («Дядя Ваня»), где широта натуры и сила страстей Астрова торжествовали подчас над его мечтой поэта.

Смелость трактовки отличает и работы Б. Ливанова в кино. Кроме Потемкина, зрители хорошо помнят его Петра Виноградова («Частная жизнь Петра Виноградова»), Дубровского в экранизации повести Пушкина, большевика Михаила Бочарова в фильме «Депутат Балтики». Лучшие создания Ливанова в театре и кино широко известны. Но мало кто знает о его даровании художника — живописца и графика. Когда-то замечательный артист МХАТа М. М. Тарханов написал о Ливанове, что в нем рядом с актером уживается наблюдательный живописец, наделенный острым чувством колорита. Не отсюда ли умение артиста найти точный внешний рисунок роли, выразительный облик сценического героя?

Борису Николаевичу Ливанову исполнилось 50 лет. Он мечтает о новых работах, о сильных, богатых мыслями и чувствами характерах советских людей, наших современников, строящих коммунизм. Он с надеждой думает о завершении работы над ролью Гамлета, о шекспировском короле Лире. И мы верим, что мечты актера воплотятся в новые яркие образы.

З. БОГУСЛАВСКАЯ

Кадр из кинофильма «Адмирал Ушаков». Справа — Потемкин (Б. Н. Ливанов).

Звездный класс

В. ВИКТОРОВ

Московская водная станция Военно-Морских Сил находится у плотины Химкинского водохранилища. Но в дни ранней весны 1953 года Тимир Пинегин, невысокий, плечистый, смуглолицый яхтсмен, всеми мыслями был не на море Московском, а на море Балтийском. Там на спортивной верфи стояла яхта «Звездного класса», предназначенная ему — одному из лучших рулевых страны.

...Тимиру Пинегину было тринадцать лет, когда приятель его отца, Георгий Афанасьевич Гордиенко, член Центрального водомоторного клуба имени Баранова, взял его с собой в Зеленую гавань и мальчик еще издали за стройными стволами сосен увидел мачты парусных судов. И покачивались они под ветром так же, как сосны.

Все лето новоявленный поклонник парусного спорта проплавал на «Моряне», к весне окончил курсы при клубе, изучил все восемь дисциплин, необходимых для того, чтобы стать рулевым второго класса, но к экзаменам его не допустили: ведь Тимиру Пинегину было всего четырнадцать лет!

Это был тяжелый удар, но Тимир мужественно перенес его. Ему не дают яхты, настоящей большой яхты. Ну что же, он согласен и на «Ш-10»!

Началась Великая Отечественная война. Один за другим уходили на фронт его старшие товарищи, а Тимир продолжал плавать на своем маленьком шверботе по опустевшей пятнадцатикилометровой ленте Клязьминского водохранилища. И даже когда на соревнованиях закрытия спортивного сезона его поставили рулевым на яхту «Р-20» «Варяг», он не испытал удовлетворения. Пинегин понимал, что теперь просто не хватает опытных яхтсменов. И хотя в этой гонке «Варяг» занял первое место, это не утешило Тимира.

Молодой чертежник одного из московских заводов выигрывал на «Варяге» почти все соревнования, но и теперь юношу не покидало чувство, что его успех не заслужен: были бы дома фронтовики, не видать ему первого места.

И в самом деле, после окончания войны пора побед миновала. Вот почему, когда команда яхтсменов СССР стала готовиться к XV олимпийским играм, осваивая новые для них международные классы яхт, Тимир Пинегин был поставлен запасным на судно «Звездного класса» и в Хельсинки оказался только зрителем; у руля «Звездника» сидел чемпион страны, ровесник Тимира, Александр Чумаков. Но Пинегин все равно не чувствовал себя зрителем. Пользуясь предоставленным в его распоряжение катером, он неотступно следовал во всех семи гонках за теми, кто боролся за первое место — яхтами итальянца Страулино и американца Прайса.

В Хельсинки Тимир Пинегин еще раз убедился в том, что не каждому дано быть рулевым. Августино Страулино, офицер военно-морского итальянского флота, был значительно ниже рангом, чем его матрос, тоже военный моряк. Матросом на американской яхте у Джона Прайса, сто-

Команда «Звездника» «Варяг»: Т. Пинегин (на первом плане) и Ф. Шутков.

На верхнем снимке: налетел шквал, и команда «Варяга» повисла за бортом, откренивая легкий корпус яхты.

Фото В. Тюккеля и А. Гостева.

ляра на верфи, выпускающей яхты «Звездного класса», был хозяин этой верфи. Ни чины, ни деньги не могли сделать фабриканта и офицера рулевыми — им не хватало для этого тех способностей, которыми обладали подчиненные им на суше люди.

Но молодой советский рулевой изучал не только работу сильнейших команд. Не меньше интересовали Пинегина и сами «Звездники». Его взгляд чертежника, умеющий ценить красоту и целесообразность линий и обводов, надолго задерживался на этих небольших быстроходных яхтах, похожих друг на друга, как близнецы.

«Звездники» принадлежали к типу судов-монотипов, строящихся по одному и тому же чертежу, с соблюдением точно обусловленных технических данных, и эти жесткие условия во время соревнований выдвигали на первый план не конструктивные качества той или другой яхты (ведь эти качества для всех одинаковы), а мастерство экипажей.

Внимательно изучал Пинегин вахтенные журналы международной ассоциации яхт «Звездного класса». В каком бы уголке мира «Звездник» ни был построен, он должен быть зарегистрирован в этом журнале; только тогда судно допускается к соревнованиям. А само название «Звездник» возникло потому, что для судов этого класса была избрана как эмблема красная звездочка.

...Теперь Пинегина ждала яхта «Звездного класса» — одна из первых, построенных руками советских судостроителей. И вместе с ним готовился к приему новой яхты матрос Федор Шутков.

Шутков имел большой морской и спортивный стаж. В годы Отечественной войны он сражался на катерах-охотниках и, вернувшись с фронта, ходил с известным рулевым Константином Александровым. Как-то матрос выразил желание плавать вместе с Пинегиным, поровну деля все трудности, успехи и неудачи, и молодой рулевой с радостью согласился. Он хорошо знал, на что способен этот сильный, подтянутый моряк. Тимир видел его работу еще в Хельсинки, когда Федор Шутков, включенный в команду «шестерки» самой крупной гоночной яхты, в штормовую погоду около трех часов провисел наверху мачты, скрепляя своими руками сломавшуюся важную деталь, и дал возможность своей команде закончить гонку...

Пинегин и Шутков вместе с конструктором тщательно осмотрели корпус судна, сделанного из сибирского кедра, и залюбовались легкостью и пропорциональностью обводов, всей гоночной статьей яхты, словно рвущейся к воде.

Теперь дело за вооружением, за оснасткой и центровкой, требующих умелых, любовных рук. Много раз хозяева нового «Звездника» выходили в море, проверяя свою работу, тщательно выхаживая паруса, и наконец после двух недель упорного труда, погрузив яхту на машину, выехали в Ригу; первенство СССР 1953 года должно было состояться в Рижском заливе.

Со всех концов страны съезжались туда лучшие парусники — представители всех гоночных классов, и яхты, привезенные с разных морей и рек, покачивались на плавной балтийской волне.

Тринадцать «Звездников» должны были принять участие в классных гонках на первенство СССР, и все они имели не только красные звездочки на парусах, но и свои названия, изящно выписанные на корме. Яхта Пинегина имени еще не получила, и, когда Шутков предложил окрестить судно так же, как швербот, на котором Пинегин проплавал все годы войны, Тимир ответил:

— Я уже думал об этом, да как-то боязно. Это имя ко многому обязывает, ведь «Варяг» никогда не проигрывал. Удастся ли показать такие же результаты на нашем «Звезднике»?

Так вопрос и остался открытым, но после одного происшествия новая яхта все же получила наконец имя.

Испытав ходовые качества своего безымянного судна на негласных соревнованиях, в которые невольно превратились совместные тренировки «Звездников», Пинегин и Шутков задумали проверить возможности яхты в штормовую погоду.

Этот случай скоро представился. На Ригу надвинулась полоса сильных ветров, и вот, улучив момент затишья, они вывели свою яхту в море.

Когда берег остался далеко за кормой, надвинулись тучи, и Пинегин увидел на воде полосу шквала. Он знал, что стоит ему попытаться отвернуть, уйти от ветра — и не хватит прочности ни рангоута, ни такелажа. Значит, надо встретить грудью бешеные удары шквала. Одно неверное движение руки, сжимающей руль, отход в сторону от курса хотя бы на пять градусов — и авария неизбежна.

Первый шквал пролетел, но Пинегин знал, что это — ложное затишье: ветер при шквале обычно «заходит». Сейчас он кружит вокруг маленького крылатого суденышка, словно выискивая слабое место, на которое можно обрушиться.

Пролетел второй шквал, за ним надвинулся третий, и опять два человека, оглушенные ревом ветра, ослепленные потоками воды, продолжали вести яхту, повисая над водой для того, чтобы уменьшить крен.

Мокрые, измученные, но довольные, сошли на берег Пинегин и Шутков. Их «Звездник» выдержал самые суровые испытания, которые могла ему приготовить Балтика, и когда, готовясь к торжественному дню открытия всесоюзных соревнований, они вытащили на берег яхту для того, чтобы окончательно отшлифовать корпус, на корме было написано ее название — «Варяг»...

С утренним бризом яхты вышли в море к месту старта, но легкий ветер стих, паруса болтались, жарко припекало солнце. Однако эта безмятежная тишина была для яхтсменов не менее грозной, чем налеты свирепого шторма. В малые ветра, при штилевой погоде требуется особенно большая сноровка для того, чтобы во-время поймать порыв ветра, до предела использовать его, выбирая в каждый данный момент самый выгодный курс.

Со стороны, постороннему наблюдателю это ленивое, неторопливое скольжение по зеркальной глади могло показаться беспечной прогулкой. В действительности же на тринадцатимильном (морская миля равна 1 852 метрам) круге дистанции шла напряженнейшая борьба, и рулевые, напрягая все свое внимание, пытались угадать, на какой курс выгоднее лечь, чтобы выиграть лишнее дуновение бриза.

При таких условиях гонки многое решало тончайшее знание «парусной метеорологии». Вот Пинегин, не спускающий своих прищуренных, внимательных глаз с воды, заметил на ее зеркальной поверхности голубые полосы приближающегося ветра и тут же, перейдя на полный курс, первым обогнал поворотный знак...

В середине дистанции Пинегин окончательно вышел в голову гонки, финишировал первый, но это была только одна седьмая победы: для того, чтобы выиграть первенство, надо и в остальных шести гонках показать высокие результаты.

И потекли дни, отданные морю, азартной борьбе. Команда Военно-Морских Сил жила в Риге. Утром, наскоро позавтракав, яхтсмены уезжали на взморье, торопливо переодевались, оснащали свои суда, выходили к старту, а возвращались домой только вечером, уставшие до предела; от бросков с борта на борт ныло тело, ладони были растерты шкотами.

Все семь гонок, которые должны были определить победителя, постепенно сливались для Пинегина в одну, расчлененную как бы на главы. «Варяг» оказался победителем второй, третьей гонок, но главный противник Пинегина — Наумов — прилагал отчаянные усилия для того, чтобы наверстать упущенное.

Особенно запомнилась Пинегину четвертая гонка.

...С судейского судна раздался пушечный выстрел; старт дан, и яхты рванулись на дистанцию. Пинегин сразу же понял всю опасность создавшегося положения. Наумов и Метсаар своими парусами прикрывают ему ветер. Он чувствовал, как его яхта отстает все больше, теряя ход. «Хоть бы ветер изменил направление!» — подумал Пинегин, и, словно вняв его мольбе, ветер стал «заходить» к норду, в то время как волна все еще накатывалась с веста.

«Ветер дует с левого борта, можно переходить на левый галс», — решил Пинегин, но не смог совершить поворота: кроме двух яхт, вперед вышел еще и «Звездник» Федоренко, лишив его возможности маневра. И тут Пинегин вспомнил о технике хождения по резкой встречной волне, которую он наблюдал у итальянского «Звездника» в Хельсинки. Надо идти полнее к ветру, не боясь большого крена, разрезая «скулой» (острым соединением борта и днища) встречную волну.

Первую веху Пинегин обогнул третьим, обойдя Федоренко, но впереди попрежнему белели паруса Наумова и Метсаара, а вплотную за Пинегиным держалась яхта Мирохина. Суда шли на второй знак, ветер дул под тупым углом, и Мирохин, имевший самый «пузатый» парус, очень выгодный на полных курсах, обогнал всех и прошел знак, имея небольшой отрыв от Наумова, вплотную за которым шли Пинегин и Метсаар.

Ветер подул сильнее, быстро приближался третий знак, а Мирохин уже впереди на сто пятьдесят метров. Пинегин видел, что если сразу после поворотного знака он не обойдет Наумова и Метсаара, то Мирохина не догнать. Весь подавшись вперед, молодой рулевой зорко следил за действиями своих противников. Вот, огибая поворотный знак, Наумов оставил между своей яхтой и знаком просвет всего в несколько метров. «Немедленно проскочить в эту щель!» И не успел Наумов опомниться, как потерял выгодную наветренную позицию. Но Мирохин, сделав поворот, уже шел выгодным левым галсом, и мгновенный расчет подсказал Пинегину, что если он так же перейдет на этот галс, то Наумов снова закроет ему ветер.

«Нужно рискнуть, иначе проиграешь», — решил Пинегин, продолжая идти невыгодным правым галсом и постепенно отвоевывая метр за метром у своих двух противников. И только добившись полного преимущества над ними, он дал команду к повороту. Но за то время, которое потребовалось Пинегину, чтобы обогнать Наумова и Метсаара, «Звездник» Мирохина ушел вперед более чем на полкилометра.

Между тем ветер сменил направление, зайдя к осту, и Мирохин оказался в очень выгодных условиях. «Если он сейчас изменит галс, гонка за ним», — сказал себе Пинегин, но то ли его противник решил еще больше нарастить отрыв, то ли не заметил изменения ветра, но он продолжал идти левым, теперь уже невыгодным галсом.

Как всегда с полуслова поняв команду своего рулевого, Федор Шутков быстро управился с парусами, и «Варяг» снова лег на правый галс.

— Тоже поворачивают, — сказал Шутков, кивнув за корму, где виднелись в волнах яхты Наумова и Метсаара.

Через пять минут повернулся и Мирохин, но было уже поздно. Пушечный выстрел возвестил, что «Варяг» закончил гонку. А еще через три дня, когда Пинегин снова первым пересек финишную линию после седьмой гонки, к его яхте подлетел глиссер, и представитель Комитета по физической культуре и спорту вручил ему, победителю, большой букет цветов...

Вы можете и сегодня увидеть «Варяга» на просторах Московского водохранилища, а узнать стремительную яхту Тимира Пинегина можно по красной звездочке, украшающей ее огромный парус.

Позвали!

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки Е. Ведерникова.

Как на грех, в это утро Петру Васильевичу хотелось выпить. Несколько раз он порывался уйти из дома, но мешала отточенная за тридцать лет супружеской жизни бдительность Анны Акимовны: жена не спускала с томившегося мужа своих черных, как у черкешенки, глаз и, как только Петр Васильевич брал кепку, говорила ледяным голосом:

— Ты куда, Петруша?

— За пуговицами для Бородкина. Знаешь, какой он придира?!

— Так ведь он тебе привез пуговицы!

— А у тебя память, однако!.. С такой памятью можно в цирке выступать. Были такие номера — отгадчицы мыслей с почтительного расстояния. Исключительно работали на выдающейся памяти.

— Твои мысли, Петруша, нетрудно разгадать. Вон они, бородкинские пуговицы-то, на столе, в бумажке.

...Если бы не композитор-песенник Бородкин, неожиданно приехавший за своими брюками, так и не удалось бы старику в этот день ускользнуть от Анны Акимовны. Анна Акимовна решила, что придира Бородкин долго провозится с примеркой и она успеет сходить в булочную. А вышло иначе. Придира Бородкин, торопясь на прослушивание новой песни, пробыл у Петра Васильевича не больше десяти минут.

Натянув на свои тощие ножки с кривыми коленками восхитительные кремовые брюки, он подошел к зеркалу, окинул себя, как говорится, ретроспективным взглядом сначала с фасада, потом, изогнув шею до предела, сзади — и остался доволен.

— Как будто звучат брючки, Петр Васильевич, а? — молодцевато сказал композитор.

Петр Васильевич — худой, высокий, длиннорукий — ответил хмуро:

— Получились! Как куколку вас облил!

Бородкин расплатился и исчез. Петр Васильевич запер дверь, положил ключ в условленное место... и был таков! Вернувшись из булочной, Анна Акимовна смогла лишь установить печальный факт своего опоздания. Расстроившись, она стала возиться на кухне, как вдруг раздался стук в дверь.

Вошла незнакомая девушка, молодая, приятной наружности и официальным голосом спросила пенсионера Петра Васильевича Нестерова.

— Мужа нет дома! — сказала Анна Акимовна с некоторым испугом.— А на что он вам?

Девушка улыбнулась.

— Мне он не нужен. Он министру нужен! — Она подала Анне Акимовне красивый плотный конверт. Та вытерла руки о фартук, почтительно и нежно, как только что вылупившегося из яйца цыпленка, взяла конверт и с тем же выражением растерянности и страха на лице вскрыла его.

В конверте оказалась бумага, извещавшая Петра Васильевича Нестерова о том, что министр просит его прибыть сегодня на производственное совещание старых мастеров портняжного дела. Анна Акимовна смутилась, щеки ее покрылись темным яблочным румянцем.

— Мы пришлем машину за Петром Васильевичем! — сказала девушка.— Предупредите его, пожалуйста!

— Нет, нет, машины не надо. Он не любит... на машинах. Так доедет! Я передам, не беспокойтесь...

Петр Васильевич вернулся через три с лишним часа. Как только он открыл дверь, Анна Акимовна сразу поняла, что о визите к министру и думать нечего.

Ввалившись в комнату, старик ее сел на кровать, мутно посмотрел на гневно и скорбно молчавшую Анну Акимовну и произнес, ядовито усмехнувшись:

— Оно и видно, что брючки ваши в ателье пошиты, гражданин, потому что сидят они на вас, извините, как на покойнике.

— Какой я тебе гражданин? — сурово сказала Анна Акимовна.— Ложись спать, если уж выпил!

— Я хоть и выпил сегодня, но дело говорю,— ответил Петр Васильевич,— я про мужские брюки все понимаю, мне семьдесят лет, у меня класс работы — экстра, хоть я и состою на пенсии и в ателье уже не работаю. Но дома я не отказываю своим знакомым заказчикам. И никто мне слова не имеет права сказать, потому что я умру, если перестану, извините, штаны шить. Такая моя философия жизни.

— Спать ложись! — повторила Анна Акимовна. Но Петр Васильевич, продолжая давно, повидимому, еще в ресторане начатый очень важный для себя разговор, говорил и говорил:

— Брюки, если хотите знать, есть главная, решающая сила мужского костюма. Пиджак, конечно, тоже имеет значение, но никакой пиджак не даст вам красоты телосложения, если брючки на вас будут висеть, а не нис-падать или — еще того хуже! — если они будут внизу в разные стороны глядеть, словно муж с женой, когда между ними нескладица получилась!..

...Проснулся Петр Васильевич поздно, встал хмурый, желтый, осунувшийся. Молча напился чаю, от еды отказался, посидел, потомился, взял кепку и ушел, не сказав, куда идет.

Вернулся он к вечеру.

— Ну, дожили мы с тобой, Анна! Докатились до последней черты. Выходит, пора мне закругляться!

— Не понимаю, что ты мелешь такое? Что случилось?!

— То случилось, что вчера производственное совещание старых мастеров случилось. Сам министр созывал! Все были: и Яков Петрович был, и Глущенко, и Дюжиков. А меня... не позвали!

Анна Акимовна затрепетала: сказать, что письмо министра лежит у нее в комоде или не говорить? Уже хотела сказать, но тут Петр Васильевич так бацнул тяжелым кулаком по столу, что в шкафчике жалобно задребезжала посуда, и уронил седую голову на руки.

«Не скажу! — подумала Анна Акимовна.— Он такой никогда не был. Скажет: должна была по такому случаю разыскать меня хоть под землей».

И она сказала с хитрецой:

— Подумаешь, есть от чего расстраиваться! Не позвали — и не позвали! И ты без них обойдешься, и они — без тебя.

Петр Васильевич поднял голову и ответил, презрительно скривив губы:

— Божья коровка ты по такому своему рассуждению! Яков Петрович, Глущенко, Дюжиков возвращаются на работу. А Нестеров Петр Васильев, первый брючник столицы, сиди, значит, в дыре?!

— Сам же говорил: «Не пойду в ателье, пока там финтифлюшкины ходят в директорах!»

— Финтифлюшкиных, этих придатков к жалобной книге, по боку! Открываются образцовые ателье-люкс, класс работы — экстра, как у меня, скажем, или у Якова Петровича. Министр что сказал? «Вы, старые мастера, умеете работать. Дома, небось, своих клиентов одеваете, как надо, не халтурите, заграничным за вами не угнаться. А нужно, говорит, не только своих клиентов хорошо одеть, а самые широкие массы. Чтобы, говорит, все трудящиеся, как куколки, были облиты. Идите, говорит, работать в ателье, наводите там порядок, учите молодых, жалованье вам положим хорошее... А меня... не позвали! Понятно тебе?

— Ты дома побольше ихнего жалованья себе выколотишь! Ты мастер. Тебя и так все уважают.

— Уважают! Много ты понимаешь! Мастер, он, как дуб! Стоит на лужайке, а вокруг его молодые дубки красуются. А я что? Сухостойное дерево! Умру и учеников после себя не оставлю. Понятно тебе?

Петр Васильевич снова уронил голову на руки, заскрипел зубами. Анне Акимовне стало жалко его.

— Ты не расстраивайся, Петруша! Выпей стаканчик,— у меня припрятана четвертинка, да и ложись спать. Утро вечера мудренее!

Петр Васильевич уставился на жену с великим изумлением: «Видать, худо мне, коли уж родная жена сама водку дает!» — и заплакал!..

...Утром он не встал. Лежал тихий, печальный, смотрел на чисто побеленный потолок и молчал. Несколько раз Анна Акимовна порывалась рассказать ему все, но не решалась.

Пришел постоянный клиент — кандидат технических наук Пахомов, принес отрез на курортные брюки, но Петр Васильевич сказал ему слабым голосом:

— Не шью-с больше, Иван Степанович, извините. Докатился до последней черты. Закругляюсь. Все-с!..

В два часа дня в дверь постучали. В комнату, где попрежнему лежал Петр Васильевич, вошла девушка из министерства.

— Здравствуйте! — сказала она Анне Акимовне, как старой знакомой.— У вас на кухне не заперто было... Петр Васильевич дома?

Анна Акимовна стала моргать ей, делать руками знаки. Девушка остановилась в полной растерянности.

Не поднимая головы с подушки, Петр Васильевич произнес:

— Если насчет дамских брючек, то больше не шью, извините. Закругляюсь. Все-с!..

— Я не с заказом, Петр Васильевич,— сказала девушка улыбаясь.— Вы не были у нас на совещании. Может быть, вы сейчас могли бы приехать в министерство? Я на машине...

Будто невидимая пружина сбросила Петра Васильевича с кровати. Он вскочил в одних исподних, потом спохватился, сорвал с кровати одеяло, закутался.

— Пожалуйста! С превеликой радостью. Попрошу вас на кухоньку пройти, я мигом соберусь.

Когда гостья вышла, он сказал Анне Акимовне шепотом:

— Вспомнили все ж таки про Нестерова! Ну, что стоишь, глазами моргаешь? Давай скорей мой парадный костюм! Живо!

Глаза у него сияли, как у молодого, рот сам растягивался в улыбку, седые волосы на макушке топорщились задорным «петухом».

Анна Акимовна опрометью кинулась к платяному шкафу.

Победа советских шахматистов

На советских шахматистов большой спрос за границей. Немалую часть земного шара повидали за последние годы наши гроссмейстеры. Путь в США лежал через Хельсинки; здесь в 1952 г. наши гроссмейстеры получили золотые медали командного чемпиона мира. На следующей остановке самолета — в Стокгольме — приятнейшие воспоминания у Бронштейна и особенно у А. Котова. Перелет через Великобританию связан с воспоминаниями о нашей победе в Англии в 1947 году. Вот и океан. Только Смыслов и Бондаревский впервые совершают прыжок через него. Остальные гроссмейстеры весной летели над океаном в Буэнос-Айрес.

Наших шахматистов не удивило бы, если б американцы, которые готовились к предстоящему матчу самым серьезным образом, разработали какие-нибудь теоретические новинки. Однако к началу матча единственная «новинка» была применена со стороны реакционной печати. Она пыталась опорочить наших гроссмейстеров и их Родину. Смысл этого грубого варианта заключался в том, чтобы таким путем вывести из равновесия наших шахматистов и помочь американской команде. Но у советских гроссмейстеров крепкие нервы. На грубые выпады печати они ответили сильным ударом — 6 : 2. Исход матча был практически решен. Не удивительно, что после разгрома в первом туре американцы приложили все усилия, чтобы избежать катастрофы.

К сожалению, некоторые наши гроссмейстеры начали недооценивать своих противников — недопустимая ошибка в шахматной борьбе. В результате этого мы потерпели отдельные поражения на двух досках. М. Тайманов настолько легко выиграл первую партию у Эванса, что, вероятно, считал, будто Эванса можно брать «голыми руками». Два поражения М. Тайманова являются большой неожиданностью. Сильно не повезло и Ю. Авербаху, который в хорошей позиции в третьей партии просрочил время и, стремясь во что бы то ни стало отыграться, потерпел новое поражение и в четвертой партии с Д. Бирном.

Во встрече между «вице-чемпионом мира» В. Смысловым и сильнейшим американским гроссмейстером С. Решевским дело до «рукопашной» не дошло. Только в третьей партии В. Смыслов нажал, но Решевский, как обычно, ловко выкрутился. Остальные три партии протекали спокойно.

В США любят всякие рекорды, и Бронштейну удалось добиться рекордного результата — 4 : 0. В первом туре его противник А. Денкер был болен, и поэтому он доверил А. Дейку проиграть Бронштейну. В остальных трех партиях уже лично Денкер поздравлял Бронштейна с победами. Денкер в 1945 г. проиграл обе партии Ботвиннику, а в 1946 г. он наградил Смыслова двумя очками.

Американцы из каких-то тактических соображений поставили на вторую и третью доски не сильнейших своих шахматистов — их они перебросили на последние доски. П. Керес дважды легко справился с М. Павейем (одну партию П. Керес выиграл у запасного А. Кевица), но в четвертой партии Керес прозевал целое очко.

Американский шахматный журнал «Чесс ревью» не всегда объективно пишет о наших шахматистах. За это был наказан редактор журнала И. Горовиц: Геллер его победил со счетом 3 : 1.

Гроссмейстер Ю. Авербах, с которым мы беседовали по телефону, рассказал, что в дни матча в Нью-Йорке была сильная жара, сильнее, чем во время матча в Буэнос-Айресе. Надо отдать должное большой выдержке наших шахматистов. Так, например, А. Котов в большую жару в течение двух дней героически защищал плохую позицию в партии с Р. Бирном и выиграл у этого опасного и сильного противника матч со счетом 2,5 : 1,5. Самый молодой гроссмейстер мира, Т. Петросян, после двух ничьих отметил свое 25-летие в Нью-Йорке. Используя весь свой богатый опыт первой четверти века, он в последних двух партиях разбил чемпиона США А. Бисгайера и выиграл со счетом 3 : 1.

В итоге напряженной борьбы сборная команда СССР добилась новой и убедительной победы над шахматистами США с хорошим счетом 20 : 12.

Выпады в реакционной печати против советских гроссмейстеров не могли помешать дружеским отношениям между шахматистами СССР и США. Зрители вели себя объективно, советские шахматисты были приняты хорошо, и их победы встречались аплодисментами.

Большие надежды были у американцев на этот матч. Горечь прежних крупных поражений от советских шахматистов могла изгладить только победа. Но мечты не сбылись.

Лондон, Париж, Буэнос-Айрес, Нью-Йорк — весь мир лишний раз убедился, что сборная шахматная команда Советского Союза — сильная шахматная крепость.

Сало ФЛОР

В. Смыслов (справа) и С. Решевский приветствуют друг друга перед началом игры.

Эпиграммы

БАСНОПИСЕЦ, КАКИХ МНОГО

В тенета строк зверей ловя,
Он баснями своими
Кормить не думал соловья,—
Он сам кормился ими!

БЕСКОНФЛИКТНОСТЬ НАИЗНАНКУ

Из всех путей он выбрал тот,
Где роза без шипов растет.
Он избегал конфликтной прозы...
Когда ж в тупик завел сей путь,
Он, поспешив с него свернуть,
Стал рисовать... шипы без розы!

Эмиль КРОТКИЙ

Индийские народные сказки

Вор

Встретились на дороге два друга. Один и говорит:

— Завелся в моем доме ловкий вор. Никак не могу его поймать. Как мне быть, посоветуй!

— А ты нарежь палок одинаковой длины,— сказал друг,— и раздай всем в доме. При этом скажи, что эти палки не простые, а заколдованные: кто вор, у того палка за ночь длиннее на три пальца вырастет. Вор испугается и обрежет свою палку. Тут ты его и поймаешь!

Так оно и вышло.

Все знают, что палка не дерево, а потому и не растет, да вор с перепугу забыл об этом и отрезал конец от своей палки.

Утром сравнили все палки и узнали, кто вор.

Глупый благочестивец

В народе говорится:

«У четырех вещей нельзя и малую долю назвать незначительной. Это огонь, болезнь, враг и глупость».

Один благочестивец купил на базаре жирного козленка.

«Принесу его в жертву, умилостивлю богов, и мне тогда простятся все грехи»,— размышлял благочестивец, идя по дороге домой и ведя за собой козленка.

Три вора увидели благочестивца с козленком и решили его обмануть.

Один из них подошел к нему и говорит:

— Ах, благочестивец! Что это у тебя за собака?

Благочестивец ничего не ответил и пошел дальше.

Тогда второй вор подошел к нему и говорит:

— Ах, благочестивец! Я полагаю, ты хочешь охотиться с этой собакой?

Благочестивец опять промолчал, но пошел быстрее.

Наконец, третий догнал его и, проходя мимо, сказал:

— Этот человек в одежде благочестивца не благочестивец. Настоящий благочестивец не станет водить собак!

«Может быть, продавец заколдовал мои глаза?» — подумал благочестивец.

И он бросил на дороге жирного козленка.

Раджа и разбойник

Очень давно жил-был один великий раджа. Он имел большое войско и завоевал много соседних стран. Слава раджи докатилась до самых отдаленных государств. Правители этих государств дрожали при одном упоминании имени раджи и, чтобы задобрить его, все время слали ему подарки. Но вот в стране, где правил раджа, появился знаменитый разбойник. Днем и ночью он занимался грабежами, отчего народ терпел великие бедствия. Не раз посылал раджа своих воинов для поимки разбойника, но тот был неуловим. Он появлялся то там, то здесь, и никак не удавалось застать его врасплох.

Но вот однажды разбойник пришел в родную деревню, чтобы повидаться со своей сестрой. Узнав об этом, жители деревни дали знать радже. Сейчас же явились воины и окружили деревню. Разбойник был схвачен, связан и доставлен во дворец великого раджи.

Достоин внимания разговор, который произошел затем между раджой и разбойником.

— Как тебя зовут? — спросил раджа.

— Меня зовут Рам Дин,— подбоченясь, ответил ему разбойник.

— Чем ты занимаешься?

— Тем же, чем занимаетесь и вы!

— Негодяй! — воскликнул разгневанный раджа.— Понимаешь ли ты, что говоришь? Ты разбойник, вор! Днем и ночью мучаешь народ, грабишь добро моих подданных! А я царь, раджа! Я не сплю ночей, думая о благе моего народа! Кто я, и кто ты?!

— О могучий раджа! — ответил ему разбойник.— Не гневайтесь. Выслушайте меня со вниманием. Вы завоевываете целые страны, грабите большие города и проливаете кровь многих тысяч людей на поле брани! У меня нет войска, и когда я нападаю на какую-нибудь деревню, то лишь иногда — в силу необходимости — приходится мне убить одного — двух человек. Мы делаем с вами одно и то же дело. Разница между нами лишь в том, что вы великий разбойник-завоеватель, а я мелкий бродяга, грабитель.

Раджа рассмеялся и велел отпустить разбойника на свободу.

Рисунки В. Высоцкого.

Дереву — 1000 лет

В 25 километрах от Тбилиси, в селе Марткоби, вы можете увидеть тысячелетнее ореховое дерево. Чтобы охватить ствол дерева, нужно не менее 14 человек. По преданию, еще царица Тамара в XII веке отдыхала под этим деревом. А во время знаменитого Марткобского боя здесь находился боевой штаб Диди Моурави — Георгия Саакадзе. Это редкое дерево до сих пор продолжает плодоносить.

И. КАНДЕЛАКИ

Искусственное кормление питона

Летом прошлого года в Киевском зоопарке появился новый, весьма редкий обитатель — трехметровый тигровый питон.

Питоны — наиболее крупные змеи земного шара, распространены они в тропических странах. Отдельные представители их достигают 10 метров длины. Питоны — очень сильные и необычайно выносливые змеи. Питаются они преимущественно млекопитающими, которых душат, обвиваясь вокруг них могучими кольцами своего тела.

Тигровые питоны очень чувствительны к изменению условий жизни. В частности, питон, привезенный в Киев, оказался настолько чувствительным к дорожным неудобствам, что потерял аппетит. Он не обращал внимания на посаженного в его клетку крольчонка.

Прошло несколько месяцев. Крольчонок превратился во взрослого кролика и привык к опасному соседу, который, однако, попрежнему безразлично относился ко всякой пище.

Сотрудников зоопарка беспокоили отсутствие аппетита и общая вялость питона. Они решили прибегнуть к искусственному кормлению удава. Хотя он и был ослаблен продолжительным голоданием, держать его в руках все же казалось небезопасным.

На помощь пришло знание строения и жизни змей. Как и другие пресмыкающиеся, питоны не имеют постоянной температуры тела, она зависит от температуры окружающей среды. Питоны — жители тропических стран — привыкли к высокой температуре и не выносят ее понижений. В зоопарках температура в помещениях для них всегда не ниже 23—25°. При понижении температуры питоны становятся вялыми, жизненные процессы у них замедляются. Этой особенностью и решено было воспользоваться. Перед кормлением питона держали несколько часов в помещении с температурой в 12—15°.

Лучший продукт для искусственного кормления — сырые куриные яйца. Чтобы ввести их в желудок змеи, необходимо сначала вставить в пищевод резиновую трубку и уже через нее с помощью шприца впрыскивать жидкие яйца.

Первый раз таким образом питона «накормили» десятью яйцами, а через полмесяца ввели в его желудок еще 15. При этом питон стал уже проявлять агрессивные черты своего характера. Одному зазевавшемуся сотруднику он довольно глубоко прокусил руку...

У не линявшего в течение 8 месяцев питона после второго кормления появились признаки наступающей линьки.

Так, благодаря искусственному кормлению была предотвращена гибель ценного экспоната зоопарка.

Ю. ПАЩЕНКО

Киев.

Необыкновенный пациент

У Тура, колхозной лошади, появились сильные желудочные боли. Тур исхудал и не мог работать. Ветеринарный фельдшер Павел Иванович Бабошин освободил его от работы и занялся лечением. Вскоре лошадь выздоровела.

Прошло много времени. Однажды Павел Иванович возвратился с работы домой (жил он в том же здании, где размещался ветеринарный участок). Жена сказала ему:

— Какая-то лошадь вертится возле дома. Отгоняла — не уходит, пыталась подойти — не подпускает, лягается...

Павел Иванович подошел к окну, видит: в самом деле стоит лошадь и смотрит в дверь лечебницы. Он вышел на крыльцо. Лошадь тихо заржала, приблизилась и сунулась к нему головой.

— Да ведь это Тур! — узнал Павел Иванович.— Что с тобой, голубчик?

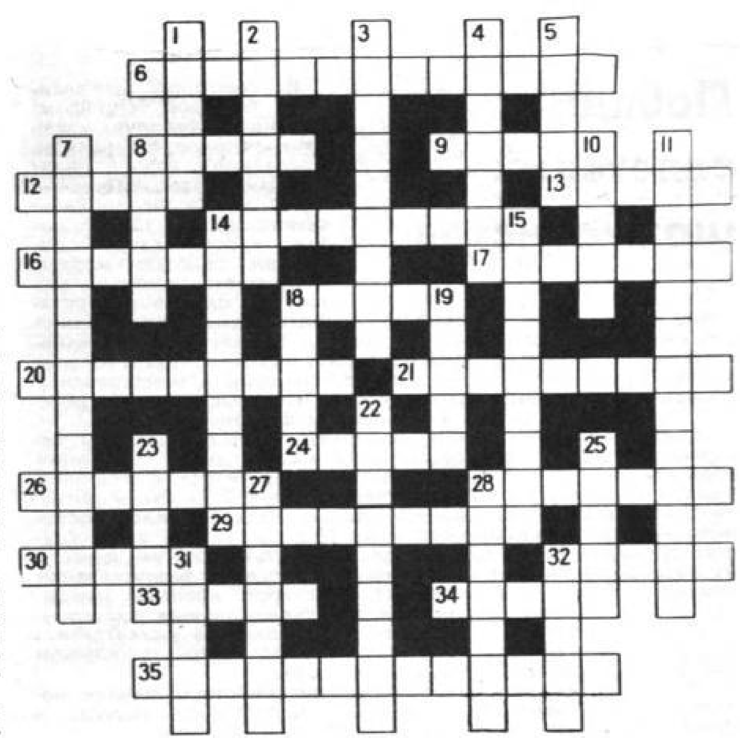
Обследовав лошадь, он обнаружил у нее колики в животе и тут же сделал ей вливание микстуры. Тур успокоился и отправился на конюшню. С тех пор так и повелось: как только Тур заболевал, он шел к своему врачу.

А. СТАРЦЕВ

Архангельская область.

В этом номере на вкладках: четыре страницы пейзажей А. А. Рылова, две страницы акварелей Ф. А. Васильева, И. Е. Репина, В. Е. Маковского, Л. Ф. Лагорио и две страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Коллективное решение, резолюция. 8. Камень или раковина с художественной резьбой. 9. Контур. 12. Персонаж комедии Мольера «Тартюф». 13. Представитель одного из народов севера РСФСР. 14. Тригонометрическая функция. 16. Графическое изображение. 17. Сильный северный ветер. 18. Река в Африке. 20. Сладкое кушанье. 21. Электроизмерительный прибор. 24. Курорт на Черном море. 26. Сельскохозяйственная работа. 28. Денежная единица. 29. Рассказ А. П. Чехова. 30. Птица из семейства уток. 32. Бумажная ткань. 33. Футляр для механизмов. 34. Город в Ярославской области. 35. Догадка.

По вертикали:

1. Летучая мышь. 2. Разновидность цвета. 3. Материк. 4. Декоративное душистое растение. 5. Русский патриот XVII века. 7. Возникновение. 8. Геометрическое тело. 10. Цвет краски. 11. Коренное переустройство. 14. Часть динамомашины. 15. Работник искусства. 18. Разветвленная часть дерева. 19. Вид спорта и промысла. 22. Русский архитектор XVIII века. 23. Конвейерная система производства. 25. Род зубила. 27. Единица времени. 28. Остров в Баренцовом море. 31. Змея. 32. Государство в Азии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

5. Финал. 6. Орфей. 11. Акмолинск. 12. Погашение. 13. Горожанин. 15. Турбинщик. 16. Запрос. 17. Воск. 18. Лавр. 19. Окулировка. 23. «Арлезианка». 26. Баян. 27. Нрав. 29. Гиалит. 32. Двоеточие. 33. Ярославна. 34. Страховка. 35. Передовая. 36. Шилка. 37. Пилон.

По вертикали:

1. Зимородок. 2. «Наливайко». 3. Преамбула. 4. Железнова. 7. Шклов. 8. Эскиз. 9. Тонус. 10. Пиния. 14. Наклонение. 15. Топография. 20. Каир. 21. Крюк. 22. Математик. 23. Антоновка. 24. Анестезия. 25. Заработок. 28. Квота. 29. Гичка. 30. Триер. 31. Ингал.

БРИГАДНЫМ МЕТОДОМ.

Изошутка Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Тел. Д 3-38-61.** Оформление Л. Шумана.

А 05063. Подп. к печ. 29/VI 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 523. Заказ 1708. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Моды

Пляжные и курортные костюмы

3. Пляжный костюм из трикотажа, комбинированный из ткани двух цветов. Платье-халат, отрезной по линии талии, сверху донизу застегивается на пуговицы, рукава реглан. Юбка слегка расклешенная, трехшовная. По подолу, выкроенная углами, нашита широкая полоса ткани другого цвета. Платье отделано тесьмой-вьюнчиком двух цветов — один в цвет полосы.

Купальник состоит из трусиков и пристегивающегося к ним лифа другого цвета. Перед лифа украшен вышитым якорем и собран на шнурке. Сзади шнурок продевается в воздушные петли, пришитые к лифу, перекрещивается и завязывается спереди.

Автор модели Е. Ф. ВЕЙНГЕР.

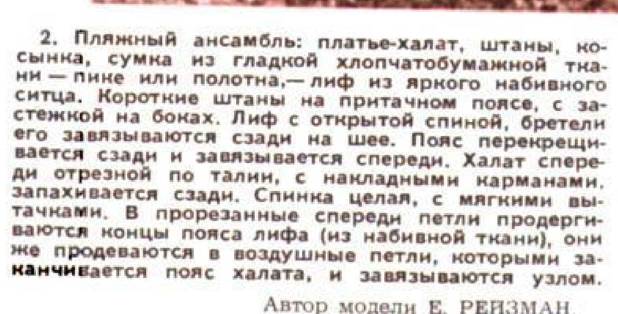
1. Пляжный костюм из хлопчатобумажной ткани двух цветов; состоит из купальника, фигаро и широкой, запахивающейся на боку юбки. Купальник, отрезной по талии и с застежкой на спине, окантован тканью в цвет юбки и фигаро. Юбка собрана под притачным поясом, в швы, соединяющие клинья юбки, втачаны канты из ткани купальника. Сумка с квадратным донышком сшита из четырех прямоугольников, стягивается шнурком.

Конструктор В. ГУСТОВА.

2. Пляжный ансамбль: платье-халат, штаны, косынка, сумка из гладкой хлопчатобумажной ткани — пике или полотна,— лиф из яркого набивного ситца. Короткие штаны на притачном поясе, с застежкой на боках. Лиф с открытой спиной, бретели его завязываются сзади на шее. Пояс перекрещивается сзади и завязывается спереди. Халат спереди отрезной по талии, с накладными карманами, запахивается сзади. Спинка целая, с мягкими вытачками. В прорезанные спереди петли продергиваются концы пояса лифа (из набивной ткани), они же продеваются в воздушные петли, которыми заканчивается пояс халата, и завязываются узлом.

Автор модели Е. РЕЙЗМАН.

Цена номера 3 руб.